

Лев Николаевич

Толстой

Плоды просвещения

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 27–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 27-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1889 г.

Размер подлинника

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

КОМЕДИЯ В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Леонид Федорович Звездинцев, отставной поручик конной гвардии, владетель 24 тысяч десятин в разных губерниях. Свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен. Верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами.

Анна Павловна Звездинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная светскими приличиями, презирающая своего мужа и слепо верящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, их дочь, светская девица, лет 20-ти, с распущенными манерами, подражающими мужским, в *pinse-nez*. Кокетка и хохотунья. Говорит очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, как иностранка.

Василий Леонидыч, их сын, 25-ти лет, кандидат юридических наук, без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак. Молодой человек, пользующийся прекрасным здоровьем и несокрушимой самоуверенностью. Говорит громко и отрывисто. Либо вполне серьезен, почти мрачен, либо шумно-весел и хохочет громко.

Алексей Владимирович Кругосветлов, профессор. Ученый, лет 50-ти, с спокойными, приятно самоуверенными манерами и такую же медлительною, певучей речью. Охотно говорит. К несоглашающимся с собой относится кратко-презрительно. Много курит. Худой, подвижный человек.

Доктор, лет 40, здоровый, толстый, красный человек. Громогласен и груб. Постоянно самодовольно посмеивается.

Марья Константиновна, девица лет 20-ти, воспитанница консерватории, учительница музыки, с махрами на лбу, в преувеличенно-модном туалете, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищев, лет 28, кандидат филологических наук, ищущий деятельности, член тех же обществ, как и Василий Леонидыч, и, кроме того, общества устройства ситцевых и коленкорových балов. Плешивый, быстрый в движениях и речи и очень учтивый.

Баронесса, важная дама, лет 50-ти, неподвижная, говорит без интонаций.

Княгиня, светская дама, гостья.

Княжна, светская девица, гримасница, гостья.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, с фальшивыми буклями и зубами.

Гросман, брюнет еврейского типа, очень подвижный, нервный, говорит очень громко.

Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всеми замечательными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говорит поспешно, стараясь переговорить других. Курит.

Барон Клинген (Кокò), кандидат Петерб. университета, камер-юнкер, служащий при посольстве. Вполне correct и потому спокоен душою и тихо весел.

Дама.

Барин (без слов).

Сахатов, Сергей Иванович, лет 50-ти, бывший товарищ министра, элегантный господин, широкого европейского образования, ничем не занят и всем интересуется. Держит себя достойно и даже несколько

строго.

Федор Иванович, камердинер, лет под 60-т. Образованный и любящий образование человек, злоупотребляющий употреблением *rinse-pez* и носового платка, который он медленно разворачивает. Следит за политикой. Человек умный и добрый.

Григорий, лакей, лет 28, красавец собой, развратный, завистливый и смелый.

Яков, лет 40, буфетчик, суетливый, добродушный, живущий только деревенскими семейными интересами.

Семен, буфетный мужик, лет 20. Здоровый, свежий деревенский малый, белокурый, без бороды еще, спокойный, улыбающийся.

Кучер, лет 35. Щеголь, с усами только, грубый и решительный.

Старый повар, лет 45, лохматый, не бритый, раздутый, желтый, трясущийся, в нанковом летнем оборванном пальто и грязных штанах, и опорках, говорит хрипло. Слова вырываются из него как бы через преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лет 30.

Швейцар, отставной солдат.

Таня, горничная, лет 19-ти, энергическая, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радости взвизгивает.

1-й мужик, лет 60-ти, ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать.

2-й мужик, лет 45, хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего. Отец Семена.

3-й мужик, лет 70-ти, в лаптях, нервный, беспокойный, торопится, робеет и разговором заглушает свою робость.

1-й выездной лакей графини. Старик старого завета, с лакейской гордостью.

2-й выездной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщик из магазина. В синей поддевке, с чистым румяным лицом. Говорит твердо, внушительно и ясно.

Действие происходит в столице, в доме Звездинцевых.

ДЕЙСТВИЕ I.

Театр представляет переднюю богатого дома в Москве. Три двери: наружная, в кабинет Леонида Федоровича и в комнату Василья Леонидыча. Лестница наверх, во внутренние покои; сзади нее проход в буфет.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Григорий (молодой и красивый лакей, глядится в зеркало и прихорашивается).

Григорий.

А жаль усов! Не годится, говорит, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то как бы не превзошел сына ее любезного. И есть кого! Хоть и без усов, а далеко ему... (Вглядывается с улыбкой.) И сколько их за мной волочатся! Только никто вот не нравится, как Таня эта! Простая горничная! Нда! А вот лучше барышни. (Улыбается.) Да и мила! (Прислушивается.) Вот, она и есть! (Улыбается.) Вишь постукивает каблучками... в-ва!..

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Григорий и Таня (с шубкой и ботинками).

Григорий.

Татьяне Марковне мое почтение!

Таня.

Что, смотрите всё? Думаете, очень из себя хороши?

Григорий.

А что, неприятен?

Таня.

Так, ни приятен ни неприятен, а середка на половину. Что ж это у вас шубы-то повешаны?

Григорий.

Сейчас, сударыня, уберу. (Снимает шубу и накрывает ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебе скажу...

Таня.

Ну вас совсем! И к чему это пристало! (Сердито вырывается.) Говорю же, оставьте!

Григорий (оглядывается).

Поцелуйте же.

Таня.

Да что вы в самом деле пристали? Я вас так поцелую!... (Замахивается.)

Василий Леонидыч. (За сценой слышен звонок и потом крик.)

Григорий!

Таня.

Вон, идите, Василий Леонидыч зовет.

Григорий.

Подождет, он только глаза продрал. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня.

И какие такие любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорий.

Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетного мужика сиволапого!

Таня.

Ну, какой ни-на-есть, да вот вам завидно.

Василий Леонидыч (за сценой).

Григорий!

Григорий.

Поспеешь!.. Есть чему завидовать! Ведь ты только начала образовываться и с кем связываешься? То ли дело меня бы полюбила...
Таня...

Таня (сердито и строго).

Говорю, не будет вам ничего.

Василий Леонидыч (за сценой).

Григорий!!!

Григорий.

Уж очень строго себя ведете.

Василий Леонидыч (за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричит).

Григорий! Григорий! Григорий!

(Таня и Григорий смеются.)

Григорий.

Меня ведь какие любили!

(Звонок.)

Таня.

Ну и идите к ним, а меня оставьте.

Григорий.

Глупая ты, посмотрю. Ведь я не Семен.

Таня.

Семен жениться хочет, а не глупости.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Григорий, Таня и артельщик (несет большой картон с платьем).

Артельщик.

С добрым утром!

Григорий.

Здравствуйте. От кого?

Артельщик.

От Бурде, с платьем, да вот записка барыне.

Таня (берет записку).

Посидите тут, я подам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4–е.

Григорий, артельщик и Василий Леонидыч (высовывается из двери в рубашке и туфлях).

Василий Леонидыч.

Григорий!

Григорий.

Сейчас!

Василий Леонидыч.

Григорий! разве не слышишь?

Григорий.

Я только пришел.

Василий Леонидыч.

Воды теплой и чаю.

Григорий.

Сейчас Семен принесет.

Василий Леонидыч.

А это что? От Бурдые?

Артельщик

Так точно–с.

(Василий Леонидыч и Григорий уходят. – Звонок.)

ЯВЛЕНИЕ 5–е.

Артельщик и Таня (вбегает на звонок и отворяет дверь).

Таня (артельщику).

Подождите.

Артельщик.

И так дожидаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 6–е

Артельщик, Таня и Сахатов (входит в дверь).

Таня.

Извините, сейчас вышел лакей. Да вы пожалуйста. Позвольте! (Снимает шубу.)

Сахатов (оправляясь).

Дома Леонид Федорович? Встали?

(Звонок.)

Таня.

Как же, давно уж!

ЯВЛЕНИЕ 7–е.

Артельщик, Таня и Сахатов. Входит Доктор.

Доктор (ищет лакея. Увидав Сахатова, с развязностью).

А? мое почтение!

Сахатов (пристально вглядывается).

Доктор, кажется?

Доктор.

А я думал, что вы за границей. К Леониду Федоровичу?

Сахатов.

Да. А вы что же? Болен разве кто?

Доктор (посмеиваясь).

Не то чтобы болен, а знаете, с этими барынями беда! До трех часов каждый день сидит за винтом, а сама тянется в рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочков–то немало.

Сахатов.

Вы так и Анне Павловне высказываете ваш диагноз? Ей не нравится, я думаю.

Доктор (смеясь).

Что же, правда. Все эти штуки проделывают, а потом расстройство пищеварительных органов, давление на печень, нервы, – ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Беда с ними! (Посмеивается.) А вы что? Вы, кажется, спирт тоже?

Сахатов.

Я? Нет, я не спирт тоже... Ну, мое почтение! (Хочет итти, но доктор останавливает.)

Доктор.

Нет, ведь я тоже не отрицаю вполне, когда такой человек, как Кругосветлов, принимает участие. Нельзя же! Профессор, европейская известность. Что-нибудь да есть. Хотелось бы как-нибудь посмотреть, да всё некогда, другое дело есть.

Сахатов.

Да, да. Мое почтение! (Уходит с легким поклоном.)

Доктор (Тане).

Встали?

Таня.

В спальне. Да вы пожалуйста.

(Сахатов и Доктор расходятся в разные стороны.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Артельщик, Таня и Федор Ивановы (входит с газетой в руках).

Федор Ивановы (к Артельщику).

Вы что?

Артельщик.

От Бурде с платьем да с запиской. Велели подождать.

Федор Ивановы.

А, от Бурде! (К Тане.) Кто это прошел?

Таня.

Сахатов, Сергей Ивановы, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Всё о спиритичестве.

Федор Ивановы (поправляя)

Об спиритизме.

Таня.

Да я и говорю об спиритичестве. А вы слышали, Федор Иванович, как прошлый раз удалось хорошо? (Смеется.) И стучало, и вещи перелетали.

Федор Иванович

А ты почему знаешь?

Таня.

А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Таня, Федор Иванович, Артельщик и Яков-буфетчик (бежит с стаканом чаю)

Яков (к Артельщику).

Здравствуйте!

Артельщик (грустно).

Здравствуйте.

(Яков стучит в дверь к Василью Леонидычу.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Те же и Григорий

Григорий.

Давай.

Яков.

А стаканы вчерашние всё не принесли, да и поднос от Василья Леонидыча. Ведь с меня спросят.

Григорий.

Поднос занят у него с сигарками.

Яков.

Так вы переложите. Ведь с меня взыскивают.

Григорий.

Принесу, принесу!

Яков.

Вы говорите, принесу, а его нет. Намедни хватились, а подавать не на чем.

Григорий.

Да принесу, говорю. Эка суета!

Яков.

Вам хорошо так говорить, а я вот третий чай подавай да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день деньской. Есть ли у кого в доме больше моего дела? А всё нехорош!

Григорий.

Да уж чего лучше? Вишь как хорош!

Таня.

Вам все нехороши, только вы один...

Григорий (к Тане).

Тебя не спросили! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Таня, Яков, Федор Иванович и Артельщик.

Яков.

Да что, я не обижаюсь, Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня.

Это об лампе-то?

Яков.

И как это она вырвалась из рук, Бог ее знает. Только стал обтирать, хотел перехватить, – вышмыгнула как-то... В мелкие кусочки! Всё мое несчастье! Ему хорошо, Григорию-то Михайлычу, говорить, как он один головой, а вот как семья? Ведь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю. Так ничего не говорила? Ну, и слава Богу! А ложечки у вас, Федор Иванович, одна или две?

Федор Иванович.

Одна, одна. (Читает газету.)

(Яков уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12–е.

Таня, Федор Иванович и Артельщик. Слышен звонок.

Входят Григорий с подносом и Швейцар.

Швейцар (Григорию).

Доложите барину, мужики из деревни.

Григорий (указывая на Федора Ивановича).

Дворецкому доложи, а мне некогда. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13–е.

Таня, Федор Иванович, Швейцар и Артельщик.

Таня.

Откуда мужики?

Швейцар.

Из Курской, кажется.

Таня (взвизгивает).

Они... Это Семенов отец о земле. Пойду встречу. (Бежит.)

ЯВЛЕНИЕ 14–е.

Федор Иванович, Швейцар и Артельщик.

Швейцар.

Так как скажете: пустить их сюда, или как? Они говорят – об земле, барин знает.

Федор Иванович.

Да, о покупке земли. Так, так. Гость у него теперь. Ты вот что: скажи, чтоб подождали.

Швейцар.

Где ж ждать?

Федор Иваныч.

Пусть на дворе подождут, я тогда вышлю.

(Швейцар уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15–е.

Федор Иваныч, Таня, за ней три Мужика, Григорий и Артельщик.

Таня.

Направо. Сюда, сюда!

Федор Иваныч.

Я не велел пускать было сюда.

Григорий.

То–то, егоза!

Таня.

Да ничего, Федор Иваныч, они тут с краюшка.

Федор Иваныч.

Натопчут.

Таня.

Они ноги обтерли, да я и подотру. (Мужикам.) Вот тут и станьте.

(Мужики входят, несут гостинцы в платках: кулич, яйца, полотенца, ищут, на что креститься. Крестятся на лестницу, кланяются Федору Иванычу и становятся твердо.)

Григорий (Федору Иванычу).

Федор Иваныч! вот говорили, от Пироне фасонисты щиблетки, уж это чего лучше у энтого–то? (Показывает на третьего Мужика в чунях.)

Федор Иваныч.

Всё вам только пересмеивать людей!

(Григорий уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16–е.

Таня, Федор Иванович и три Мужика.

Федор Иванович (встает и подходит к Мужикам).

Так вы самые курские, о покупке земли?

1–й мужик.

Так точно. Происходит, примерно, насчет свершения продажи земли мы. Доложить бы как?

Федор Иванович.

Да, да, знаю, знаю. Подождите здесь, я сейчас доложу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 17–е.

Таня и три Мужика. Василий Леонидыч (за сценой). (Мужики оглядываются, не знают куда деть гостинцы.)

1–й мужик.

Как же, значит, это, не знаю, как назвать, на чем бы подать? Хворменно, чтоб предмет исделать. Блюдце бы, что ли?

Таня.

Сейчас, сейчас. Давайте сюда; покамест вот так. (Ставит на диванчик.)

1–й мужик.

Это какого звания, примерно, почтенный подходил–то к нам?

Таня.

Это камердин.

1–й мужик.

Прямое дело, камердин. В распоряжении, значит, тоже. (К Тане.) А вы, примерно, тоже при услужении будете?

Таня.

В горничных я. Ведь я тоже Деменская. Я ведь вас знаю, и вас знаю, только этого дяденьку не знаю. (Указывает на третьего Мужика.)

3-й мужик.

Тех вознала, а меня не вознала?

Таня.

Вы Ефим Антоныч?

1-й мужик.

Двистительно.

Таня.

А вы Семенов родитель, Захар Трифоныч?

2-й мужик.

Верно!

3-й мужик.

А я, скажем, Митрий Чиликин. Вознала теперь?

Таня.

Теперь и вас знать будем.

2-й мужик.

Ты чья ж будешь?

Таня.

А Аксины, солдатки покойной, сирота.

1-й и 3-й мужики (с удивлением).

Ну-у?!

2-й мужик.

Не даром говорится: дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош.

1-й мужик.

Двистительно. Сходственно, в роде как мамзель.

3-й мужик.

Это как есть. 0, Господи!

Василий Леонидыч (за сценой звонит, а потом кричит).

Григорий! Григорий!

1-й мужик.

Кто ж это так очень себя беспокоит, примерно?

Таня.

Молодой барин это.

3-й мужик

О, Господи! Сказывал, пока что, лучше бы наружу подождали.
(Молчание.)

2-й мужик.

Тебя-то Семен замуж берет?

Таня.

А разве он писал? (Закрывается фартуком.)

2-й мужик.

Стало, писал! Да не дело задумал. Избаловался, вижу, малый.

Таня (живо).

Нет, он ничего не избаловался. Послать его вам?

2-й мужик.

Чего посылать-то. Дай срок. Успеем!

(Слышны отчаянные крики Василья Леонидыча: Григорий! чорт тебя возьми!)

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Те же. Из двери Василий Леонидыч (в рубашке, надевает pince-nez).

Василий Леонидыч.

Вымерли все?

Таня.

Нет его, Василий Леонидыч... Сейчас я пошлю. (Направляется к двери.)

Василий Леонидыч.

Ведь я слышу, что разговаривают. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня.

Это мужички из Курской деревни, Василий Леонидыч.

Василий Леонидыч (на Артельщика).

А это кто? А, да, от Бурдые!

(Мужики кланяются. Василий Леонидыч не обращает на них внимания, Григорий встречается с Таней в дверях, Таня остается.)

ЯВЛЕНИЕ 19–е.

Те же и Григорий.

Василий Леонидыч.

Я тебе говорил, – те ботинки. Не могу я эти носить!

Григорий.

Да и те там же стоят.

Василий Леонидыч.

Да где же там?

Григорий.

Да там же.

Василий Леонидыч.

Врешь!

Григорий.

Да вот увидите.

(Василий Леонидыч и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 20–е.

Таня, три Мужика и Артельщик.

3–й мужик.

А може, скажем, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы

пока что.

Таня.

Нет, ничего, подождите. Вот я вам сейчас тарелки для гостинцев принесу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Те же, Сахатов, Леонид Федорович и за ними Федор Иваныч.

(Мужики берут гостинцы и становятся в позы.)

Леонид Федорович (Мужикам).

Сейчас, сейчас, подождите. (На Артельщика.) А это кто?

Артельщик.

От Бурде.

Леонид Федорович.

А, от Бурдые!

Сахатов (улыбаясь)

Да я не отрицаю; но согласитесь, что, не видав всего того, что вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно верить.

Леонид Федорович.

Вы говорите: я не могу верить. Но мы и не требуем веры. Мы требуем исследования. Ведь не могу же я не верить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сахатов.

Как оттуда? Откуда?

Леонид Федорович.

Из того мира. Да.

Сахатов (улыбаясь).

Очень интересно, очень интересно!

Леонид Федорович.

Но, положим, вы думаете, что я увлекающийся человек, воображающий себе то, чего нет, но ведь вот Алексей Владимирович Кругосветлов,

кажется, не кто-нибудь, а профессор, и вот признает то же. Да не он один. А Крукс? А Валлас?

Сахатов.

Да ведь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, как Кругосветлов объясняет?

Леонид Федорович.

У него своя теория! Да вот приезжайте нынче вечером; он будет непременно. Сначала Гросман будет... знаете, известный угадыватель мыслей.

Да, я слышал, но ни разу не случилось видеть.

Леонид Федорович.

Ну так приезжайте. Сначала Гросман, а потом Капчич, и наш сеанс медиумический... (Федору Иванычу.) Не вернулся посланный от Капчича?

Федор Иваныч.

Нет еще.

Сахатов

Так как же бы мне узнать?

Леонид Федорович

Да вы приезжайте, всё равно приезжайте. Если Капчича и не будет, мы найдем своего медиума. Марья Игнатьевна – медиум; не такой сильный, как Капчич, но всё-таки...

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Те же и Таня (входит с тарелками для гостинцев. Прислушивается к разговору).

Сахатов (улыбаясь).

Да, да. Но только вот обстоятельство: почему медиумы всегда из так называемого образованного круга? И Капчич и Марья Игнатьевна. Ведь если это особенная сила, то она должна бы встречаться везде, в народе, в мужиках.

Леонид Федорович.

Так и бывает. Так часто бывает, что у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван – и забыли про него. Он, вероятно, и заснул.

И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, Капчич проснулся, и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (в сторону).

Это когда я из-под стола лезла.

Леонид Федорович.

Очевидно, что он тоже медиум. Тем более, что лицом он очень похож на Юма. Вы помните Юма? – белокурый, наивный.

Сахатов (пожимая плечами).

Вот как. Это очень интересно! Так вот вы его бы и испытали.

Леонид Федорович.

И испытаем. Да и не он один. Медиумов бездна. Мы только не знаем их. Вот на днях одна больная старушка передвинула каменную стену.

Сахатов.

Передвинула каменную стену?

Леонид Федорович.

Да, да, лежала в постели и совсем не знала, что она медиум. Уперлась рукой о стену, а стена и отодвинулась.

Сахатов.

И не завалилась?

Леонид Федорович.

И не завалилась.

Сахатов.

Странно! Ну, так я приеду вечером.

Леонид Федорович.

Приезжайте, приезжайте! Сеанс будет во всяком случае.

(Сахатов одевается. Леонид Федорович провожает его.)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Те же, без Сахатова.

Артельщик (Тане).

Доложите же барыне! Что же, мне ночевать, что ли?

Таня.

Подождите. Оне едут с барышней, так скоро сами выйдут. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 24–е.

Те же, без Тани.

Леонид Федорович (подходит к Мужикам, те кланяются и подают гостинцы).

Не надо это!

1–й мужик (улыбаясь).

Да уж это первым долгом происходит. Как и мир нам предлагал.

2–й мужик.

Уж это как водится.

3–й мужик.

И не толкуй! Потому, как мы много довольны... Как родители наши, скажем, вашим родителям, скажем, служили, так и мы жалаем от души, а не то чтобы как.. (Кланяется.)

Леонид Федорович.

Да что вы? Чего вы именно желаете?

1–й мужик.

К вашей милости, значит.

ЯВЛЕНИЕ 25–е.

Те же и Петрищев (быстро вбегает в шинели).

Петрищев.

Василий Леонидыч проснулся? (Увидев Леонида Федоровича, кланяется ему одной головой.)

Леонид Федорович.

Вы к сыну?

Петрищев.

Я? – Да, я на минутку в Вово.

Леонид Федорович.

Пройдите, пройдите.

(Петрищев снимает шинель и скоро идет.)

ЯВЛЕНИЕ 26–е.

Те же, без Петрищева.

Леонид Федорович (к Мужикам).

Да–с. Ну, так вы что ж?

2–й мужик.

Прими гостинцы–то.

1–й мужик (улыбаясь).

Значит, деревенские предложения.

3–й мужик.

И не толкуй, – что там! Мы жалаем как отцу родному. И не толкуй.

Леонид Федорович.

Ну что ж... Федор, прими.

Федор Иваныч.

Ну, давайте сюда. (Берет гостинцы.)

Леонид Федорович.

Так в чем же дело?

1–й мужик.

Да к вашей милости мы.

Леонид Федорович.

Вижу, что ко мне; да чего же вы желаете?

1–й мужик.

А насчет совершения продажи земли движение исделать. Происходит...

Леонид Федорович.

Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й мужик.

Двистительно, это как есть. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли. Так мир нас, примерно, и вполномочил, чтобы взойтить, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки узаконенного числа.

Леонид Федорович.

То есть вы желаете купить землю через посредство банка, – так, что ли?

1-й мужик.

Это как есть, как летось вы нам предлог исделали. Происходит, значит, всей суммы полностью 32864 р. в покупки собственности земли.

Леонид Федорович.

Это так, но как же приплату?

1-й мужик.

А приплату предлагает мир, чтоб, как летось говорено, рассрочить, значит, в получении в наличностях, по законам положений, 4000 рублей полностью.

2-й мужик.

Четыре тысячи получи денежки теперь, значит, а остальные чтоб обождать.

3-й мужик (пока развертывает деньги).

Уж это будь в надежде, себя зложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем, как-никак, а чтобы, скажем, того... как должн.

Леонид Федорович.

Да ведь я писал вам, что я согласен только в таком случае, коли соберете все деньги.

1-й мужик.

Это, двистительно, приятнее бы, да не в возможностях, значит.

Леонид Федорович.

Так что же делать?

1-й мужик.

Мир, примерно, на то упевал, что как летось предлог исделали в отсрочке платежа...

Леонид Федорович.

То было прошлого года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й мужик.

Да как же так? Обнадежил, мы и бумагу выправили, и деньги собрали.

3-й мужик.

Помилосердствуй, отец. Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяется.) Не грехи, отец! (Кланяется.)

Леонид Федорович.

Это, положим, правда, что прошлого года я соглашался отсрочить, да тут вышло обстоятельство... Так что мне теперь это неудобно.

2-й мужик.

Нам без этой земли надо жизни решиться.

1-й мужик.

Двистительно, без земли наше жительство должно ослабнуть и в упадок произойти.

3-й мужик (кланяется).

Отец! земля малая, не то что скотину, – куренка, скажем, и того выпустить некуда. Отец! помилосердствуй. Прими денежки, отец.

Леонид Федорович (просматривает пока бумагу).

Я понимаю, мне самому хотелось бы вам сделать доброе. Вы подождите. Я вам через полчаса ответ дам. Федор, скажи, чтоб никого не принимать.

Федор Иваныч.

Очень хорошо. (Леонид Федорович уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 27-е.

Те же, без Леонида Федоровича. Мужики в унынии.

2-й мужик.

Ишь ты дело-то! Всё, говорит, подавай. А где их возьмешь?

1-й мужик.

Кабы летось не обнадежил нас. А то мы так упевали, двистительно, что как летось говорено.

3-й мужик.

О, Господи! Я, было, деньги, раскутал. (Завертывает деньги.) Теперь что станем делать?

Федор Иваныч.

Да у вас в чем дело состоит?

1-й мужик.

Дело у нас, почтенный, зависит, примерно, вот в чем: предлагал он нам летось рассрочить. Мир на то и взошел мнением и нас вполномочил; а таперь он, примерно, предлагает, чтобы всю сумму полностью. А выходит дело никак неспособно.

Федор Иваныч.

Денег-то много ль?

1-й мужик.

Всей суммы в поступлении четыре тысячи рублей, значит.

Федор Иваныч.

Так что ж? – понатужьтесь, соберите еще.

1-й мужик.

И так натурно собирали. Пороху в этих смыслах, господин, не хватает.

2-й мужик.

Как их нет, зубами не натянешь.

3-й мужик.

Мы бы всей душой, да, скажем, и так под метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНИЕ 28–е.

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (в дверях, оба с папиросками).

Василий Леонидыч.

Да уж я сказал, буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно. А, что?

Петрищев.

Ты пойми, что если ты не достанешь, то это чорт знает какая гадость!

Василий Леонидыч.

Да уж сказал – буду стараться и буду. А, что?

Петрищев.

Да ничего. Я только говорю, что добудь непременно. Я подожду.
(Уходит, запирая дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 29–е.

Те же, без Петрищева.

Василий Леонидыч (махая рукой).

Чорт знает что такое.

(Мужики кланяются.)

Василий Леонидыч (смотрит на Артельщика. Федору Иванычу).

Что это вы этого от Бурдые не отпустите? Он уж совсем жить к нам переехал. Смотрите, он заснул. А, что?

Федор Иваныч.

Да подали записку, велели подождать. Когда Анна Павловна выйдут.

Василий Леонидыч (смотрит на Мужиков и воззривается на деньги).

А это что? Деньги? Это кому? Нам деньги? (К Федору Иванычу). Это кто такие?

Федор Иваныч.

Это крестьяне курские, землю покупают.

Василий Леонидыч.

Что ж, продали?

Федор Иванович.

Да нет, не сошлись еще. Вот скупятся они.

Василий Леонидыч.

А? Это надо их уговорить. (К Мужикам.) Вы что ж, покупаете, а?

1-й мужик.

Двистительно, мы предлагаем, чтобы как приобрести собственность владения земли.

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. Вы знаете, я вам скажу, как земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна.

1-й мужик.

Двистительно, земля мужику пристекает первая статья. Это как есть.

Василий Леонидыч.

Ну, вот вы и не скупитесь. Ведь земля что? Можно ведь на ней пшеницу рядами, я вам скажу, посеять. Триста пудов можно взять, по рублю за пуд, триста рублей. А, что?.. А то мятую, так тысячу рублей, я вам скажу, можно с десятины слупить!

1-й мужик.

Двистительно, это вполне, все продохты можно в действие произвести, кто понятие имеет.

Василий Леонидыч.

Так непременно мятую. Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу. А, что?

1-й мужик.

Двистительно, что касающее вам по книгам виднее. Умственность, значит.

Василий Леонидыч.

Так покупайте, не скупитесь, а давайте деньги. (Федору Ивановичу.) Папа где?

Федор Иванович.

Дома. Они просили не беспокоить их теперь.

Василий Леонидыч.

Что ж, вероятно, у духа спрашивает, продать ли землю или нет? А, что?

Федор Ивановыч.

Этого не могу сказать. Знаю, что пошли в нерешительности.

Василий Леонидыч.

Как ты думаешь, Федор Ивановыч, есть у него деньги? А, что?

Федор Ивановыч.

Уж не знаю. Едва ли. А вам зачем? Ведь вы на прошлой неделе взяли куш не маленький.

Василий Леонидыч.

Да ведь я за собак отдал. А теперь ведь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищев выбран, а я брал у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Федор Ивановыч.

Это какое ваше новое общество? Велосипидистов?

Василий Леонидыч.

Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество. И ты знаешь, кто председатель? А, что?

Федор Ивановыч.

В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч.

Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А, что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег—то нет! Пойду к нему, попытаюсь. (Уходит в дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 30-е.

Мужики, Федор Ивановыч и Артельщик.

1-й мужик (Федору Ивановычу).

Это кто же, почтенный, будут?

Федор Ивановыч (улыбаясь).

Молодой барин.

3-й мужик.

Наследник, скажем. О, Господи! (Прячет деньги.) Прибрать, видно, пока что.

1-й мужик.

А нам сказывали, что военный, в заслуге кавалерии, примерно.

Федор Иваныч.

Нет, он, как единственный сын, уволен от воинской повинности.

3-й мужик.

Для прокорму, скажем, родителей оставлен. Это правильно.

2-й мужик (качает головой).

Этот прокормит, что и говорить.

3-й мужик.

О, Господи!

ЯВЛЕНИЕ 31-е.

Федор Иваныч, три Мужика, Василий Леонидыч, за ним в дверях Леонид Федорович.

Василий Леонидыч.

Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда и нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..

Леонид Федорович.

Сказал, что не могу, и не могу. Нет у меня.

Василий Леонидыч.

Да ведь вот продали землю.

Леонид Федорович.

Во-первых, не продал, и главное – оставь меня в покое. Ведь тебе сказали, что мне некогда. (Захлопывает дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 32–е.

Те же, без Леонида Федоровича.

Федор Иваныч.

Я вам говорил, что теперь не время.

Василий Леонидыч.

Вот, я вам скажу, положение, а? Пойду к мама, одно спасенье. А то сумасшествует с своим спиритизмом и всех забыл. (Идет наверх.)

(Федор Иваныч садится было за газету.)

ЯВЛЕНИЕ 33–е.

Те же. Сверху сходят Бетси и Марья Константиновна. За ними Григорий.

Бетси.

Карета готова?

Григорий

Выезжает.

Бетси (Марье Константиновне).

Пойдемте, пойдемте! Я видела, что это он.

Марья Константиновна.

Кто он?

Бетси.

Очень хорошо знаете, что Петрищев.

Марья Константиновна.

Так где же он?

Бетси.

У Вово сидит. Вот увидите.

Марья Константиновна.

А вдруг не он?

(Мужики и Артельщик кланяются.)

Бетси (к Артельщику).

А, вы от Бурдые, с платьем?

Артельщик.

Так точно. Прикажите отпустить.

Бетси.

Да я не знаю. Это мама.

Артельщик.

Не могу знать, кому. Нам приказано снести и деньги получить.

Бетси.

Ну так подождите.

Марья Константиновна.

Это всё тот же костюм для шарады?

Бетси.

Да, прелестный костюм. А мама не берет и не хочет платить.

Марья Константиновна.

Отчего же?

Бетси.

А вот спросите у мама. Для Вово за собак заплатить 500 рублей не дорого, а платье 100 рублей дорого. А не могу же я играть чучелой!
(На Мужиков.) А это кто такие?

Григорий.

Мужики, землю покупают какую-то.

Бетси.

А я думала охотники. Вы не охотники?

1-й мужик.

Никак нет-с, госпожа. Мы насчет свершения продажи акта земли, к Леониду Федоровичу.

Бетси.

Как же, к Вово должны были притти охотники? Да вы наверное не охотники? (Мужики молчат.) Какие глупые! (Подходит к двери.) Вово! (Хохочет.)

Марья Константиновна.

Да ведь мы его встретили сейчас.

Бетси.

Охота вам помнить!.. Вово, ты здесь?

ЯВЛЕНИЕ 34-е.

Те же и Петрищев.

Петрищев.

Вово нет, но я готов исполнить за него всё, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! (Трясет руку сильно и долго Бетси, а потом Марье Константиновне.)

2-й мужик.

Вишь, ровно воду накачивает.

Бетси.

Заменить не можете, но всё-таки лучше, чем ничего. (Хохочет.) Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев.

Дела? Дела фи-нансовые, то есть они, дела наши – фи! и вместе с тем нансовые, и кроме еще финансовые.

Бетси.

Что же значит нансовые?

Петрищев.

Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси.

Ну, это не вышло, совсем не вышло! (Хохочет.)

Петрищев.

Нельзя ведь, чтобы всякий раз выходило. Это в роде аллегри. Аллегри, аллегри, а потом и выигрыш.

(Федор Иваныч уходит в кабинет Леонида Федоровича.)

ЯВЛЕНИЕ 35-е.

Те же, без Федора Иваныча.

Бетси.

Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев.

Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof.[1]

Бетси.

Не можете без jeu de mots?[2] Это болезнь. И цыгане были? (Смеется.)

Петрищев (поет).

На фартучках петушки, золотые гребешки!..

Бетси.

Экие счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петрищев (продолжая напевать).

И божилась, и клялась – побывать ко мне... Как дальше? Марья Константиновна, как дальше?

Марья Константиновна.

Ко мне на час...

Петрищев.

Как? Как, Марья Константиновна? (Хохочет.)

Бетси.

Cessez, vous devenez impossible![3]

Петрищев.

J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédé...[4]

Бетси.

Я вижу одно средство избавиться от ваших острот – это заставить вас петь. Пойдемте к Вово в комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

(Бетси, Марья Константиновна и Петрищев уходят в комнату Василия Леонидыча.)

ЯВЛЕНИЕ 36-е.

Григорий, три Мужика и Артельщик.

1-й мужик.

Это чьи же?

Григорий.

Одна – барышня, а другая – мамзель, музыки учит.

1-й мужик.

В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий патрет.

2-й мужик.

Что же замуж не выдают? Года-то уж, небось, вышли?

Григорий.

Разве как у вас, пятнадцати лет?

1-й мужик.

А мужчинка-то тот, примерно, из музыканщиков?

Григорий (передразнивая).

Из музыканщиков!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й мужик.

Это двистительно, глупость наша, значит, необразованность.

3-й мужик.

О, Господи!

(Слышно пение цыганских песен с гитарой из комнаты Василия Леонидыча.)

ЯВЛЕНИЕ 37–е.

Григорий, три Мужика, Артельщик, входит Семен и вслед за ним Таня. Таня наблюдает за встречей отца с сыном.

Григорий (к Семену).

Ты чего?

Семен.

К господину Капчичу посылали.

Григорий.

Ну, что?

Семен.

На словах приказали сказать, нынче никак быть не могут.

Григорий.

Хорошо, я доложу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 38–е.

Те же, без Григория.

Семен (отцу).

Здорово, батюшка! Дяде Ефиму, дяде Митрию – почтение! Дома здоровы ли?

2–й мужик.

Здорово, Семен.

1–й мужик.

Здорово, братец.

3–й мужик.

Здорово, малый. Жив ли?

Семен (улыбаясь).

Что ж, батюшка, пойдем, что ль, чайку попить?

2–й мужик.

Погоди, отделаемся, – разве не видишь, недосуг таперь?

Семен.

Ну, ладно, я у крыльца ждать буду. (Уходит.)

Таня (бежит за ним).

Ты что ж ничего не сказал?

Семен.

Как же теперь говорить при народе? Дай срок, пойдем чай пить, я и скажу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 39–е.

Те же, без Семена. Федор Иванович выходит и садится к окну с газетой.

1–й мужик.

Ну что ж, почтенный, как дело наше происходит?

Федор Иванович.

Погодите, сейчас выйдет, кончает.

Таня (к Федору Ивановичу).

А вы почем, Федор Иванович, знаете, что кончает?

Федор Иванович.

А я знаю, когда он вопросы окончит, то он вслух перечитывает вопрос и ответ.

Таня.

Неужели ж правда, что блюдечком можно разговаривать с духами?

Федор Иванович.

Стало быть, можно.

Таня.

Ну что ж, они ему скажут подписать – он и подпишет?

Федор Иванович.

А то как же?

Таня.

Да ведь они словами не говорят?

Федор Иванович

Азбукой. Против какой буквы остановится, он и замечает.

Таня.

Ну, а если в сиансе?...

ЯВЛЕНИЕ 40-е.

Те же и Леонид Федорович.

Леонид Федорович.

Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желал, но никак не могу. Если все деньги, то другое дело.

1-й мужик.

Это двистительно, чего б лучше. Да маломочен народ, никак невозможно.

Леонид Федорович.

Не могу, не могу никак. Вот и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й мужик.

А ты пожалей, отец, помилосердствуй!

2-й мужик.

Что ж так делать? Обида это.

Леонид Федорович

Обиды, братцы, нету. Я вам тогда летом говорил: коли хотите, делайте. Вы не захотели, а теперь мне нельзя.

3-й мужик.

Отец! смилосердуйся. Как жить таперича? Земля малая, не то что скотину – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

(Леонид Федорович идет и останавливается в дверях.)

ЯВЛЕНИЕ 41-е.

Те же, Барыня и Доктор сходят сверху. За ними Василий Леонидыч, в веселом и игривом настроении духа, укладывает деньги в бумажник.

Барыня (затянутая, в шляпке).

Так принять?

Доктор.

Коли повторные явления будут, непременно принять. А главное – ведите себя лучше. А то как же вы хотите, чтоб густой сироп прошел через тоненькую волосаную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмем? Нельзя? Так и желчепровод. Всё ведь это очень просто.

Барыня.

Ну, хорошо, хорошо.

Доктор

То-то хорошо, а всё по-старому; а так, барыня, нельзя, нельзя. Ну, прощайте!

Барыня.

Не прощайте, а до свиданья. Вечером я вас всё-таки жду; без вас я не решусь.

Доктор.

Ладно, ладно. Коли время будет, заверну. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 42-е.

Те же, без Доктора.

Барыня (увидав Мужиков).

Это что? Что это? Что это за люди? (Мужики кланяются.)

Федор Иваныч.

Это крестьяне из Курской о покупке земли к Леониду Федоровичу.

Барыня.

Я вижу, что крестьяне, да кто их пустил?

Федор Иваныч

Леонид Федорович приказали. Они с ними сейчас говорили о продаже

земли.

Барыня.

И какая продажа? Совсем не нужно продавать. А главное – как же пускать людей с улицы в дом! Как пускать людей с улицы! Нельзя пускать в дом людей; которые ночевали Бог знает где...

(Разгорячается всё более и более.) В одеждах, я думаю, всякая складка полна микроб: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да ведь они из Курской, из Курской губернии, где повальный дифтерит!.. Доктор, доктор! Воротите доктора!

(Леонид Федорович уходит, закрывая дверь. Григорий выходит за доктором.)

ЯВЛЕНИЕ 43–е.

Те же, без Леонида Федоровича и Григория.

Василий Леонидыч (курит на Мужиков).

Ничего, мама, хотите я их окурю так, что всем микробам капут? А, что? (Барыня строго молчит, ожидая возвращения Доктора.)

Василий Леонидыч (к Мужикам).

А вы свиней выкармливаете? Вот выгодно–то.

1–й мужик.

Двистительно, пускаем когда и по свиной части.

Василий Леонидыч.

Таких... Иу, иу! (Хрюкает поросенком.)

Барыня.

Вово, Вово! перестань!

Василий Леонидыч.

Похоже? А, что?

1–й мужик.

Двистительно, сходственно.

Барыня.

Вово, перестань, я тебе говорю!

2-й мужик.

Это к чему же?

3-й мужик.

Сказывал, на фатеру бы пока что.

ЯВЛЕНИЕ 44-е.

Те же, Доктор и Григорий.

Доктор.

Ну, что еще? Что такое?

Барыня.

Да вот вы говорите, чтобы не волноваться. Ну как тут быть спокойной? Я сестру не вижу два месяца, я остерегаюсь всякого сомнительного посетителя. И вдруг люди из Курска, прямо из Курска, где повальным дифтерит, – в середине моего дома!

Доктор.

То есть вот эти молодцы-то?

Барыня.

Ну да, прямо из дифтеритной местности!

Доктор.

Да, коли из дифтеритной местности, то, разумеется, неосторожно, но всё-таки очень-то волноваться не зачем.

Барыня.

Да ведь вы сами же предписываете осторожность?

Доктор.

Ну да, ну да, только волноваться-то очень не зачем.

Барыня.

Да ведь как же? Полную дезинфекцию надо.

Доктор.

Нет, что ж полную, это дорого слишком, рублей триста, а то и больше станет. А я вам дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую

бутылку воды...

Барыня.

Отварной?

Доктор.

Всё равно. Отварной лучше... Так на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть всё, чего касались даже, а их самих, молодцов этих, разумеется, вон. Вот и всё. Тогда смело. Да того же состава через пульверизатор в воздух пропустите, стаканчика два, три, и посмотрите, как хорошо будет. Совершенно безопасно!

Барыня.

Таня где? Позовите Таню!

ЯВЛЕНИЕ 45-е.

Те же и Таня.

Таня.

Что прикажете?

Барыня.

Знаешь большую бутылку в уборной?

Таня.

Из которой прачку вчера брызгали?

Барыня.

Ну да, а то какая же! Так вот возьми ты эту бутылку и вымой прежде, где они стоят, мылом, потом этим...

Таня.

Слушаю-с. Я знаю как.

Барыня.

Да потом возьми пульверизатор... Впрочем, я вернусь, сама сделаю.

Доктор

Так и сделайте, и не бойтесь Ну, так до свиданья, до вечера.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 46-е.

Те же, без Доктора.

Барыня.

А их вон, вон, чтоб их духу не было. Вон, вон. Идите, что смотрите?

1-й мужик.

Двистительно, мы как по глупости, как нам предлагать...

Григорий (выпроваживая Мужиков).

Ну, ну, идите, идите.

2-й мужик.

Платок-то мой дай!

3-й мужик.

О, Господи! Говорил я – на фатеру бы покуда что.

(Григорий выталкивает его.)

ЯВЛЕНИЕ 47-е.

Барыня, Григорий, Федор Иванович, Таня, Василий Леонидыч и Артельщик.

Артельщик (несколько раз порывавшийся говорить).

Будет ответ какой?

Барыня.

А, это от Бурдые? (Горячась.) Никакого, никакого, и несите назад. Я ей говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Артельщик.

Не могу знать, меня послали.

Барыня.

Ступайте, ступайте и несите назад. Я сама заеду.

Василий Леонидыч (торжественно).

Господин посланник от Бурдые, ступайте!

Артельщик.

Давно бы сказали. Что ж я пять часов сидел?

Василий Леонидыч.

Посланец Бурдые, ступайте!

Барыня.

Перестань, пожалуйста.

(Артельщик уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 48-е.

Те же, без Артельщика.

Барыня.

Бетси! Где она? Вечно ее ждать.

Василий Леонидыч (кричит во всё горло).

Бетси! Петрищев! Идите скорей! Скорей! Скорей! А, что?

ЯВЛЕНИЕ 49-е.

Те же, Петрищев, Бетси и Марья Константиновна.

Барыня.

Вечно тебя ждешь.

Бетси.

Напротив, я вас жду.

(Петрищев кланяется одной головой и целует руку барыне.)

Барыня.

Здравствуйте! (К Бетси.) Всегда отвечать!

Бетси.

Если вы, мама, не в духе, так лучше я не поеду.

Барыня.

Едем или не едем?

Бетси.

Да едемте, что ж делать?

Барыня.

Видела от Бурдые?

Бетси.

Видела и очень была рада. Я заказывала костюм и надену, когда заплатят за него деньги.

Барыня.

Я не заплачу и не позволю надеть неприличный костюм.

Бетси.

Отчего он стал неприличный? То был приличен, а то на вас pruderie[5] нашла.

Барыня.

Не pruderie, а переделать весь лиф, тогда можно.

Бетси.

Мама, право, это невозможно.

Барыня.

Ну, одевайся же. (Садятся. Григорий надевает ботинки.)

Василий Леонидыч.

Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота в передней?

Марья Константиновна.

А что? (Вперед смеется.)

Василий Леонидыч.

А от Бурдые ушел. А, что? Хорошо? (Хохочет громко.)

Барыня.

Ну, едем. (Выходит в дверь и тотчас же возвращается.) Таня!

Таня.

Что прикажете?

Барыня.

Фифку без меня чтоб не простудить. Если будет проситься выпускать, то непременно надеть капотец желтенький. Она не совсем здорова.

Таня

Слушаю-с.

(Барыня, Бетси и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 50-е.

Петрищев, Василий Леонидыч, Таня и Федор Иваныч.

Петрищев.

Ну что же, добыл?

Василий Леонидыч.

Я тебе скажу, с трудом. Сначала сунулся к родителю, – зарычал и прогнал. Я к родительнице, – ну, и добился. Тут! (Хлопает по карману.) Уж если я возьмусь, от меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче ведь приведут моих волкодавов.

(Петрищев и Василий Леонидыч одеваются и уходят. Таня идет за ними.)

ЯВЛЕНИЕ 51-е.

Федор Иваныч (один).

Федор Иваныч.

Да, всё неприятности. И как это они не могут в согласии жить? Да и правду сказать, молодое поколение – не то. А царство женщин? Как давеча Леонид Федорович хотели было вступиться, да увидали, что она в экстазе, захлопнули дверь. Редкой доброты человек! Да, редкой доброты... Это что? Таня-то их опять ведет.

ЯВЛЕНИЕ 52-е.

Федор Иваныч, Таня и три Мужика.

Таня.

Идите, идите, дяденьки, ничего.

Федор Иваныч.

Зачем же ты их опять привела?

Таня.

Да как же, Федор Иванович, батюшка, надо же как-нибудь похлопотать за них. А я уж вымою заодно.

Федор Иванович.

Да ведь не сойдется дело, я уж вижу.

1-й мужик.

Как же, поштенный, наше дело в действие произвести? Вы, ваше степенство, побеспокойтесь как-нибудь, а уж мы в награждение хлопот от миру благодарность представить можем вполне.

3-й мужик.

Постарайся, соколик, жить нам нельзя. Земля малая, – не то что скотину, а курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяются.)

Федор Иванович.

И жалко мне вас, да не знаю, братцы. Я ведь очень понимаю. Да ведь отказал он. Теперь как же? Да и барыня еще несогласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу, – пойду, попытаюсь, попрошу его. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 53-е.

Таня и три Мужика (вздыхают).

Таня.

Да вы мне скажите, дяденьки, в чем дело-то стало?

1-й мужик.

Да вот только бы подписом приложения руки.

Таня.

Только чтоб барин бумагу подписал, да?

1-й мужик.

Только всего, приложить руку и деньги взять, вот бы и развязка.

3-й мужик.

Написал бы только: как мужички, скажем, жалают, так, скажем, и я

жалаю. И всего дела: взял, подписал, и крышка.

Таня.

Только подписать? На бумаге только чтоб барин подписал?
(Задумывается.)

1-й мужик.

Двистительно, только всего и зависит дело. Подписал, значит, и больше никаких.

Таня.

Вы погодите, что вот Федор Иванович скажет. Если он не уговорит, я попытаю одну штуку.

1-й мужик.

Объегоришь?

Таня

Попытаю.

3-й мужик.

Ай, деушка, хлопотать хочет. Только выхлопочи ты дело, всю жизнь, скажем, кормить миром обяжемся. Во-как!

1-й мужик.

Кабы в действие произвести такое дело, двистительно озолотить можно.

2-й мужик.

Да уж что говорить!

Таня.

Верно не обещаю; как это говорится: попытка – не шутка, а...

1-й мужик.

А спрос – не беда. Это двистительно.

ЯВЛЕНИЕ 54-е.

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович.

Нет, братцы, не выходит ваше дело, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й мужик (берет бумагу, к Тане).

Так уж на тебя, примерно, упевать станем.

Таня.

Сейчас, сейчас. Вы идите, на улице подождите, а я сию минутую выбегу, скажу что.

(Мужики уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 55-е.

Федор Иванович и Таня.

Таня.

Федор Иванович, голубчик, доложите барину, чтоб он ко мне вышел. Мне ему словечко сказать надо.

Федор Иванович.

Это что за новости?

Таня.

Да нужно, Федор Иванович. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей-Богу.

Федор Иванович.

Какое такое дело?

Таня.

Да секрет маленький. Я вам после открою. Вы доложите только.

Федор Иванович (улыбаясь).

И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 56-е.

Таня (одна).

Таня.

Право, сделаю. Ведь он сам говорил, что сила в Семене есть, а ведь я всё знаю, как делать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдет дело, не беда. Разве грех какой?

ЯВЛЕНИЕ 57–е.

Таня, Леонид Федорович и за ними Федор Иваныч.

Леонид Федорович (улыбаясь).

Вот просительница–то! Что это у тебя за дело?

Таня.

Секрет маленький, Леонид Федорович. Позвольте мне один–на–один сказать.

Леонид Федорович.

Что так? Федор, выдь на минутку.

ЯВЛЕНИЕ 58–е.

Леонид Федорович и Таня.

Таня.

Как я жила, выросла в вашем доме, Леонид Федорович, и как благодарна вам за всё, я как отцу родному откроюсь. Живет у вас Семен и хочет он на мне жениться.

Леонид Федорович.

Вот как!

Таня.

Открываюсь перед вами, как перед Богом. Посоветоваться мне не с кем, как сирота я.

Леонид Федорович.

Что ж, отчего же! Он, кажется, малый хороший.

Таня.

Это точно, он всё бы ничего, только одно я сумлеваюсь. И спросить хотела вас, что есть за ним одно дело, а я и понять не могу... как бы не худое что.

Леонид Федорович.

Что ж, он пьет?

Таня.

Нет, помилуй Бог! А как я знаю, что спиритичество есть...

Леонид Федорович.

Знаешь?

Таня.

Как же-с! Я очень понимаю. Другие, точно, по необразованию не понимают этого...

Леонид Федорович.

Ну так что ж?

Таня.

Да вот опасаюсь насчет Семена. С ним это бывает.

Леонид Федорович.

Что бывает?

Таня.

Да вот в роде, как спири...тичество. Это у людей спросите. Как только он задремлет у стола, сейчас стол затрясется, весь заскрипит так: тук, ту... тук! Все и люди слышали.

Леонид Федорович.

Вот как раз то, что я утром Сергею Ивановичу говорил. Ну?..

Таня.

А то... когда это было?.. Да, в среду. Сели обедать. Только он сел за стол, а ложка сама к нему в руку – прыг!

Леонид Федорович.

А, это интересно! И в руку прыг? Что ж, он задремал?

Таня.

Вот уж не заметила. Кажется, что задремал.

Леонид Федорович.

Ну?...

Таня.

Ну, вот я и опасаюсь и об этом спросить хотела, что не будет ли от этого вреда? Тоже век жить, а в нем такое дело.

Леонид Федорович (улыбаясь).

Нет, не бойся, тут худого ничего нет. А это значит только то, что он медиум, – просто медиум. Я и прежде знал, что он медиум.

Таня.

Вот что... А я–то боялась!

Леонид Федорович.

Нет, не бойся, ничего. (Сам с собой.) Вот и прекрасно. Капчича не будет, мы его нынче и испытаем... Нет, ты, милая, не бойся, он и хороший муж будет, и всё... А это особенная сила, она во всех есть. Только в одних слабей, в других сильней.

Таня.

Покорно вас благодарю. Я теперь и думать не буду. А то и боялась... Что значит неученье–то наше!

Леонид Федорович.

Нет, нет, не бойся. Федор!

ЯВЛЕНИИ 59–е.

Те же и Федор Иванович.

Леонид Федорович.

Я пойду со двора. К вечеру приготовить всё для сеанса.

Федор Иванович.

Да ведь Капчич не изволит быть.

Леонид Федорович.

Ничего, всё равно. (Надевает шинель.) Пробный сеанс будет с своим медиумом. (Уходит. Федор Иванович провожает его.)

ЯВЛЕНИЕ 60–е.

Таня (одна).

Таня.

Поверил, поверил! (Взвизгивает, прыгает.) Ей-Богу, поверил! Вот чудо-то! (Взвизгивает.) Теперь сделаю, только бы Семен не сробел.

ЯВЛЕНИЕ 61-е.

Таня и Федор Иванович (возвращается).

Федор Иванович.

Ну что же, сказала свой секрет?

Таня.

Сказала. Да я и вам открою, только после... А у меня и к вам, Федор Иванович, просьба есть.

Федор Иванович.

Какая же это ко мне-то просьба?

Таня (стыдливо).

Вы мне как второй отец были, я вам как перед Богом откроюсь.

Федор Иванович.

Да ты не виляй, прямо к делу.

Таня.

Да что дело? Дело-то, что Семен на мне жениться хочет.

Федор Иванович.

Вот как! То-то я примечаю...

Таня.

Да что ж мне скрывать? Мое дело сиротское, а вы сами знаете здешнее городское заведение: всякий пристаёт; хоть бы Григорий Михайлыч, проходу от него нету. Тоже и этот... знаете? Они думают, что у меня души нет, что я только им для забавы далась...

Федор Иванович.

Умница, хвалю! Ну, так что же?

Таня.

Да Семен писал отцу, а он, отец-то, нынче меня увидал, да сейчас и говорит: избаловался, — про сына-то. Федор Иванович! (Кланяется.)

Будьте мне заместо отца, поговорите с стариком, с Семеновым отцом. Я бы их в кухню провела, а вы бы зашли, да и поговорили старику.

Федор Иваныч (улыбаясь)

Это сватом я, значит, буду? Что ж, можно.

Таня.

Федор Иваныч, голубчик, будьте заместо отца родного, а я век за вас буду Бога молить.

Федор Иваныч.

Хорошо, хорошо; пройду ужю. Обещаю, так сделаю. (Берет газету.)

Таня.

Второй отец мне будете.

Федор Иваныч.

Хорошо, хорошо.

Таня.

Так я буду в надежде... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 62-е.

Федор Иваныч один.

Федор Иваныч (кивает головой).

А ласковая девочка, хорошая. А ведь сколько их таких пропадает, подумаешь! Только ведь промахнись раз один – пошла по рукам... Потом в грязи ее уж не сыщешь. Не хуже, как Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелеяла, выращивала... (Берет газету.) Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?...

Занавес.

—

ДЕЙСТВИЕ II.

Театр представляет внутренность людской кухни. Мужики, раздевшись и

запотев, сидят у стола и пьют чай. Федор Иванович с сигарой на другом конце сцены. На печке Старый повар, не видный первые четыре явления.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Три Мужика и Федор Иванович.

Федор Иванович.

Мой совет, ты ему не препятствуй. Если его желание есть и ее тоже, так и с Богом. Девушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя без этого. А девушка умная.

2-й мужик.

Что ж, коли его охота есть. Ему жить с ней, а не мне. Только уж очень чиста. Как ее в избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Федор Иванович.

Это, братец ты мой, не от чистоты, а от характера. Коли доброго характера, так будет покорна и уважительна.

2-й мужик.

Да уж возьму, коли так малый усетился, чтобы беспрременно ее взять. Тоже с немилкой жить беда! Со старухой посоветуюсь, да и с Богом.

Федор Иванович.

Ну, и по рукам.

2-й мужик.

Да уж видно, что так.

1-й мужик.

И как тебе фортунит, Захар: приехал за совершением дела, а глядь – сноху за сына какую кралю высватал. Только бы sprysnut' значит, чтобы хворменно было.

Федор Иванович.

Этого совсем не нужно.

(Неловкое молчание.)

Федор Иванович.

Я ведь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вам скажу, сам

подумываю, где бы землицы купить. Домик построил бы, да крестьянствовал. Хоть бы в вашей стороне.

2-й мужик.

Разлюбезное дело!

1-й мужик.

Двистительно, при деньгах можно в деревне себе всякое удовольствие получить.

3-й мужик.

Что и говорить! Деревенское дело, скажем, во всяком разе свободно, не то, что в городе.

Федор Иваныч.

Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?

2-й мужик.

Отчего же не принять? Вина старикам выставишь, сейчас примут.

1-й мужик.

Да питейное заведение, примерно, или трактир откроете, житье такое будет, что умирать не надо. Царствуй, и больше никаких.

Федор Иваныч.

Там видно будет. А только хочется на старости лет спокойно пожить. Жить мне и здесь хорошо – жалко и оставить: Леонид Федорович ведь редкой доброты человек.

1-й мужик.

Это двистительно. Да что же он наше-то дело? Ужели ж так, без последствий?

Федор Иваныч.

Он-то бы рад.

2-й мужик.

Видно, он жены боится.

Федор Иваныч.

Не боится, а тоже согласия нет.

3-й мужик.

А ты бы, отец, постарался, а то как нам жить? Земля малая...

Федор Иваныч.

Да вот посмотрим, что выйдет от Татьянинных хлопот. Ведь она взялась.

3-й мужик (пьет чай).

Отец, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Федор Иваныч.

Да кабы в моих руках дело было. (Ко 2-му мужику.) Так так, братец, сваты мы с тобой будем. Кончено дело об Тане-то?

2-й мужик.

Да уж сказал коли я, и без пропою назад не попячусь. Только бы дело наше вышло.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Те же, входит Кухарка, заглядывает на печку, делает туда знаки и тотчас же начинает оживленно говорить с Федором Иванычем.

Кухарка.

Сейчас из белой кухни позвали Семена в верх; барин да энтот, что вызывает с ним, лысый-то, посадили его да велели на место Капчича действовать.

Федор Иваныч.

Что ты врешь!

Кухарка.

Как же! сейчас Тане Яков сказывал.

Федор Иваныч.

Чудно это!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Те же и Кучер.

Федор Иваныч.

Ты что?

Кучер (к Федору Иванову).

Так и скажите, что я не нанимался с собаками жить. Пускай другой кто живет, а я с собаками жить несогласен.

Федор Иванов.

С какими собаками?

Кучер.

Да привели от Василья Леонидыча трех кобелей к ним в кучерскую. Напакостили, воют, а приступить нельзя – кусаются. Злые черти! – того и гляди сожрут. И то хочу поленом ноги им перебить.

Федор Иванов.

Да когда же это?

Кучер.

Да нынче привели с выставки, какие-то дорогие, пустопсовые, чтоль, леший их знает! Либо собакам в кучерской, либо кучерам жить. Так и скажите.

Федор Иванов.

Да, это непорядок. Я пойду спрошу.

Кучер.

Их бы сюда, что ль, к Лукерье.

Кухарка (горячо).

Тут люди обедают, а ты кобелей запереть хочешь. Уж и так...

Кучер.

А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашивают. Ну, в дворницкую, что ль.

Федор Иванов.

Надо Василью Леонидычу сказать.

Кучер (сердито).

Повесил бы себе на шею кобелей этих, да и ходил бы с ними, а то сам-то, небось, на лошадях ездить любит. Красавчика испортил ни за что. А лошадь была!.. Эх, житье! (Уходит, хлопая дверью.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Те же, без Кучера.

Федор Иванович.

Да, непорядки, непорядки! (К Мужикам.) Ну, так так-то, пока прощайте, ребята!

Мужики.

С Богом.

(Федор Иванович уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Те же, без Федора Ивановича.

(Как только Федор Иванович уходит, на печке слышно кряхтение.)

2-й мужик.

Уж и гладок же, ровно анарал.

Кухарка.

Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся от господ, чай, сахар – это всё господское, и пища со стола.

Старый повар.

Как чорту не жить, – накрал!

2-й мужик.

Это чей же, на печке-то?

Кухарка.

Да так, человечек один. (Молчание.)

1-й мужик.

Ну, да и у вас, посмотрел я давеча, ужинали, капиталец дюже хорош.

Кухарка.

Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Белая булка по воскресеньям, рыба в постные дни по праздникам, а кто хошь, и скоромное ешь.

2-й мужик.

Разве постом лопают кто?

Кухарка.

Э, да все почитай. Только и постятся, что кучер (не этот, что приходил, а старый), да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут.

2-й мужик.

Ну, а сам-то?

Кухарка.

Э, хватился! да он и думать забыл, какой такой пост есть.

3-й мужик.

О, Господи!

1-й мужик.

Дело господское, по книжкам дошли. Потому умственность!

3-й мужик.

Ситник-то каждый день, я чай?

Кухарка.

О, ситник! Не видали они твоего ситника! Посмотрел бы пищу у них: чего-чего нет!

1-й мужик.

Господская пища, известно, воздушная.

Кухарка.

Воздушная-то, воздушная, – ну, да и здоровы жрать.

1-й мужик.

В аппеките, значит.

Кухарка.

Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью – свое. Ест и запивает, ест и запивает.

1-й мужик.

Она, значит, в препорцию и проносит пищу-то.

Кухарка.

Да уж как здоровы жрать – беда! У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят.

2-й мужик.

Как свиньи, в корыто с ногами. (Мужики смеются.)

Кухарка.

Только, Господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколрад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: конфеты, жамки – и конца нет. В постели лежа, – и то едят.

3-й мужик.

Вот так так. (Хохочет.)

1-й и 2-й мужики.

Да ты чего?

3-й мужик.

Хоть бы денек так пожить!

2-й мужик.

Ну, а когда же дела делают?

Кухарка.

Какие у них дела? В карты да в фортепяны – только и делов. Барышня, так та, бывало, как глаза продерет, так сейчас к фортепянам, и валяй! А эта, что живет, учительша, стоит, ждет, бывало, скоро ли опростаются фортепяны; как отделалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепян поставят, да по-двое, вчетвером запузывают. Так-то запузывают, аж здесь слышно.

3-й мужик.

Ох, Господи!

Кухарка.

Ну, вот только и делов: в фортепяны, а то в карты. Как только съехались, сейчас карты, вино, закусят, – и пошло на всю ночь. Только встанут – поесть опять!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Те же и Семен.

Семен.

Чай да сахар!

1-й мужик.

Милости просим, садись.

Семен (подходит к столу).

Благодарю покорно.

(1-й мужик наливает ему чай.)

2-й мужик.

Где был?

Семен.

Вверху был.

2-й мужик.

Что ж, какие же там дела?

Семен.

Да и не поймешь. Не знаю, как сказать.

2-й мужик.

Да что ж, дело какое?

Семен.

Да и не знаю, как сказать, силу какую-то во мне пытали. Да я не пойму. Татьяна говорит: делай, мы, говорит, нашим мужикам землю охлопочем, продаст.

2-й мужик.

Да как же она сделает-то?

Семен.

Да не пойму от нее, она не рассказывает. Только, говорит, делай, как я велю!

2-й мужик.

Что ж делать-то?

Семен.

Да сейчас ничего. Посадили меня, свет потушили, велели спать. А Татьяна тут же схоронилась. Они не видят, а я вижу.

2-й мужик.

Что ж это, к чему?

Семен.

А Бог их знает, – не поймешь.

1-й мужик.

Известно, для разгулки времени.

2-й мужик.

Ну, видно, этих делов не разберем мы с тобой. А вот ты сказывай: денег ты много забрал?

Семен.

Я не брал, всё зажито, 28 рублей, должно.

2-й мужик.

Это ладно. Ну, а коли Бог даст, о земле сладимся, ведь я тебя, Семка, домой возьму.

Семен.

С моим удовольствием.

2-й мужик.

Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Семен.

Пахать-то? Давай сейчас. Косить, пахать, это всё из рук не вывалится.

1-й мужик.

А всё, примерно, после городского жительство не поманится.

Семен.

Ничего, и в деревне жить можно.

1-й мужик.

А вот дядя Митрий на твое место охотится, на великатную жизнь.

Семен.

Ну, дядя Митрий, наскучит. Оно, глядеться, легко, а беготни тоже много. Замотаешься.

Кухарка.

Вот ты бы, дядя Митрий, посмотрел балы у них. Вот подивился бы!

3-й мужик.

А что ж, едят всё?

Кухарка.

Куды тебе? Посмотрел бы, что было! Меня Федор Иваныч провел. Посмотрела я: барыни – страсть! Разряжены, разряжены, что куда тебе! А по сих. мест голые, и руки голые.

3-й мужик.

О, Господи!

2-й мужик.

Тьфу, скверность!

1-й мужик.

Значит, клеймат так позволяет.

Кухарка.

Так-то и я, дяденька, глянула: что ж это? – все телешом. Верить ли, старые, – наша барыня, у ней, мотри, внуки, – тоже оголились.

3-й мужик.

О, Господи!

Кухарка.

Так ведь что: как вдарит музыка, как взыграли, – сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит, и пошел кружить.

2-й мужик.

И старухи?

Кухарка.

И старухи.

Семен.

Нет, старухи сидят.

Кухарка.

Толкуй, я сама видела!

Семен.

Да нет же.

Старый повар (высовываясь, хрипло).

Полька-мазурка это. Э, дура, не знает! – танцуют так...

Кухарка.

Ну, ты, танцорщик, помалкивай, знай. Во, идет кто-то

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Те же и Григорий.

(Старый повар поспешно скрывается.)

Григорий (Кухарке).

Давай капусты кислой!

Кухарка.

Только с погреба пришла, опять лезть. Кому это?

Григорий.

Барышням тюрю. Живо! С Семеном пришли, а мне некогда.

Кухарка.

Вот наедятся сладко так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

1-й мужик.

Для прочистки, значит.

Кухарка.

Ну да, опростают место, опять валяй! (Берет чашку и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Те же, без Кухарки.

Григорий (Мужикам).

Вишь, расселись. Вы смотрите: барыня узнает, она вам такую задаст трепку, не хуже утрешнего. (Смеется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Три Мужика, Семен и Старый Повар (на печке).

1-й мужик.

Двистительно, штурму сделала давеча – беда!

2-й мужик.

Давеча хотел он, видно, вступиться, а потом как глянул, что она крышу с избы рвет, захлопнул дверь: будь ты, мол, неладна.

3-й мужик (махая рукой).

Всё одно положение. Тоже моя старуха, скажем, другой раз распалится – страсть! Уж я из избы вон иду. Ну ее совсем! Того гляди, скажем, рогачом зашибет. О, Господи!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Те же и Яков (вбегает с рецептом).

Яков.

Сема, беги в аптеку, живо, возьми порошки вот барыне!

Семен.

Да ведь он не велел уходить.

Яков.

Успеешь. Твое дело еще, поди, после чаю... Чай да сахар!

1-й мужик.

Милости просим.

(Семен уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Те же, без Семена.

Яков.

Некогда, да уж налейте чашечку для компании.

1-й мужик.

Да вот предлагается разговорка, как давеча ваша госпожа очень как себя гордо повела.

Яков.

О, эта горяча – страсть! Так горяча, – сама себя не помнит. Другой раз заплачет даже.

1-й мужик.

А что, примерно, я спросить хотел? Она что-то давеча предлагала макроту. Макроту, макроту, говорит, занесли. К чему это приложить, макроту эту самую?

Яков.

О, это макровы. Это, они говорят, такие козявки есть, от них, мол, и болезни все. Так вот, мол, что на вас, они. Уж они после вас мыли-мыли, брызгали, брызгали, где вы стояли. Такая специя есть, от нейдохнут они, козявки-то.

2-й мужик.

Так где же они на нас, козявки-то эти?

Яков (пьет чай).

Да они, сказывают, такие махонькие, что и в стекла не видать.

2-й мужик.

А почем она знает, что они на мне? Може, на ней этой пакости больше моего.

Яков.

А вот поди, спроси их!

2-й мужик.

А я полагаю, пустое это.

Яков.

Известно, пустое; надо же дохтурам выдумывать, а то за что бы им деньги платить? Вот к нам каждый день ездит. Приехал, поговорил, – десятку.

2-й мужик.

Вре?..

Яков.

А то один есть такой, что сотенную.

1-й мужик.

Ну! и сотенную?

Яков.

Сотенную? Ты говоришь: сотенную, – по тысяче берет, коли за город ехать. Давай, говорит, тысячу, а не дашь – издыхай себе!

3-й мужик.

О, Господи!

2-й мужик.

Что ж, он слово какое знает?

Яков.

Должно, что знает. Жил я прежде у генерала, под Москвой, сердитый был такой, гордый – страсть, генерал-то! Так заболела у него дочка. Сейчас послали за этим. Тысячу рублей, – приеду... Ну, сговорились, приехал. Так что-то не потрафили ему. Так, батюшки мои, как цыкнет на генерала. А! говорит, так так-то ты меня уважаешь, так-то? Так не стану ж лечить! – Так куда тебе! генерал-то и гордость свою забыл, всячески улещает. Батюшка! только не бросай!

1-й мужик.

А тысячу-то отдали?

Яков.

А то как же?..

2-й мужик.

То-то шальные деньги-то. Что б мужик на эти деньги наделал!

3-й мужик.

А я думаю, пустое все. Как у меня тады нога прела. Лечил, лечил, скажем, рублей пять пролечил. Бросил лечить, а она и зажила.

(Старый повар на печке кашляет,)

Яков.

Опять тут, сердешный!

1-й мужик.

Какой такой мужчинка будет?

Яков.

Да нашего барина повар был, к Лукерье ходит.

1-й мужик.

Кухмистер, значит. Что ж, здесь проживает?

Яков.

Не... Здесь не велят. А где день, где ночь. Есть три копейки – в ночлежном доме, а пропьет всё – сюда придет.

2-й мужик

Как же он так?

Яков.

Да так, ослаб. А тоже человек какой был, как барин! При золотых часах ходил, по сорока рублей в месяц жалованья брал. А теперь давно с голоду бы помер, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Те же и Кухарка (с капустой).

Яков (к Лукерье).

А я вижу, Павел Петрович опять тут?

Кухарка.

Куда ж ему деться, – замерзнуть, что ли?

3-й мужик

Что делает винцо–то! Винцо–то, скажем... (Щелкает языком с соболезнованием.)

2–й мужик.

Известно, окрепнет человек – крепче камня; ослабнет – слабее воды.

Старый повар (слезает с печи, дрожит и ногами и руками).

Лукерья! Говорю, дай рюмочку.

Кухарка.

Куда лезешь? Я те дам такую рюмочку!...

Старый повар.

Боишься ты Бога? Умираю. Братцы, пяточок...

Кухарка.

Говорю, полезай на печь.

Старый повар.

Кухарка! пор–рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты – Христом прошу!

Кухарка.

Иди, иди. Чаю вот на!

Старый повар.

Что чай? Что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточек... Лукерья!

3–й мужик.

Ах, сердешный, мается как.

2–й мужик.

Да дай ему, что ль.

Кухарка (достаёт в поставце и наливает рюмку).

На, вот, больше не дам.

Старый повар (хватает, пьёт дрожа).

Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кухарка.

Ну, ну, разговаривай! Лезь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было.

(Старый повар лезет покорно и не переставая ворчит что-то себе под нос.)

2-й мужик.

Что значит – ослаб человек!

1-й мужик.

Двистительно, слабость-то человеческая.

3-й мужик.

Да что и говорить.

(Старый повар укладывается и всё ворчит. Молчание.)

2-й мужик.

Ну, что я хотел спросить: эта вот девушка живет у вас с нашей стороны – Аксиньина-то. Ну что? Как? Как она живет, значит, честно ли?

Яков.

Девушка хорошая, похвалить можно.

Кухарка.

Я тебе, дядя, истину скажу, как я здешнее заведение твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать – бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яков.

Да, ото истинно так. Вот летось Наталья, у нас девушка жила. Хорошая девушка была. Так ни за что пропала, не хуже этого... (показывает на Повара).

Кухарка.

Потому тут нашей сестры пропадает – плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Ан глядь, со сладкой-то пищи сейчас и свихнулась. А свихнулась, им уж такая не нужна. Сейчас эту вон – свеженькую на место. Так-то Наташа сердешная: свихнулась – сейчас прогнали. Родила, заболела, весной прошлой в больнице и померла. И какая девушка была!

3-й мужик.

О, Господи! Народ слабый. Жалеть надо.

Старый повар.

Как же, пожалеют они, черти! (Спускает с печи ноги.) Я у плиты тридцать лет прожарился. А вот не нужен стал: издыхай, как собака!.. Как же, пожалеют!

1-й мужик.

Это двистительно, положения известная

2-й мужик.

Пили, ели, кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк!

3-й мужик.

О, Господи!

Старый повар.

Понимаешь ты много. Что значит: сотей а ла бамон? Что значит: бавасари? Что я сделать мог! Мысли! Император мою работу кушал! А теперь не нужен стал чертям. Да не поддамся я!

Кухарка.

Ну, ну, разговорился. Вот я тебя!.. Залезай в угол, чтоб не видать тебя было, а то Федор Иваныч зайдет, или еще кто, и выгонят меня с тобой совсем.

(Молчание.)

Яков.

Так знаете мою сторону–то, Вознесепское?

2-й мужик.

Как же не знать. От нас верст 17, больше не будет, а бродом меньше. Ты что же, землю–то держишь?

Яков.

Брат держит, а я посылаю. Я сам хоть здесь, а умираю об доме.

1-й мужик.

Двистительно.

2-й мужик.

Анисим, значит, брат тебе?

Яков.

Как же, брат родный! На том конце.

2-й мужик.

Как не знать, – третий двор.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Те же и Таня (вбегает).

Таня.

Яков Иваныч! что вы тут прохлаждаетесь? Зовет!

Яков.

Сейчас. Что там?

Таня.

Фифка лает, есть хочет; а она ругается на вас: какой, говорит, он злой. Жалости, говорит, в нем нет. Ей давно обедать пора, а он не несет!.. (Смеется.)

Яков (хочет уходить).

О, сердита? Как бы чего не вышло!

Кухарка (Якову).

Капусту–то возьмите.

Яков.

Давай, давай! (Берет капусту и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Те же без Якова.

1-й мужик.

Кому же это обедать теперь?

Таня.

А собаке. Собака эта ее... (Присаживается и берется за чайник). Чай–

то есть ли? – а то я принесла еще. (Всыпает.)

2-й мужик.

Обедать собаке?

Таня.

Как же! Коклетку особенную делают, чтобы не жирная была. Я на нее, на собаку-то, белье стираю.

3-й мужик.

О, Господи!

Таня.

Как тот барин, что собаку хоронил.

2-й мужик.

Это как же так?

Таня.

А так, – рассказывал один человек, – издох у него пес, у барина-то. Вот он и поехал зимой хоронить его. Похоронил, едет и плачет, барин-то. А мороз здоровый, у кучера из носу течет, и он утирается... Дайте налью. (Наливает чай.) Из носу-то течет, а он всё утирается. Увидал барин: «что, говорит, о чем ты плачешь?» А кучер говорит: «как же, сударь, не плакать, какая собака была!» (Хохочет.)

2-й мужик.

А сам, я чай, думает: хоть бы ты и сам издох, так я бы плакать не стал... (Хохочет.)

Старый повар (с печки).

Это правильно, верно!

Таня.

Хорошо, приехал домой барин, сейчас к барыне: «какой, говорит, наш кучер добрый: он всю дорогу плакал, – так ему жаль моего Дружка. Позовите его: на, мол, выпей водки, а вот тебе награда – рубль». Так-то и она, что Яков собаки ее не жалеет.

(Мужики хохочут.)

1-й мужик.

Хворменно!

2-й мужик.

Вот так так!

3-й мужик.

Ай, девушка, насмешила!

Таня (наливает еще чай).

Кушайте еще!.. То-то, оно так кажется, что жизнь хорошая, а другой раз противно все эти гадости за ними убирать. Тьфу! В деревне лучше.

(Мужики перевертывают чашки.)

Таня (наливает).

Кушайте на здоровье, Ефим Антоныч! Я налью, Митрий Власьевич!

3-й мужик.

Ну, налей, налей.

1-й мужик.

Ну как же, умница, дело наше происходит?

Таня.

Ничего, идет...

1-й мужик.

Семен сказывал...

Таня (быстро).

Сказывал?

2-й мужик.

Да не понять от него!

Таня.

Мне сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вот она – и бумага ваша! (Показывает бумагу за фартуком.) Только бы одна штука удалась... (Взвизгивает.) Уж как бы хорошо было!

2-й мужик.

Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня.

Будьте покойны. Ведь только чтобы подписал он?

3-й мужик.

А то чего ж еще? Подписал, скажем, и крышка. (Перевертывает чашку.)
Да будет уж.

Таня (сама с собой).

Подпишет, вот увидите, подпишет. Еще кушайте. (Наливает.)

1-й мужик.

Только охлопочи насчет свершения продажи земли, миром и замуж можем
отдать. (Отказывается от чая.)

Таня (наливает и подает.)

Кушайте.

3-й мужик.

Только сделай: и замуж отдадим и на свадьбу, скажем, плясать приду.
Хоть отродясь не плясывал, плясать буду!

Таня (смеется).

Да уж я буду в надежде. (Молчание.)

2-й мужик (оглядывая Таню).

Так-то так, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня.

Я-то? Что ж, вы думаете, силы нету? Вы бы посмотрели, как я барыню
затягиваю. Другой мужик так не потянет.

2-й мужик.

Да куда ж ты ее затягиваешь?

Таня.

Да так на костях исделано, как куртка, по сих пор. Ну, на шнуры и
стягиваешь, как вот запрягают, еще в руки плюют.

2-й мужик.

Засупониваешь, значит?

Таня.

Да, да, засупониваю. А ногой в нее ведь не упрешься. (Смеется.)

2-й мужик.

Зачем же ты ее затягиваешь?

Таня.

А вот затем.

2-й мужик.

Что ж, она обрелась, что ль?

Таня.

Нет, для красоты.

1-й мужик.

Пузу, значит, ей утягивает для хвормы.

Таня.

Так так стянешь, что у нее глаза вон лезут, а она говорит: «еще». Так все руки обожжешь, а вы говорите: силы нет.

(Мужики смеются и качают головами.)

Таня.

Однако я заболталась. (Убегает смеясь.)

3-й мужик.

Вот так девушка насмешила!

1-й мужик.

Да уж как аккуратна!

2-й мужик.

Ничего.

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Три Мужика, Кухарка, Старый повар на печке. Входят Сахатов и Василий Леонидыч. У Сахатова в руках ложка чайная.

Василий Леонидыч.

Не то чтобы обед, а déjeuner dînatoire.[6] И прекрасный, и вам скажу, был завтрак: пороссячьи окорочка – прелесть! Рулье отлично кормит. Я ведь только сейчас приехал. (Увидев Мужиков.) А мужики опять здесь?

Сахатов.

Да, да, это всё прекрасно, но мы пришли спрятать предмет. Так куда же спрятать?

Василий Леонидыч.

Виноват, я сейчас. (К Кухарке.) А собаки где же?

Кухарка.

В кучерской собаки. Разве можно в людскую?

Василий Леонидыч.

А, в кучерской? Ну, хорошо.

Сахатов.

Я жду.

Василий Леонидыч.

Виноват, виноват. А, что? спрятать? Да, Сергей Иванович, так вот что я вам скажу: мужику, одному из этих, в карман. Вот хоть этому. Ты послушай. А, что? Где у тебя карман?

3-й мужик.

А на что тебе карман? Ишь ты, карман! У меня в кармане деньги.

Сахатов.

Ну, где кошель?

3-й мужик.

А тебе на что?

Кухарка.

Что ты! Молодой барин это.

Василий Леонидыч (хохочет).

А вы знаете, отчего он испугался так? Я вам сейчас скажу: у него денег пропасть. А, что?

Сахатов.

Да, да, понимаю. Ну, так вот что: вы поговорите с ними, а я покамест незаметно положу вон в эту сумку – так, чтоб и они не знали, не могли ничем указать ему. Поговорите с ними.

Василий Леонидыч.

Сейчас, сейчас. Ну, так как же, ребяташки, купите землю-то? А, что?

1-й мужик.

Мы-то предлагаем как всей душой. Да вот всё не происходит в движение делу.

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. Земля – дело важное. Я вам говорил – мяту. А то можно табак еще.

1-й мужик.

Это двистительно, всякие продохты можно.

3-й мужик.

А ты, отец, попроси батюшку. А то как жить? Земля малая, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Сахатов (положил ложку в сумку 3-го мужика).

C'est fait. [7] Готово. Пойдемте. (Уходит.)

Василий Леонидыч.

А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Три Мужика, Кухарка и Старый Повар (на печке).

3-й мужик.

Я говорил: на фатеру. Ну, по гривне, скажем, отдали бы, по крайности покойно, а тут помилуй Бог. Деньги, говорит, давай. К чему это?

2-й мужик.

Должно, выпимши.

(Мужики переворачивают чашки, встают и крестятся.)

1-й мужик.

А ты помни, как он слово закинул, чтоб мяту сеять? Тоже понимать надо.

2-й мужик.

Как же, мяту сей, вишь. Ты попытай-ка, горбом поворочай, – запросишь мяты, небось... Ну, благодарим покорно!.. А что ж, умница, где нам лечь тут?

Кухарка.

Ложитесь – на печку один, а то по лавкам.

3-й мужик.

Спаси Христос. (Молится Богу.)

1-й мужик.

Кабы Бог дал свершения дела. (Ложится.) Завтра после обеда на машину бы закатились, во вторник и дома бы.

2-й мужик.

Свет-то тушить будете?

Кухарка.

Где тушить! Всё прибегать будут: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й мужик.

На малой земле как проживешь? Я нынче ведь с Рождества хлеб покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатил бы четыре десятинки, Семку бы домой взял.

1-й мужик.

Твое дело семейное. Без нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дело.

3-й мужик.

Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется.

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Тишина, вздохи. Потом слышны топот шагов, шум голосов, двери растворяются настезь и стремительно вваливаются: Гросман с завязанными глазами, держащий за руку Сахатова, Профессор и Доктор, Толстая барыня и Леонид Федорович, Бетси и Петрищев, Василий

Леонидыч и Марья Константиновна, Барыня и Баронесса, Федор Иваныч и Таня. Три Мужика, Кухарка и Старый повар (невидим).

(Мужики вскакивают. Гросман входит быстрыми шагами, потом останавливается.)

Толстая барыня.

Вы не заботьтесь: я слежу, я взялась следить и строго исполняю свою обязанность. Сергей Иваныч, вы не ведете?

Сахатов.

Да нет же.

Толстая барыня.

Вы не ведите, но и не противьтесь. (К Леониду Федоровичу.) Я знаю эти опыты. Я сама их делала. Я, бывало, чувствую истечение, и как только почувствую...

Леонид Федорович.

Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толстая барыня.

Ах, я это очень понимаю! Я это на себе испытала. Как только внимание развлеклось, я уж не могу...

Леонид Федорович.

Шш...

(Ходят, ищут около 1-го и 2-го мужика и подходят к 3-му. Гросман спотыкается на скамейку.)

Баронесса.

Mais dites moi, on le paye?[8]

Барыня.

Je ne saurais vous dire.[9]

Баронесса.

Mais c'est un monsieur?[10]

Барыня.

Oh! oui.[11]

Баронесса.

Ça tient du miraculeux. N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve?
[12]

Барыня.

Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera.[13] (Увидав Мужиков, оглядывается и видит Кухарку.) Pardon... Это что?

(Баронесса подходит к группе.)

Барыня (Кухарке).

Кто пустил мужиков?

Кухарка.

Яков привел.

Барыня.

Якову кто приказал?

Кухарка.

Не могу знать. Федор Иванович их видели.

Барыня.

Леонид!

(Леонид Федорович не слышит, занят отыскиванием и шикает.)

Барыня.

Федор Иванович! это что значит? Разве вы не видели, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мне всю кухню заразили, черный хлеб, квас...

Федор Иванович.

Я полагал, что здесь не опасно; а люди по делу. Итти им далеко, а из своей деревни.

Барыня.

В том-то и дело, что из Курской деревни, где, как мухи, мрут от дифтерита. А главное – я приказывала, чтоб их не было в доме!.. Приказывала я или нет? (Подходит к кучке, собравшейся около Мужиков.) Осторожнее! Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной заразе!

(Никто ее не слушает; она с достоинством отходит и неподвижно стоит, дожидаясь.)

Петрищев (сопит громко носом).

Дифтеритная – не знаю, а некоторая другая зараза в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси.

Полноте врать! Вово, в какой сумке?

Василий Леонидыч.

В той, той! Подходит, подходит.

Петрищев.

Что это тут, диху или дүхи?

Бетси.

Вот когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мне.

(Петрищев нагибается и окуривает.)

Василий Леонидыч.

Добирается, я вам скажу. А, что?

Гросман (с беспокойством шарит около 3-го мужика).

Здесь, здесь. Я чувствую, что здесь.

Толстая барыня.

Истечение чувствуете?

(Гросман нагибается к сумочке и достает ложку.)

Все.

Браво! (Общий восторг.)

Василий Леонидыч.

А? так вот где наша ложечка нашлась! (На Мужика.) Так ты так-то?

3-й мужик.

Чего так-то? Не брал я твоей ложечки. И что путает? Не брал я, и не брал, и душа моя не знает. А вольно ему! Я видел, он приходил не за добрым. Кошель, говорит, давай. А я не брал, вот-те Христос, не брал.

(Молодежь обступает и смеется.)

Леонид Федорович (сердито на сына).

Вечно глупости! (З-му мужику.) Да не беспокойся, дружок! Мы знаем, что ты не брал; это опыт был.

Гроссман (снимает повязку и делает вид, как бы очнулся).

Воды, если можно... позвольте. (Все хлопочут около него.)

Василий Леонидыч.

Пойдемте отсюда в кучерскую. Я вам покажу, какой кобель один там у меня. *Épâtant!*[14] А, что?

Бетси.

И какое слово гадкое. Разве нельзя сказать: собака?

Василий Леонидыч.

Нельзя. Ведь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человек *épâtant*? Надо сказать: девица; так и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (Хохочет.)

Марья Константиновна.

Ну, пойдём.

(Марья Константиновна, Бетси, Петрищев и Василий Леонидыч уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Те же, без Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василия Леонидыча.

Толстая барыня (Гросману).

Что? Как? Отдохнули? (Гросман не отвечает. К Сахатову.) Вы, Сергей Иванович, чувствовали истечение?

Сахатов.

Я ничего не чувствовал. Да, прекрасно, прекрасно. Вполне удачно.

Баронесса.

Admirable! Ça ne le fait pas souffrir?[15]

Леонид Федорович.

Pas le moins du monde.[16]

Профессор (Гросману).

Позвольте вас попросить. (Подает термометр.) При начале опыта было 37 и 2. (Доктору.) Так, кажется? Да будьте добры, пульс проверьте. Трата неизбежна.

Доктор (Гросману).

Ну-ка, господин, позвольте ваш пульс. Проверим, проверим. (Вынимает часы и держит его за руку.)

Толстая барыня (к Гросману).

Позвольте. Но ведь то состояние, в котором вы находились, нельзя назвать сном?

Гросман (устало).

Тот же гипноз.

Сахатов.

Стало быть, надо понимать так, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросман.

А отчего же нет? Гипноз может наступить не только при ассоциации, при звуке тамтам, например, как у Шаркò, но и при одном вступлении в гипногенную зону.

Сахатов.

Это так, положим, но всё-таки желательно точнее определить, что такое гипноз?

Профессор.

Гипноз есть явление превращения одной энергии в другую.

Гросман.

Шаркò не так определяет.

Сахатов.

Позвольте, позвольте. Таково ваше определение, но Либò мне сам говорил...

Доктор (оставляя пульс).

А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толстая барыня (вмешиваясь).

Нет, позвольте! Я согласна с Алексеем Владимировичем. И вот вам лучше всех доказательств. Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (К Сахатову.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (достойно).

Нисколько. Сделайте одолжение.

Доктор.

Пuls 82, температура повысилась на 0,3.

Профессор.

Ну, вот вам и доказательство! Так и должно было быть. (Вынимает записную книжку и записывает.) 82, так? И 37 и 5? Как только вызван гипноз, так непременно усиленная деятельность сердца.

Доктор.

Я, как врач, могу засвидетельствовать то, что ваше предсказание вполне подтвердилось.

Профессор (к Сахатову).

Так вы говорили?..

Сахатов.

Я хотел сказать, что Либò мне сам говорил, что гипноз есть только особенное психическое состояние, увеличивающее внушаемость.

Профессор.

Это так, но всё-таки главное – закон эквивалентности.

Гросман.

Кроме того, Либò – далеко не авторитет, а Шаркò всесторонне исследовал и доказал, что гипноз, производимый ударом, травмой...

Сахатов.

Да я и не отрицаю трудов Шаркò. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорил мне Либò.

Гросман (горячась).

В Сальпетриере 3000 больных, и я прослушал полный курс.

Профессор.

Позвольте, господа, не в этом дело.

Вместе.

Толстая барыня (вмешиваясь).

Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, все доктора отказались...

Леонид Федорович.

Пойдемте однако в дом. Баронесса, пожалуйста!

(Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга.)

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Три Мужика, Кухарка, Федор Иваныч, Таня, Старый повар (на печке), Леонид Федорович и Барыня.

Барыня (останавливает за рукав Леонида Федоровича).

Сколько раз я вас просила не распоряжаться в доме! Вы знаете только свои глупости, а дом на мне. Вы заразите всех.

Леонид Федорович.

Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня.

Как? Люди больные в дифтерите ночуют в кухне, где постоянное сношение с домом.

Леонид Федорович.

Да я...

Барыня.

Что я?

Леонид Федорович.

Да я ничего не знаю.

Барыня.

Надо знать, коли вы отец семейства. Нельзя этого делать.

Леонид Федорович.

Да я не думал... Я думал...

Барыня.

Слушать вас противно!

(Леонид Федорович молчит.)

Барыня (к Федору Иванычу).

Сейчас вон! Чтоб их не было в моей кухне! Это ужасно. Никто не слушает, всё на зло... Я оттуда их прогоню, они их сюда пустят. (Всё больше и больше волнуется и доходит до слез.) Всё на зло! Всё на зло! И с моей болью... Доктор! Доктор! Петр Петрович!.. И он ушел!

(Всхлипывает и уходит, за ней Леонид Федорович.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Три Мужика, Таня, Федор Иваныч, Кухарка и Старый повар (на печке).

(Картина. Все стоят долго молча.)

3-й мужик.

Ну их к Богу совсем! Тут того гляди в полицию попадешь. А я в жизнь не судился. Пойдем на фатеру, ребята!

Федор Иваныч (Тане).

Как же быть-то?

Таня.

Да ничего, Федор Иваныч. В кучерскую их.

Федор Иваныч.

Да как же в кучерскую? И то кучер жаловался, там полно собак.

Таня.

Ну, так в дворницкую.

Федор Иваныч.

А как узнают?

Таня.

Ничего не узнают. Уж будьте покойны, Федор Иванович. Разве можно их ночью гнать? Они и не найдут теперь.

Федор Иванович.

Ну, делай как знаешь, только бы тут их не было. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Три Мужика, Таня, Кухарка и Старый повар.

Мужики собирают сумки

Старый повар.

Вишь, черти проклятые! С жиру-то! Черти!.

Кухарка.

Молчи уж ты-то. Спасибо, не увидали.

Таня.

Так пойдемте, дяденьки, в дворницкую.

1-й мужик.

Ну, а что же дело-то наше? Как же, примерно, насчет подписки, руки приложения? Что ж, в надежде нам быть?

Таня.

Вот через час всё узнаем.

2-й мужик.

Исхитришься?

Таня (смеется).

Как Бог даст.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ III.

Действие происходит вечером того же дня, в маленькой гостиной, где

всегда производятся у Леонида Федоровича опыты.

ЯВЛЕНИЕ 1–е.

Леонид Федорович и Профессор.

Леонид Федорович.

Так как же, рискнуть сеанс с нашим новым медиумом?

Профессор.

Неприменно. Медиум несомненно сильный. Главное же, желательно, чтобы медиумический сеанс у нас был нынче же и с тем же персоналом. Гросман непременно должен отозваться на влияние медиумической энергии, и тогда связь и единство явлений будут еще очевиднее. Вы увидите, что если медиум будет так же силен, как сейчас, то Гросман будет вибрировать

Леонид Федорович.

Так я, знаете, пошлю за Семеном и приглашу желающих.

Профессор.

Да, да, я только сделаю себе некоторые заметки.

(Вынимает записную книжку и записывает.)

ЯВЛЕНИЕ 2–е.

Те же и Сахатов.

Сахатов.

Там у Анны Павловны сели в винт, а я, как остающийся за штатом... да кроме того интересующийся сеансом, вот являюсь к вам... Что ж, будет сеанс?

Леонид Федорович.

Будет, непременно будет!

Сахатов.

Как же, и без медиумической силы г-на Капчича?

Леонид Федорович.

Vous avez la main heureuse. [17] Представьте себе, тот самый мужик, о

котором я вам говорил, оказался несомненный медиум.

Сахатов.

Вот как! О, да это особенно интересно!

Леонид Федорович.

Да, да. Мы после обеда сделали с ним маленький предварительный опыт.

Сахатов.

Успели сделать и убедиться?..

Леонид Федорович.

Вполне, и оказался замечательной силы медиум.

Сахатов (недоверчиво).

Вот как!

Леонид Федорович.

Оказывается, что в людской давно уж замечали. Он сядет к чашке, ложка сама вскакивает ему в руку. (К Профессору.) Вы слышали?

Профессор.

Нет, этого собственно я не слышал.

Сахатов (Профессору).

Но всё-таки и вы допускаете возможность таких явлений?

Профессор.

Каких явлений?

Сахатов.

Ну, вообще, спиритических, медиумических, вообще сверхъестественных явлений.

Профессор.

Дело в том, что мы называем сверхъестественным? Когда не живой человек, а кусок камня притянул к себе гвоздь, то каким показалось это явление для наблюдателей: естественным или сверхъестественным?

Сахатов.

Да, конечно; но только такие явления, как притяжение магнита, постоянно повторяются.

Профессор.

То же самое и здесь. Явление повторяется, и мы его подвергаем исследованию. Мало того, мы подводим исследуемые явления под общие другим явлениям законы. Явления ведь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явлений приписываются самому медиуму. Но ведь это неверно. Явления производимы не медиумом, но духовной энергией через медиума, а это разница большая. Всё дело – в законе эквивалентности.

Сахатов.

Да, конечно, но...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Те же и Таня (входит и становится за портьеру).

Леонид Федорович.

Одно только знайте, что как с Юмом и с Капичем, так и теперь с этим медиумом вперед ни на что рассчитывать нельзя. Может быть неудача, а может быть и полная материализация.

Сахатов.

Даже и материализация? Какая же может быть материализация?

Леонид Федорович.

А такая, что придет умерший человек: отец ваш, дед, возьмет вас за руку, даст вам что-нибудь; или кто-нибудь вдруг подымет на воздух, как прошлый раз у нас с Алексеем Владимировичем.

Профессор.

Конечно, конечно. Но главное дело – в объяснении явлений и подведении их под общие законы.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Те же и Толстая барыня.

Толстая барыня.

Анна Павловна мне позволила пройти к вам.

Леонид Федорович.

Милости просим!

Толстая барыня.

Но как однако Гросман устал. Он не мог чашки держать. Вы заметили, как он побледнел (к Профессору) в ту минуту, как приблизился? Я сейчас же заметила, я первая сказала Анне Павловне.

Профессор.

Несомненно, трата жизненной энергии.

Толстая барыня.

Вот и я говорю, что этим злоупотреблять нельзя. Как же, гипнотизатор внушил одной моей знакомой, Верочке Коншиной, – да вы ее знаете, – чтоб она перестала курить, а у ней спина заболела.

Профессор (хочет начать говорить).

Измерение температуры и пульс, очевидно, показывают...

Толстая барыня.

Я сию минуту, позвольте. Я ей и говорю: уж лучше курить, но не страдать так нервами. Разумеется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я раз две недели не курила, а потом не выдержала.

Профессор (опять делает попытку говорить).

Показывают несомненно...

Толстая барыня.

Да нет, позвольте! Я в двух словах. Вы говорите, что трата сил? И я хотела сказать, что когда я ездила на почтовых... Дороги тогда были ужасные, вы этого не помните, а я замечала, и, как хотите, наша нервность вся от железных дорог. Я, например, в дороге спать не могу, – хоть убейте, а не засну.

Профессор (опять начинает, но Толстая барыня не дает ему говорить).

Трата сил...

Сахатов (улыбаясь).

Да, да.

(Леонид Федорович звонит.)

Толстая барыня.

Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а всё-таки не засну.

ЯВЛЕНИЕ 5–е.

Те же и Григорий.

Леонид Федорович.

Скажите, пожалуйста, Федору приготовить всё для сеанса и позовите Семена сюда – буфетного мужика, Семена, слышите?

Григорий.

Слушаю–с! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6–е.

Леонид Федорович, Профессор, Толстая барыня и Таня (спрятанная).

Профессор (к Сахатову).

Измерение температуры и пульс показали трату жизненной энергии. То же будет и при медиумических проявлениях. Закон сохранения энергии...

Толстая барыня.

Да, да. Я только еще хотела сказать, что я очень рада, что простой мужик оказался медиум. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леонид Федорович.

Пойдемте пока в гостиную.

Толстая барыня.

Позвольте, я в двух словах... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни в чем не надо преувеличивать.

Золотая середина, знаете. А то как же утверждать, что в народе всё хорошо, когда я сама видела...

Леонид Федорович.

Не угодно ли в гостиную?

Толстая барыня.

Вот такой мальчик и уж пьет. Я его сейчас же разбранила. И он благодарен был потом. Они – дети, а детям, я всегда говорила, нужна

и любовь, и строгость.

(Все уходят, разговаривая.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Таня (одна выходит из-за двери).

Таня.

Ах, удалось бы только! (Завязывает нитки.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Таня и Бетси (входит поспешно).

Бетси.

Папà нет тут? (Вглядываясь в Таню.) Ты что тут?

Таня.

А я так, Лизавета Леонидовна, вошла, хотела... так вошла...
(Смущается.)

Бетси.

Да ведь тут сеанс сейчас будет? (Замечает, что Таня собирает нитки, пристально смотрит на нее и вдруг заливается хохотом.) Таня! это ведь ты всё делаешь? Да уж не отпирайся. И тот раз ты? Ведь ты, ты?

Таня.

Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси (в восторге).

Ах, как это хорошо! Вот не ожидала! Зачем же ты это делала?

Таня.

Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси.

Да нет, ни за что. Я ужасно рада! Да как же ты делаешь?

Таня.

Да так и делаю: спрячусь, а потом, как потушат, вылезу и делаю.

Бетси (показывая на нитку).

А это зачем? Да, не говори, понимаю, задеваешь...

Таня.

Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вам откроюсь. Прежде я так шалила, а теперь дело хочу сделать.

Бетси.

Как, что? Какое дело?

Таня.

Да вот, видели, мужики пришли, хотят землю купить, а папаша не продают и бумагу не подписали и им назад отдали. Федор Иваныч говорит: духи ему запретили. Вот я и вздумала.

Бетси.

Ах, какая же ты умница! Делай, делай. Да как же ты будешь делать?

Таня.

Да я так придумала: как они свет потушат, сейчас я начну стучать, швырять, ниткой их по головам, а под конец бумагу об земле – она у меня – и брошу на стол.

Бетси.

Ну и что ж?

Таня.

А как же? Они удивятся. Бумага была у мужиков, и вдруг здесь. А тут же велю...

Бетси.

Да, ведь Семен нынче медиум!

Таня.

Так я ему велю... (Не может говорить от смеха.) Велю давить руками, кто под рукой будет. Только не папашу, – это он не посмеет, – и пусть давит кого других, пока подпишут.

Бетси (смеется).

Да ведь так не делают. Медиум сам ничего не делает.

Таня.

Да ничего, это всё одно, – авось и так выйдет.

ЯВЛЕНИЕ 9–е.

Таня и Федор Иванович.

Бетси делает знаки Тане и уходит.

Федор Иванович (Тане).

Ты что тут?

Таня.

Да я к вам, Федор Иванович, батюшка!..

Федор Иванович.

Чего же ты?

Таня.

Да об деле моем, к вам, что я просила.

Федор Иванович (смеясь).

Сосватал, сосватал, и по рукам ударили. Только не пили.

Таня (взвизгивает).

Неужто за–правду?

Федор Иванович.

Да уж я тебе говорю. Он говорит: с старухой посоветуюсь, да и с Богом.

Таня.

Так и сказал?.. (Взвизгивая.) Ах, голубчик, Федор Иванович, век за вас буду Бога молить!

Федор Иванович.

Ну, ладно, ладно. Теперь некогда. Велено убирать для сеанса.

Таня.

Дайте я вам пособлю. Как же убирать?

Федор Иванович.

Да как? – Да вот: стол посреди комнаты, стулья, гитару, гармонию. Лампу не надо – свечи.

Таня (устанавливает всё с Федором Ивановичем).

Так, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (Ставит.) Так?

Федор Иванович.

Да неужели в самом деле Семена посадят?

Таня.

Должно быть. Ведь уж сажали.

Федор Иванович.

Удивление! (Надевает pince-nez.) Да чист ли он?

Таня.

Почем я знаю!

Федор Иванович.

Так ты вот что...

Таня.

Что, Федор Иванович?

Федор Иванович.

Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридас, – хоть у меня возьми... И все ты ему остриги когти и вымой чисто-на́чисто.

Таня.

Он и сам вымоет.

Федор Иванович.

Ну так скажи только. Да белье вели надеть чистое.

Таня.

Хорошо, Федор Иванович. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Федор Иванович один, садится в кресло.

Федор Иваныч.

Учены, ученые, хоть бы Алексей Владимирович, профессор он, а всё другой раз сильно сомнение берет. Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы? А дурачит их кто-нибудь или сами себя. А уж это с Семеном и не поймешь что. (Рассматривает альбом.) Ведь вот их альбом спиритический. Ну, возможное ли это дело, чтобы фотографию с духа снять? А вот изображение – турок и Леонид Федорович сидят. Удивительна слабость человеческая!

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Федор Иваныч и Леонид Федорович.

Леонид Федорович (входя).

Что, готово?

Федор Иваныч (встает не торопясь).

Готово. (Улыбаясь.) Только не знаю, как бы ваш новый медиум не скомпрометовал вас, Леонид Федорович.

Леонид Федорович.

Нет, мы испытывали с Алексеем Владимировичем. Удивительно сильный медиум!

Федор Иваныч.

Уж этого не знаю. Только чист ли он? Вы вот не позаботились руки ему велеть вымыть. А то всё-таки неудобно.

Леонид Федорович.

Руки? Ах, да. Нечисты, ты думаешь?

Федор Иваныч.

Да как же, мужик. А тут дамы, и Марья Васильевна.

Леонид Федорович.

Ну и прекрасно.

Федор Иваныч.

Да еще я хотел вам доложить: Тимофей, кучер, приходил жаловаться,

что нельзя ему чистоту соблюсти от собак.

Леонид Федорович (устанавливая предметы на столе, рассеянно).

Каких собак?

Федор Иваныч.

Да Василью Леонидычу нынче борзых привели тройку, в кучерскую поместили.

Леонид Федорович (досадливо).

Скажи Анне Павловне, как она хочет, а мне и некогда.

Федор Иваныч.

Да ведь вы знаете их пристрастие...

Леонид Федорович.

Ну, как хочет она, так и делает. А от него мне кроме неприятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Те же и Семен (в поддевке, входит, улыбается).

Семен.

Приказали притти?

Леонид Федорович.

Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно. Так вот, дружок, ты так же делай, как давеча, садись и отдавайся чувству. А сам ничего не думай.

Семен.

Чего ж думать? Что думать, то хуже.

Леонид Федорович.

Вот, вот, вот. Чем менее сознательно, тем сильнее. Не думай, а отдавайся настроению: хочется спать – спи, хочется ходить – ходи; понимаешь?

Семен.

Как не понять? Хитрости тут нисколько.

Леонид Федорович.

И главное – не смущайся. А то ты сам можешь удивиться. Ты пойми, что как мы живем, так невидимый мир духов тут же живет.

Федор Иванович (поправляя).

Незримые существа, понимаешь?

Семен (смеется).

Как не понять? Как вы сказывали, так это очень просто.

Леонид Федорович.

Можешь подняться на воздух или еще что-нибудь, то ты не робей.

Семен.

Чего ж робеть? Это всё можно.

Леонид Федорович.

Ну, так я пойду, позову всех. Всё готово?

Федор Иванович.

Кажется, всё.

Леонид Федорович.

А грифельные доски?

Федор Иванович.

Внизу, сейчас принесу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13–е.

Леонид Федорович и Семен.

Леонид Федорович.

Ну, так хорошо. Так ты не смущайся и будь свободнее.

Семен.

Нешто поддевку снять: оно слободнее будет.

Леонид Федорович.

Поддевку? – нет, нет, не надо. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14–е.

Семен один.

Семен.

Опять то же велела делать, а она опять будет свое швырять. И как она не боится?

ЯВЛЕНИЕ 15–е.

Семен и Таня входит без ботинок, в платье цвета обой; Семен хохочет.

Таня (шикает).

Шш!.. Услышат! Вот на пальцы спички наклеи, как давеча.
(Наклеивает.) Что же, всё помнишь?

Семен (загибая пальцы).

Перво–наперво спички намочить. Махать – раз. Другое дело – зубами трещать, вот так... – два. Вот третье забыл.

Таня.

А третье–то пуще всего. Ты помни: как бумага на стол падет – я еще в колокольчик позвоню, – так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле сидит, того и захватывай. А какхватишь, так жми. (Хохочет.) Барин ли, барыня ли, знай – жми, всё жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрипи али рычи, вот так... (Рычит.) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись... Всё помнишь?

Семен.

Всё помню, только смешно больно.

Таня.

А ты не смейся. А засмеешься – это еще не беда. Они подумают, что во сне. Одно только, взаправду не засни, как они свет–то потушат.

Семен

Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня.

Так ты смотри, Семочка, голубчик. Только делай всё, не робей. Подпишет бумагу. Вот увидишь. Идут... (Лезет под диван.)

ЯВЛЕНИЕ 16–е.

Семен и Таня. Входят Гросман, Профессор, Леонид Федорович, Толстая барыня, Доктор, Сахатов, Барыня. Семен стоит у двери.

Леонид Федорович.

Милости просим, все неверующие! Несмотря на то, что медиум новый, случайный, я нынче жду очень знаменательных проявлений.

Сахатов.

Очень, очень интересно.

Толстая барыня (на Семена).

Mais il est très bien.[18]

Барыня.

Как буфетный мужик, да, но только...

Сахатов.

Жены всегда не верят в дело своих мужей. Вы совсем не допускаете?

Барыня.

Разумеется, нет. В Капчиче, правда, есть что-то особенное, но уж это Бог знает что такое!

Толстая барыня.

Нет, позвольте, Анна Павловна, это нельзя так решать. Когда еще я была не замужем, видела один замечательный сон. Сны, знаете, бывают такие, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается; так я видела именно такой сон...

ЯВЛЕНИЕ 17–е.

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев входят.

Толстая барыня.

И мне многое было открыто этим сном. Нынче уж эти молодые люди (указывает на Петрищева и на Василья Леонидыча) всё отрицают.

Василий Леонидыч.

А я никогда, я вам скажу, ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНИЕ 18–е.

Те же. Входят Бетси и Марья Константиновна и вступают в разговор с Петрицевым.

Толстая барыня.

А как же можно отрицать сверхъестественное? Говорят: не согласно с разумом. Да разум–то может быть глупый, тогда что? Ведь вот на Садовой, – вы слышали? – каждый вечер являлось. Брат моего мужа – как это называется?.. не beau-frère, [19] а по–русски... не свекор, а еще как–то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий, – так он ездил три ночи сряду и всё–таки ничего не видал, так я и говорю...

Леонид Федорович.

Так кто же да кто остается?

Толстая барыня.

Я, я!

Сахатов.

Я!

Барыня (к доктору).

Неужели вы остаетесь?

Доктор.

Да, надо хоть раз посмотреть, что тут Алексей Владимирович находит. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня.

Так решительно принять нынче вечером?

Доктор.

Кого принять?.. Ах да, порошок. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня.

Да, пожалуйста. (Громко.) Когда кончите, *messieurs et mesdames*, милости просим ко мне отдохнуть от эмоций, да и винт докончим.

Толстая барыня.

Непременно.

Сахатов.

Да, да! (Барыня уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Те же, без Барыни.

Бетси (Петрищеву).

Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна.

Да разве вы верите?

Бетси.

Нынче верю.

Марья Константиновна (Петрищеву).

А вы верите?

Петрищев.

«Не верю, не верю обетам коварным». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...

Василий Леонидыч.

Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое érátant[20] придумаю.

Марья Константиновна.

Нет, вы не смешите. Я ведь не могу удержаться.

Василий Леонидыч (громко).

Я – остаюсь!

Леонид Федорович (строго).

Прошу только тех, кто остается, не делать из этого шутки. Это дело серьезное.

Петрищев.

Слышишь? Ну, так останемся. Вово, садись сюда, да смотри, не робей.

Бетси.

Да, вы смеетесь, а вот увидите, что́ будет.

Василий Леонидыч.

А что, как в самом деле? Вот штука-то будет! А, что?

Петрищев (дрожит).

Ой, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. дрожки ножат.

Бетси (смеется).

Тише!

(Все садятся.)

Леонид Федорович.

Садитесь, садитесь. Садись, Семен!

Семен.

Слушаю-с. (Садится на край стула.)

Леонид Федорович.

Садись хорошенько.

Профессор.

Садитесь правильно, на середину стула, совершенно свободно.
(Усаживает Семена.)

(Бетси, Марья Константиновна и Василий Леонидыч хохочут.)

Леонид Федорович (возвышая голос).

Прошу тех, кто остается, не шалить и относиться к делу серьезно.
Могут быть дурные последствия. Вово, слышишь? Если не будешь сидеть
смирно, уйди.

Василий Леонидыч.

Смирно! (Прячется за спину Толстой барыни.)

Леонид Федорович.

Алексей Владимирович, вы усыпите.

Профессор.

Нет, зачем же я, когда Антон Борисович тут? У него гораздо больше и практики в этом отношении и силы... Антон Борисович!

Гросман.

Господа! я собственно не спирит. Я только изучал гипноз. Гипноз я изучал, правда, во всех его известных проявлениях. Но то, что называется спиритизмом, мне совершенно неизвестно. От усыпления субъекта я могу ожидать известных мне явлений гипноза: летаргии, абулии, анестезии, анэлгезии, каталепсии и всякого рода внушений. Здесь же предполагаются к исследованию не эти, а другие явления, и потому желательнее бы было знать, какого рода эти ожидаемые явления, и какое они имеют научное значение.

Сахатов.

Вполне присоединяюсь к мнению г-на Гросмана. Такое разъяснение было бы очень и очень интересно.

Леонид Федорович (к Профессору).

Я думаю, Алексей Владимирович, вы не откажетесь объяснить вкратце.

Профессор.

Отчего ж, я могу объяснить, если этого желают. (К Доктору.) А вы, пожалуйста, измерьте температуру и пульс. Объяснение мое будет неизбежно поверхностно и кратко.

Леонид Федорович.

Да, вкратце, вкратце...

Доктор.

Сейчас. (Вынимает термометр и подает.) Ну-ка, молодец!.. (Устанавливает.)

Семен.

Слушаю-с.

Профессор (вставая и обращаясь к Толстой барыне, а потом садясь).

Господа! Явление, которое мы исследуем, представляется обыкновенно с одной стороны как нечто новое, с другой стороны как нечто выходящее из ряда естественных условий. Ни то ни другое не справедливо. Явление это не ново, а старо как мир, и не сверхъестественно, а подлжит всё тем же вечным законам, которым подлжит и всё существующее. Явление это определялось обыкновенно как общение с миром духовным. Определение это неточно. По определению этому мир духовный противопоставляется миру материальному, но это несправедливо: противоположения этого нет. Оба мира так тесно соприкасаются, что нет никакой возможности провести демаркационную линию, отделяющую

один мир от другого. Мы говорим: материя складывается из молекул...

Петрищев.

Скучная материя! (Шопот, хохот.)

Профессор (остановившись и потом продолжая).

Молекулы – из атомов, но атомы, не имея протяжения, суть в сущности не что иное, как точки приложения сил. То есть, строго говоря, не сил, а энергии, – той самой энергии, которая так же едина и неуничтожима, как и материя. Но как материя одна, а виды ее различны, так точно и энергия. До последнего времени нам были известны только четыре превращающиеся один в другой вида энергии. Нам известны энергии: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергии далеко не исчерпывают всего разнообразия ее проявлений. Виды проявления энергии многообразны, и один из таких новых, мало известных видов энергии и исследуется нами. Я говорю об энергии медиумизма.

(Опять шопот и хохот в углу молодежи.)

Профессор (останавливается и, строго оглянувшись, продолжает).

Медиумическая энергия известна человечеству давным-давно: предсказания, предчувствия, виденья и многие другие – всё это не что иное, как проявления медиумической энергии. Явления, производимые ею, известны давным-давно. Но самая энергия не признавалась таковой до самого последнего времени, до тех пор, пока не было признано той среды, колебания которой и производят медиумические явления. И точно так же, как явления света были не объяснимы до тех пор, пока не было признано существование невесомого вещества, эфира, – точно так же и медиумические явления казались таинственными до тех пор, пока не была признана та несомненная теперь истина, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более тонкое, чем эфир, невесомое вещество, не подлежащее закону трех измерений...

(Опять шопот, хохот и повизгивание.)

Профессор (опять оглядывается строго).

И точно так же, как математические вычисления подтвердили неопровержимо существование невесомого эфира, дающего явления света и электричества, точно так же блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа Шмита и Иосифа Шмацофена несомненно подтвердили существование того вещества, которое наполняет вселенную и может быть названо духовным эфиром.

Толстая барыня.

Да, теперь я понимаю. Как я благодарна...

Леонид Федорович.

Да; но нельзя ли, Алексей Владимирович, несколько... сократить?

Профессор (не отвечая).

Итак, ряд строго-научных опытов и исследований, как я имел честь сообщить вам, выяснили нам законы медиумических явлений. Опыты эти выяснили нам то, что погружение некоторых личностей в гипнотическое состояние, отличающееся от обыкновенного сна только тем, что при погружении в этот сон деятельность физиологическая не только не понижается, но всегда повышается, как это мы сейчас видели, – оказалось, что погружение в это состояние какого бы то ни было субъекта неизменно влечет за собой некоторые пертурбации в духовном эфире – пертурбации, совершенно подобные тем, которые производит погружение твердого тела в жидкое. Пертурбации же эти и суть то, что мы называем медиумическими явлениями...

(Хохот, шопот.)

Сахатов.

Это совершенно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, как вы изволите говорить, погружение медиума в сон производит пертурбации духовного эфира, то почему же эти пертурбации выражаются всегда, как это подразумевается обыкновенно в спиритических сеансах, проявлением деятельности душ умерших личностей?

Профессор.

А потому, что частицы этого духовного эфира суть не что иное, как души живых, умерших и неродившихся, так что всякое сотрясение этого духовного эфира неизбежно вызывает известное движение его частиц. Частицы же эти суть не что иное, как души людей, входящие этим движением в общение между собою.

Толстая барыня (к Сахатову).

Что же тут не понимать? Это так просто... Очень, очень благодарю вас!

Леонид Федорович.

Мне кажется, что теперь всё ясно, и мы можем приступить.

Доктор.

Малый в самых нормальных условиях: температура 37 и 2, пульс 74.

Профессор (вынимает книжку и записывает).

Подтверждением того, что я имел честь сообщить, может служить то, что погружение медиума в сон неизбежно, как мы сейчас и увидим, вызовет подъем температуры и пульса, точно так же, как и при гипнозе.

Леонид Федорович.

Да, да, виноват, я только хотел сказать Сергею Иванычу на то, что он спрашивал: почему мы узнаем, что с нами общаются души умерших? – Мы узнаем это потому, что тот дух, который приходит, прямо нам говорит, – просто, как я говорю, – говорит нам, кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему? Последний сеанс был испанец Дон Кастильос, и он всё сказал нам. Он сказал нам, кто он, и когда умер, и то, что ему тяжело за то, что он участвовал в инквизиции. Мало того, он сообщил нам то, что с ним случилось в то самое время, как он говорил с нами, а именно то, что в то самое время, как он говорил с нами, он должен был вновь родиться на землю и потому не мог закончить начатого с нами разговора. Да вот вы сами увидите...

Толстая барыня (перебивая).

Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович.

Очень может быть.

Профессор.

Я думаю, пора бы начинать.

Леонид Федорович.

Я только хотел сказать...

Профессор.

Поздно уж.

Леонид Федорович.

Ну, хорошо. Так можем приступить. Пожалуйста, Антон Борисович, усыпите медиума...

Гросман.

Как вы желаете, чтоб я усыпил субъекта? Есть много употребительных приемов. Есть способ Бреда, есть египетский символ, есть способ Шаркд.

Леонид Федорович (к Профессору).

Это всё равно, я думаю.

Профессор.

Безразлично.

Гросман.

Так я употреблю свой способ, который я демонстрировал в Одессе.

Леонид Федорович.

Пожалуйста!

(Гросман машет руками над Семеном. – Семен закрывает глаза и потягивается.)

Гросман (приглядывается).

Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!.. (Садится, встает, опять садится.) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Замечаете, как сон медиума действует на Гросмана? Он начинает вибрировать.

Леонид Федорович.

Да, да... Теперь можно тушить?

Сахатов.

Но почему же нужна темнота?

Профессор.

Темнота? – А потому, что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

Леонид Федорович.

И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах и при солнце.

Профессор (перебивая).

Можно тушить?

Леонид Федорович.

Да, да. (Тушит свечи.) Господа! теперь прошу вниманья.

(Таня вылезает из-под дивана и берет в руки нитку, привязанную к бра.)

Петрищев.

Нет, мне понравился испанец. Как он, в середине разговора, вниз головой... что называется: *piquer une tête*. [21]

Бетси.

Нет, вы подождите, посмотрите, что будет!

Петрищев.

Я одного боюсь: как бы Вово не захрюкал поросенком.

Василий Леонидыч.

Хотите? Я хвачу...

Леонид Федорович.

Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

(Тишина. – Семен лижет палец, мажет им косточки на руке и машет ими.)

Леонид Федорович.

Свет! Видите свет?

Сахатов.

Свет! Да, да, вижу; но позвольте...

Толстая барыня.

Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

Профессор (к Леониду Федоровичу шопотом, указывая на Гросмана, который двигается).

Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила. (Опять показывается свет.)

Леонид Федорович (к Профессору).

А ведь это он.

Сахатов.

Кто он?

Леонид Федорович.

Грек Николай. Его свет. Не правда ли, Алексей Владимирович?

Сахатов.

Что такое грек Николай?

Профессор.

Некий грек, монашествовавший при Константине в Царь-граде и посещавший нас последнее время.

Толстая барыня.

Где же он? Где же он? Я не вижу.

Леонид Федорович.

Его нельзя еще видеть. Алексей Владимирович, он всегда особенно благосклонен к вам. Спросите его.

Профессор (особенным голосом).

Николай! ты это?

(Таня стучит два раза о стену.)

Леонид Федорович (радостно).

Он! Он!

Толстая барыня.

Ай, ай! Я уйду.

Сахатов.

Почему же предполагается, что это он?

Леонид Федорович.

А два удара. Утвердительный ответ: иначе было бы молчание.

(Молчание. Сдержанный хохот в углу молодежи. – Таня бросает на стол колпак с лампы, карандаш, утиралку перьев.)

Леонид Федорович (шопотом).

Замечайте, господа, вот колпак с лампы. Еще что-то. Карандаш! Алексей Владимирович, карандаш.

Профессор.

Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним и за Гросманом. Вы замечаете?

(Гросман встает и оглядывает предметы, упавшие на стол.)

Сахатов.

Позвольте, позвольте! Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

Леонид Федорович.

Вы думаете? Так сядьте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

Сахатов (подходит, задевает головой за нитку, которую спускает Таня, и испуганно нагибается).

Да... а-а!.. Странно, странно. (Подходит, берет за локоть Семена. Семен рычит.)

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Слышите, как действует присутствие Гросмана? Новое явление, надо записать... (Выбегает и записывает, потом возвращается.)

Леонид Федорович.

Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

Гросман (встает, подходит к Семену, поднимает опускает его руку).

Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе.

Профессор (к Леониду Федоровичу).

Вы видите, видите?

Гросман.

Если вы желаете...

Доктор.

Да уж позвольте, батюшка, Алексею Владимировичу распорядиться, штука-то выходит серьезная.

Профессор.

Оставьте его. Он говорит уже во сне.

Толстая барыня.

Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но всё-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леонид Федорович.

Прошу помолчать.

(Таня проводит ниткой по голове Толстой барыни.)

Толстая барыня.

Ай!

Леонид Федорович.

Что? Что?

Толстая барыня.

Он меня за волосы взял.

Леонид Федорович (шопотом).

Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

Толстая барыня (прячет руку).

Ни за что!

Сахатов.

Да, странно, странно!

Леонид Федорович.

Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

Сахатов.

Позвольте, я спрошу.

Профессор.

Сделайте одолжение.

Сахатов.

Верю я или нет?

(Таня стучит два раза.)

Профессор.

Ответ утвердительный.

Сахатов.

Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая

бумажка?

(Таня стучит много раз и проводит ниткой по голове Сахатова.)

Сахатов.

Ах!.. (Хватает нитку и обрывает ее.)

Профессор.

Я бы просил присутствующих не делать неопределенных или шуточных вопросов. Ему неприятно.

Сахатов.

Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

Леонид Федорович.

Нитка? Держите ее. Это часто бывает; не только нитка, но шелковые шнуры, самые древние.

Сахатов.

Нет, однако откуда же нитка?

(Таня бросает в него подушкой.)

Сахатов.

Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня в голову. Позвольте свет, – тут что-нибудь...

Профессор.

Мы просим вас не нарушать проявления.

Толстая барыня.

Ради Бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

Леонид Федорович.

Можно, можно. Спрашивайте.

Толстая барыня.

Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

(Молчание, шопот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: уа! уа! – Хохот. Захватывая носы и рты и фыркая, девицы с Петрищевым убегают.)

Толстая барыня.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!

Леонид Федорович (в бешенстве, гневным шопотом).

Кроме глупости, от тебя ничего! Если не умеешь держать себя прилично, то уйди.

(Василий Леонидыч уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Леонид Федорович, Профессор, Толстая барыня, Сахатов, Гросман, Доктор, Семен и Таня. Темнота, молчание.

Толстая барыня.

Ах, как жаль! Теперь уж нельзя спрашивать. Он родился.

Леонид Федорович.

Нисколько. Это глупости Вово. А он тут. Спрашивайте.

Профессор.

Это часто бывает; эти шутки, насмешки – самое обыкновенное явление. Я полагаю, что он здесь еще. Впрочем, мы можем спросить. Леонид Федорович, вы?

Леонид Федорович.

Нет, пожалуйста, вы. Меня это расстроило. Так неприятно! Эта бестактность!..

Профессор.

Хорошо, хорошо!.. Николай! ты здесь еще?

(Таня стучит два раза и звонит в колокольчик. – Семен начинает рычать и разводить руками. Захватывает Сахатова и Профессора и давит их.)

Профессор.

Какое неожиданное проявление! Воздействие на самого медиума. Этого не бывало. Леонид Федорович, наблюдайте, мне неловко. Он давит меня. Да смотрите, что Гросман? Теперь нужно полное внимание.

(Таня бросает мужицкую бумагу на стол.)

Леонид Федорович.

Что-то упало на стол.

Профессор.

Смотрите, что упало.

Леонид Федорович.

Бумага! Сложенный лист бумаги.

(Таня бросает дорожную чернильницу.)

Леонид Федорович.

Чернильница!

(Таня бросает перо.)

Леонид Федорович.

Перо!

(Семен рычит и давит.)

Профессор (задавленный).

Позвольте, позвольте, совершенно новое явление: не вызванная медиумическая энергия действует, а сам медиум. Однако откройте чернильницу и положите на бумагу перо, он напишет, напишет.

(Таня заходит сзади Леонида Федоровича и бьет его по голове гитарой.)

Леонид Федорович.

Ударил меня по голове! (Смотрит на стол.) Перо не пишет еще, и бумага сложена.

Профессор.

Посмотрите, что за бумага, делайте скорей; очевидно, двойная сила: его и Гросмана – производит пертурбации.

Леонид Федорович (выходит с бумагой в дверь и тотчас возвращается).

Необычайно! Бумага эта – договор с крестьянами, который я нынче утром отказался подписать и отдал назад крестьянам. Вероятно, он хочет, чтоб я подписал его?

Профессор.

Разумеется! Разумеется! Да вы спросите.

Леонид Федорович.

Николай! Или ты желаешь...

(Таня стучит два раза.)

Профессор.

Слышите? Очевидно, очевидно!

(Леонид Федорович берет перо и выходит. – Таня стучит, играет на гитаре и гармонии и лезет опять под диван. – Леонид Федорович возвращается. – Семен потягивается и прокашливается.)

Леонид Федорович.

Он просыпается. Можно зажечь свечи.

Профессор (поспешно).

Доктор, доктор, пожалуйста, температуру и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение.

Леонид Федорович (зажигает свечи).

Ну что, господа неверующие?

Доктор (подходя к Семену и вставляя термометр).

Ну-ка, молодец. Что, поспал? Ну-ка, это вставь и давай руку. (Смотрит на часы.)

Сахатов (пожимает плечами).

Могу утверждать, что медиум не мог делать всего того, что происходило. Но нитка?.. Я бы желал объяснения нитки.

Леонид Федорович.

Нитка, нитка! Тут были явления посерьезнее.

Сахатов.

Не знаю. Во всяком случае – *je réserve mon opinion.* [22]

Толстая барыня (к Сахатову).

Нет, как же вы говорите: *je réserve mon opinion.* А младенец-то с крылышками? Разве вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется; но потом ясно, ясно, как живой...

Сахатов.

Могу говорить только о том, что видел. Я не видал этого, не видал.

Толстая барыня.

Ну как же! Совсем ясно было видно. А с левой стороны монах в черном одеянии еще нагнулся к нему...

Сахатов (отходит).

Какое преувеличение!

Толстая барыня (обращается к Доктору).

Вы должны были видеть. Он с вашей стороны поднимался.

(Доктор, не слушая ее, продолжает считать пульс.)

Толстая барыня (к Гросману).

И свет, свет от него, особенно вокруг личика. И выраженье такое кроткое, нежное, что-то вот этакое небесное! (Сама нежно улыбается.)

Гросман.

Я видел свет фосфорический, предметы изменяли место, но более я ничего не видел.

Толстая барыня.

Ну, полноте! Это вы так. Это оттого, что вы, ученые школы Шарко, не верите в загробную жизнь. А меня никто теперь, никто в мире не разуверит в будущей жизни.

(Гросман уходит от нее.)

Толстая барыня.

Нет, нет, что ни говорите, а это одна из самых счастливых минут в моей жизни. Когда Саразате играл, и эта... Да! (Никто ее не слушает. Она подходит к Семену.) Ну, ты мне скажи, ты, дружок, что чувствовал? Очень тебе было тяжело?

Семен (смеется)

Так точно.

Толстая барыня.

Всё-таки терпеть можно?

Семен.

Так точно (К Леониду Федоровичу.) Прикажете итти?

Леонид Федорович.

Иди, иди.

Доктор (к Профессору).

Пульс тот же, но температура понизилась.

Профессор

Понизилась? (Задумывается и вдруг догадывается.) Так и должно было быть, – должно было быть понижение! Двойная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто в роде интерференции. Да, да.

Леонид Федорович.

Мне одно жалко, что полной материализации не было. Но всё-таки...
господа, милости просим в гостиную.

Толстая барыня.

Особенно меня поразило, когда он взмахнул крылышками, и видно было, как он поднимается.

Гросман (Сахатову).

Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсию. Успех мог бы быть совершенный.

Сахатов.

Интересно, но не вполне убедительно! – всё, что могу сказать.

Говорят все вместе, уходя.

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Леонид Федорович с бумагой. Входит Федор Иваныч

Леонид Федорович.

Ну, Федор, какой сеанс был – удивительный! Оказывается что землю-то надо уступить крестьянам на их условиях.

Федор Иваныч.

Вот как!

Леонид Федорович.

Да как же? (Показывает бумагу.) Представь, бумага, которую я им отдал, оказалась на столе. Я подписал.

Федор Иванович.

Как же она попала сюда?

Леонид Федорович.

Да вот попала. (Уходит.)

(Федор Иванович уходит за ним.)

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Таня одна, вылезает из-под дивана и смеется.

Таня.

Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, как он за нитку поймал. (Визжит.) Ну, да всё-таки вышло, – подписал!

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Таня и Григорий.

Григорий.

Так это ты их дурачила?

Таня.

А вам что?

Григорий.

А что ж, думаешь, барыня за это похвалит? Нет, шалишь, теперь попалась. Расскажу твои плутни, коли по-моему не сделаешь.

Таня.

И по-вашему не сделаю, и ничего вы мне не сделаете.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ IV.

Театр представляет декорацию 1-го действия.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Два выездных Лакея в ливреях, Федор Иванович и Григорий.

1-й лакей (с седыми бакенбардами).

Нынче к вам к третьим. Спасибо, в одной стороне приемные дни. У вас прежде по четвергам было.

Федор Иванович.

Затем переменяли на субботу, чтобы за-одно: у Головкиных, у Граде-фон-Грабе...

2-й лакей.

У Щербаковых так-то хорошо, что как бал, так лакеям угощение.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Те же. Сверху сходят Княгиня с Княжной. Бетси провожает их. Княгиня глядит в книжечку, на часы и садится на ларь. Григорий надевает ей ботики.

Княжна.

Нет, ты, пожалуйста, приезжай. А то ты откажешься, Додо откажется, – ничего и не выйдет.

Бетси.

Не знаю. К Шубиным надо непременно. Потом репетиция

Княжна.

Успеешь. Нет, ты пожалуйста. *Ne nous fais pas faux bond.* [23] Федя будет и Коко.

Бетси.

J'en ai par dessus la tête de votre Coco. [24]

Княжна.

Я думала, что я его здесь найду. *Ordinairement il est d'une exactitude...* [25]

Бетси.

Он непременно будет.

Княжна.

Когда я его вижу с тобой, мне кажется, что он только что сделал или вот сделает предложение.

Бетси.

Да уж, вероятно, придется пройти через это. И так неприятно!

Княжна.

Бедный Коко! Он так влюблен.

Бетси.

Cessez, les gens. [26]

(Княжна садится на диванчик, разговаривая шопотом. Григорий надевает ей ботики.)

Княжна.

Так до вечера.

Бетси.

Постараюсь.

Княгиня.

Так скажите папа, что я ничему не верю, но приеду посмотреть его нового медиума. Чтоб он дал знать. Прощайте, ma toute belle. [27]
(Целует и уходит с княжной.)

(Бетси уходит вверх.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Два Лакея, Федор Ивановыч и Григорий.

Григорий.

Не люблю старух обувать: не перегнется никак, от живота не видит, тычет мимо всё; то ли дело молоденькую – приятно и ножку в руки взять.

2-й лакей.

Тоже разбирает!

1-й лакей.

Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григорий.

Отчего ж не разбирать, разве мы не люди? Это они думают, что мы не понимаем; как сейчас разговорились, взглянули на меня, сейчас: лежан.

2-й лакей.

А это что ж?

Григорий.

А это значит по-русски: не говори, поймут. За обедом то же; а я понимаю. Вы говорите: разница, – никакой нет.

1-й лакей.

Разница большая, кто понимает.

Григорий.

Разницы нет никакой. Нынче я лакей, а завтра, может, и не хуже их жить буду. И за лакеев замуж выходят, разве не бывало? Пойти покурить. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Те же, без Григорья.

2-й лакей.

А смелый этот у вас молодой человек.

Федор Иваныч.

Пустой малый, неспособен к службе; в конторщиках был, набаловался. Я и не советовал брать, да барыне понравился – виден для выезда.

1-й лакей.

Я бы его к нашему графу, он бы его поставил в точку. Ох! не любит этаких вертунов. Лакей, так будь лакей, звание свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Те же, сверху сбегает Петрищев и достает папироску. Навстречу ему входит Коко Клинген в *pinse-nez*.

Петрищев (в задумчивости).

Да, да. Мое второе то же, что «ка». Кар-тож-ка. Мое всё... Да, да... А, Кокоша-Картоша! Откуда?

Коко Клинген.

От Щербаковых. Ты вечно глупости...

Петрищев.

Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кин», мое второе то же, что «ка», а мое всё далеко гоняет телят.

Коко Клинген.

Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищев.

А куда тебе еще?

Коко Клинген.

Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев.

Как же, непременно. И на репетиции и на морковетиции. Ведь то я был дикий, а теперь я и дикий и генерал.

Коко Клинген.

Ну, а сеанс вчерашний что?

Петрищев.

Умора! Мужик был; но главное дело – всё в темноте. Вово младенцем пищал. Профессор объяснял, а Марья Васильевна разъясняла. Потеха! Жаль, что ты не был.

Коко Клинген.

Боюсь, *mon cher*; [28] ты как-то это умеешь шутками отделяваться, а мне всё кажется, что чуть скажу словечко, сейчас повернут так, что я сделал предложение. *Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!* [29]

Петрищев.

А ты делай предложение с сказуемым, вот ничего и не будет. Так заходи к Вово, вместе поедем на редькотицию.

Коко Клинген.

Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалопай!

Петрищев.

А я его люблю. Люблю Вово, но «странною любовью», «к нему не зарастет народная тропа».... (Уходит в комнату Василья Леонидыча.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Два Лакея, Федор Иванович и Коко Клинген. Бетси провожает Даму.

Коко значительно кланяется.

Бетси (трясет ему руку боком к Даме).

Вы не знакомы?

Дама.

Нет.

Бетси.

Барон Клинген. Что ж вы вчера не были?

Коко Клинген.

Никак не мог, не успел.

Бетси.

Жаль, очень было интересно. (Смеется.) Вы бы увидели, какие были manifestations.[30] Ну что же, наша шарада подвигается?

Коко Клинген.

О, да! Стихи на top second[31] готовы, Ник сочинил, а я музыку.

Бетси.

Как же, как? Скажите.

Коко Клинген.

Позвольте, как?.. Да! Рыцарь поет Нанне. (Поет.)

«Как прекрасна натура,

Льет на душу мне надежду...

Нанна, Нанна! на, на, на!»

Дама.

Это mon second на, а mon premier[32] что же?

Коко Клинген.

Mon premier – это Аре, – имя дикарки.

Бетси.

Аре, это, видите, дикарка, которая хочет съесть предмет своей любви... (Хохочет.) Она ходит, тоскует и поет:

«Ах, аппетит...»

Коко (перебивая).

«Меня мутит...

Бетси (подхватывает).

«Кого-то есть желаю.

«Хожу, брожу...

Коко Клинген

«Не нахожу...

Бетси.

«Кого жевать – не знаю...

Коко Клинген.

«Вдали вот плот...

Бетси.

«Сюда плывет;

«На нем два генерала...

Коко Клинген.

«Мы два генерала,

«Судьба нас связала,

«На остров послала».

И опять refrain: [33]

«Судьба нас связала.

«На остров посла-а-ла».

Дама.

Charmant! [34]

Бетси.

Вы поймите, как глупо!

Коко Клинген.

В том-то и прелесть.

Дама.

Кто же Аре?

Бетси.

Я, я костюм сделала, а мама говорит: «неприлично». А нисколько не неприличнее, чем на бале. (К Федору Иванычу.) Что, здесь от Бурдые?

Федор Иваныч.

Здесь, на кухне сидит.

Дама.

Ну, а арена как же?

Бетси.

Да вы увидите. Не хочу вам портить удовольствия. Au revoir. [35]

Дама.

Прощайте! (Раскланиваются. Дама уходит.)

Бетси (к Коко Клингену).

Пойдемте к татап.

(Бетси и Коко Клинген уходят вверх.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Федор Иванович, два Лакея и Яков (выходит из буфета с подносом, чаем, печеньем; запыхавшись, идет через переднюю).

Яков (Лакеям).

Мое почтение, мое почтение!

(Лакеи кланяются.)

Яков (Федору Ивановичу).

Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отделку... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Те же, без Якова.

1-й лакей.

Старательный это у вас человек.

Федор Иванович.

Хороший малый, да вот не нравится барыне, – не виден, говорит, из себя. А тут еще наклепали на него вчера, что он мужиков в кухню пустил. Как бы не разочли! А малый хороший.

2-й лакей.

Каких мужиков?

Федор Иванович.

Да пришли из нашей Курской деревни землю покупать; дело ночное, да и земляки. Один буфетному мужику отец. Ну и провели их в кухню. А тут случись угадыванье мыслей; спрятали вещь в кухню, пришли все господа, увидала их барыня – беда! Как, говорит, люди, может быть, зараженные, а их в кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Те же и Григорий.

Федор Иванович.

Пойдите, Григорий, подсобите Якову Ивановичу, а я здесь побуду один. Один не поспекает.

Григорий.

Неловок, оттого и не поспекает. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Те же, без Григорья.

1-й лакей.

И что это за новая мода пошла нынче – эти заразы!.. Так и ваша боится?

Федор Иваныч.

Пуще огня! У нас только заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей.

То-то я слышу дух такой тяжелый. (С оживлением.) Ни на что не похоже, какие грехи с этими заразами. Скверно совсем! Даже Бога забыли. Вот у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Так что же? Ни отец ни мать и в комнату не вошли, так и не простились. А дочка плакала, звала проститься, – не вошли! Доктор какую-то заразу нашел. А ведь ходили же за нею и горничная своя и сиделка – и ничего, обе живы остались.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (выходят из двери с папиросками).

Петрищев.

Да пойдем же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Василий Леонидыч.

Болван твой Коноша! Я тебе скажу, терпеть его не могу. Вот пустой-то малый, настоящий полотер! Ничем не занят, только шляется. А, что?..

Петрищев.

Ну, так погоди, всё-таки я прощусь.

Василий Леонидыч.

Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А, что?

Петрищев.

Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?

Василий Леонидыч.

Ну, ты вечно... (Одевается и уходит)

Петрищев (задумчиво).

Ма-кин-тож, кар-тож-ка... Да, да. (Идет наверх)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Два Лакея, Федор Иванович и Яков (пробегают через сцену в начале и конце явления).

Федор Иванович (Якову).

Чего еще?

Яков.

Тартинок нет! Я говорил... (Уходит,)

2-й лакей.

А вот еще у нас барчук заболел. Так сейчас свезли его в гостиницу с нянькой, так там без матери и помер.

1-й лакей.

То-то греха не боятся! Я полагаю, что от Бога никуда не уйдешь.

Федор Иванович.

И я так думаю.

(Яков бежит наверх с тартинками.)

1-й лакей.

И то возьмите во внимание, что ежели теперь так всех бояться, то надо запереться в четырех стенах, как в тюрьме ровно, да так и сидеть.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Те же и Таня, потом Яков.

Таня (кланяется Лакеям).

Здравствуйте!

(Лакеи кланяются.)

Таня.

Федор Иваныч! мне вам два слова сказать.

Федор Иваныч.

Ну, что?

Таня.

Да пришли, Федор Иваныч, мужички опять...

Федор Иваныч.

Ну так что же? Бумагу-то ведь я Семену отдал...

Таня.

Бумагу я им отдала. Уж как благодарят-то, и не знаю как. Теперь только просят деньги от них принять.

Федор Иваныч.

Да где они?

Таня.

Тут, у крыльца стоят.

Федор Иваныч.

Ну что ж, я скажу.

Таня.

Да еще просьба моя к вам, батюшка Федор Иваныч.

Федор Иваныч.

Что еще?

Таня.

Да что, Федор Иваныч, мне уж оставаться нельзя здесь. Попросите, чтоб отпустили меня.

(Яков вбегает.)

Федор Иваныч (Якову).

Что ты?

Яков.

Самовар другой да апельсины.

Федор Иванович.

У экономки спроси.

(Яков убегает.)

Федор Иванович.

Это что ж так?

Таня.

Да ведь как же! Теперь мое дело такое.

Яков (вбегая).

Апельсинов мало.

Федор Иванович.

Подай, что есть. (Яков убегает.) Не время ты выбрала: ведь видишь, суета...

Таня.

Да ведь сами знаете, Федор Иванович, этой суете угомону не бывает, сколько ни жди, – вы сами знаете, – а ведь мое дело навек... Вы, батюшка Федор Иванович, как мне добро такое сделали, будьте отец родной, выберите времечко, скажите. А то рассердится, билет не даст.

Рукопись (автограф) первого плана «Флодов просвещения»

Размер подлинника

Федор Иванович.

Да что же тебе так загорелось?

Таня.

Да как же, Федор Иванович, дело теперь сладилось... Я бы к маменьке, к крестной поехала, приготовилась бы. А на красную горку и свадьба. Скажите, батюшка Федор Иванович!

Федор Иваныч.

Ступай теперь, – не место тут.

ЯВЛЕНИЕ 14–е.

Сверху сходит Барин (пожилой) и молча уходит со 2–м лакеем. Таня уходит. Федор Иваныч, 1–й лакей и Яков (входит).

Яков.

Что же, Федор Иваныч, это обида живая! Теперь меня расчесть хочет. Ты, говорит, всё колотишь, Фифку забыл и против моего приказания мужиков в кухню пустил. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мне Татьяна: проведи в кухню, а я не знаю, по чьему приказу.

Федор Иваныч.

Что ж, разве она говорила?

Яков.

Сейчас говорила. Уж вы заступитесь, Федор Иваныч! А то семейство только стало поправляться, а тут сойдешь с места, когда–то опять попадешь. Федор Иваныч, пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ 15–е.

Федор Иваныч, 1–й Лакей и Барыня провожает старую Графиню с фальшивыми волосами и зубами. Графиню одевает 1–й лакей.

Барыня.

Неприменно, как же? Я так истинно тронута.

Графиня.

Кабы не нездоровье, я бы чаще у вас бывала.

Барыня.

Право, возьмите Петра Петровича. Он груб, но никто так не может успокоить; так просто, ясно у него всё.

Графиня.

Нет, уж я привыкла.

Барыня.

Осторожнее.

Графиня.

Merci, mille fois merci.[36]

ЯВЛЕНИЕ 16–е.

Те же и Григорий, растрепанный, в волнении, выскакивает из буфета. За ним виден Семен.

Семен.

А ты к ней не приставай.

Григорий.

Я тебя, мерзавца, научу, как драться! Ах ты, негодяй!

Барыня.

Что это такое? Что вы, в кабаке, что ли?

Григорий.

Не могу жить от этого мужика грубого.

Барыня (с досадой).

Вы с ума сошли, разве вы не видите? (К Графине). Merci, mille fois merci. A mardi.[37]

(Графиня и 1–й лакей уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 17–е.

Федор Иванович, Барыня, Григорий и Семен.

Барыня (к Григорию).

Что такое?

Григорий.

Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня.

Да что такое случилось?

Григорий.

Да вот Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Драться лезет.

Барыня.

Что такое? За что?

Григорий.

А Бог его знает.

Барыня (к Семену).

Что это такое значит?

Семен.

Что ж он к ней пристаёт?

Барыня.

Да что у вас было?

Семен (улыбаясь).

Да так, он Таню, горничную, всё хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленько.

Григорий.

Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. Да ведь он что говорит: «на меня, говорит, по-вчерашнему, сила нашла», и начал давить.

Барыня (к Семену).

Как ты смеешь драться в моем доме?

Федор Иванович.

Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вам сказать, что Семен имеет чувства к Тане, и как они теперь сосватаны, а Григорий – что ж, надо правду сказать – обращается нехорошо, неблагородно. Ну, вот Семен, я полагаю, и обиделся на него.

Григорий.

Совсем нет; это из-за злобы, что я плутовство их всё открыл.

Барыня.

Какое плутовство?

Григорий.

А в сеансе. Все вчерашние штуки не Семен, а Татьяна делала. Я сам видел, как она из-под дивана лезла.

Барыня.

Что такое из-под дивана лезла?

Григорий.

Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на стол. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикам землю не продали бы.

Барыня.

Вы сами видели?

Григорий.

Своими глазами. Прикажите позвать ее, она не отопрется.

Барыня.

Позовите ее.

(Григорий уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Те же, без Григория. За сценой шум, голос Швейцара: Нельзя, нельзя! Показывается Швейцар, мимо него врываются три Мужика. Впереди 2-й мужик, 3-й мужик спотыкается, падает и хватается за нос.

Швейцар.

Нельзя, идите!

2-й мужик.

Авось, не беда. Разве мы за худым чем? – мы денежки отдать.

1-й мужик.

Двистительно, как за подписью руки приложенья, дело в окончании, мы только денежки предоставить с нашей благодарностью.

Барыня.

Погодите, погодите благодарить, всё это был обман. Еще не кончено. Не продано еще. Леонид! Позовите Леонида Федоровича. (Швейцар уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19–е.

Те же и Леонид Федорович выходит, но, увидав Барыню и Мужиков, хочет уйти назад.

Барыня.

Нет, нет, пожалуйста сюда! Я говорила вам, что нельзя продавать землю в долг, и все вам говорили. А вас обманывают, как самого глупого человека.

Леонид Федорович.

То есть в чем? Я не понимаю, какой обман.

Барыня.

Стыдились бы вы! Вы седой, а вас, как мальчишку, обманывают и смеются над вами. Жалеете для сына какие-нибудь 300 рублей для его общественного положения, а самих вас, как дурака, проводят на тысячи.

Леонид Федорович.

Да ты, Annette, успокойся.

1–й мужик.

Мы только в получении суммы, значит...

3–й мужик (достаёт деньги).

Отпусти ты нас, ради Христа!

Барыня.

Погодите, погодите.

ЯВЛЕНИЕ 20–е.

Те же, Григорий и Таня.

Барыня (строго к Тане).

Ты была вчера вечером во время сеанса в маленькой гостиной?

(Таня, вздыхая, оглядывается на Федора Ивановича, Леонида Федоровича и Семена.)

Григорий.

Да уж нечего вилять, когда я сам видел...

Барыня.

Говори, была? Я знаю всё, признавайся. Я тебе ничего не сделаю. Мне только хочется уличить вот его (указывает на Леонида Федоровича), барина... Ты кинула бумагу на стол?

Таня.

Я не знаю, что и отвечать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (к Леониду Федоровичу).

Вот видите, вас дурачат.

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Те же. Входит Бетси в начале явления и стоит незамеченная.

Таня.

Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня.

Нет, милая! Ты ведь, может быть, убытку сделала на несколько тысяч. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня.

Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня.

Нет, ты ответишь. Плутовать нельзя. К мировому судье подам.

Бетси (выступая).

Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вместе с ней, – я с ней вместе вчера всё делала.

Барыня.

Ну, да уж когда ты, то кроме самого гадкого ничего и быть не могло.

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Те же и Профессор.

Профессор.

Здравствуйтесь, Анна Павловна! Здравствуйтесь, барышня! А я вам несу, Леонид Федорович, отчет о 13-м съезде спиритуалистов в Чикаго. Удивительная речь Шмита.

Леонид Федорович.

А, очень интересно!

Барыня.

Я вам гораздо интереснее расскажу. Оказывается, что и вас и мужа дурачила эта девчонка. Бетси на себя говорит, но это чтоб дразнить меня; а дурачила вас безграмотная девчонка, а вы верите! Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она (указывая на Таню) всё делала.

Профессор (раздеваясь).

Как, то есть?

Барыня.

Да так, что она в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор (улыбаясь).

Так что же это доказывает?

Барыня.

Доказывает, что ваш медиумизм – вздор! Вот что доказывает.

Профессор.

Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм – вздор, как вы изволите выразиться? (Улыбаясь.) Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но то, что она делала, – делала она, то, что было проявлением медиумической энергии, – было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, солицитировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня.

Опять лекция!..

Профессор (строго).

Вы говорите, Анна Павловна, что эта девушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, который мы все видели, а в первом

случае понижение, а во втором – повышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана, – что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них, вещи слитком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович.

А дитя, которое ясно видела Марья Васильевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка.

Барыня.

Вы думаете, что вы умны, а вы – дурак!

Леонид Федорович.

Ну, я уйду. Алексей Владимирович, пойдите ко мне. (Уходят в кабинет.)

Профессор (пожимая плечами, идет за ним).

Да, как еще мы далеки от Европы!

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Барыня, три Мужика, Федор Иваныч, Таня, Бетси, Григорий, Семен и Яков (входит).

Барыня (вслед Леониду Федоровичу).

Обманули его как дурака, а он ничего не видит. (Якову.) Тебе что?

Яков.

На много ли персон прикажете накрывать?

Барыня.

На много ли?.. Федор Иваныч! принять от него серебро! Вон сейчас! От него всё. Этот человек меня в гроб сведет. Вчера чуть-чуть не заморил собачку, которая ничего ему не сделала. Мало ему этого, он же зараженных мужиков вчера в кухню завел, и опять они здесь. От него всё! Вон, сейчас вон! Расчет, расчет! (Семену.) А если ты себе вперед позволишь шуметь в моем доме, я тебя, скверного мужика, выучу!

2-й мужик.

Да что же, коли он скверный мужик, так и держать его нечего, а давай расчет, вот и всё.

Барыня (слушая его, вглядывается в 3-го мужика).

Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Он больной, он резервуар заразы!! Ведь я вчера говорила, чтобы их не пускать, и вот они опять тут. Гоните их вон!

Федор Иваныч.

Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня.

Деньги? Деньги возьми, но их, особенно этого больного, вон, сию минуту вон! Он совсем гнилой!

3-й мужик.

Напрасно ты, мать, ей-Богу, напрасно. У моей старухи, скажем, спроси. Какой я гнилой? Я как стеклышко, скажем.

Барыня.

Еще разговаривает?.. Вон, вон! Всё на зло!.. Нет, я не могу, не могу! Пошлите за Петром Петровичем. (Убегает, всхлипывая.)

(Яков и Григорий уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Те же, без Барыни, Якова и Григория.

Таня (к Бетси).

Барышня, голубушка, как же мне быть теперь?

Бетси.

Ничего, ничего. Поезжай с ними, я устрою. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 25-е.

Федор Иваныч, три Мужика, Таня и Швейцар.

1-й мужик.

Как же, почтенный, получение суммы теперича?

2-й мужик.

Отпусти ты нас.

3-й мужик (мнется с деньгами).

Кабы знать, я ни в жисть не взялся бы. Это засушит хуже лихой болести.

Федор Иваныч (Швейцару).

Проводи их ко мне, там и счета есть. Там и получу. Идите, идите.

Швейцар.

Пойдемте, пойдемте.

Федор Иваныч.

Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вам без земли.

1-й мужик.

Двистительно, как изделала предлог, так и в действие произвела.

3-й мужик.

Она нас людьми изделала; а то бы что? земля малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! Приедешь на село, приходи мёд есть.

2-й мужик.

Дай домой приеду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только приезжай.

Таня.

Приеду, приеду! (Визжит.) Семен! то-то хорошо-то!

(Мужики уходят.)

ЯВЛЕНИЕ 26-е.

Федор Иваныч, Таня и Семен.

Федор Иваныч.

С Богом. Ну, смотри, Таня, когда домком заживешь, я приеду к тебе погостить. Примешь?

Таня.

Голубчик ты мой, как отца родного примем! (Обнимает и целует его.)

Занавес.

Конец.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

* [ПЕРВЫЙ ПЛАН «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ».]

Д[ѣйствіе] 1.

Львовъ [38] сидитъ, [39] вертитъ блюдечко о землѣ крест[ьянамъ]. Самаринъ невѣрующій. «Пріѣзжайте вечеромъ. Вотъ я и знаю». «Да вы и такъ знаете, вы нароч[но]». «Нѣтъ, вотъ вы пріѣзжай[те]. Хоро[шо]?» Уход[ить]. «Позва[ть] муж[иковъ]». Мужики [40] приход[ять]. [41] «Нельзя, мое правило». Сухо отказываетъ. «Вотъ и Прасковья Афан[асьевна] извѣстна». Прасковья Афанасьев[на] проситъ за мужиковъ. «Нельзя, противъ моихъ правилъ». Жалостно проситъ. [42] «Ну хорошо, я для тебя спрошу за столомъ еще разъ». Отказъ. Н[яня]. «Погоди жъ ты. Ты удивляешься?» «Нѣтъ, чегожъ? Я вѣдь слышала». «А! Что жъ ты слышала? Да вы не понимаете. Думаете, что господа дѣлаютъ глупости». «Нѣтъ, чтожъ. Это возможно». «Да какже, я тебѣ скажу. Профессоръ – не дуракъ, стало быть». Н[яня]. «Да, все возможно. Я и сама видала». Л[ьвовъ]. «Что?» «Да Семка мой, вотъ что изволи[ли] взять». «Это буфетн[ый] мужикъ новый? Да, я видѣлъ, славный малый, кажется». Н[яня] «Удивленье! вчера за столъ сѣли, <такъ> вдругъ столъ запрыгаль, такъ что всѣ испугали[сь]. Отошеть, перестало. Какъ взялъ ложку, такъ опять». Л[ьвовъ] (улыбаясь). «Вамъ это удивительно? Это просто медіумъ». Н[яня]. «Мы что знаемъ? Только это точно». «Надо будетъ его взять на сеансъ». Н[яня]. «Увольте, вѣдь младъ онъ. Какъ бы чего не было». Л[ьвовъ] (улыбаясь). «Не бойся. Это сила, въ немъ сила есть». [43] «Такъ какже мужикамъ?»

«Мужикамъ? Да я сейчасъ скажу». Вертитъ блюдечко. «Нельзя, няня, отказать. Нельзя. Я бы радъ. Имъ же хуже бы было». Жена приходитъ. «Ну, мнѣ пора. (Уходитъ въ одну дверь.) [44] А Семену скажи, чтобъ онъ не уходилъ.»

2 Д[ѣйствіе].

Кухня. Мужики. «Никакого резонта не приним[аеть]. Нечто Аф[анасьевна] похлопочеть. (Семену). Нечто тетка твоя похлоп[очеть]». Семена посылають къ Малчи[чу]. Горничн[ая] другая брезгаеть. [45] Одна за другой рассказываетъ. Кучерь рассказываетъ. Семень рассказываетъ чудеса. Поварь. «Когда жь обѣдъ то?» Приходитъ няня. «Ну, погоди жь. Не робѣйте, я сдѣлаю. Мнѣ и то скучно – уйти хочу». М[ужики]. «Матушка, вѣ[къ] благодарить будемъ». [46] Семень возвращается. «Нѣтъ <дома>». Н[яня]. «Ну и хорошо. Слушай меня. Дѣл[ай] такъ, такъ». «Это все можно». Барыня приходитъ, разгоняетъ мужиковъ. «Сказано, ничего не будетъ. Я на тебя, няня, удивляюсь». Н[яня]. «Идите, ужъ я взя[лась], обдѣлаю, знаю я ихъ».

3 Д[ѣйствіе].

Сеансъ. Семень ворочаетъ по профессору, входитъ въ азартъ. «Чемъ то недовольны». «Бумажкой этой». «Чтожь велятъ дѣлать?» «То и предлагаетъ. Отдать землю». Всѣ въ восторгѣ. Самаринъ повѣрилъ. Бьетъ, щипеть онучу. «Однако ужъ очень трудно, расходились они нынче». Подписываетъ бумагу, и тишина. [47] Мужики въ радости уходятъ домой. «Смотри жь, Татьяна!» «Да, буду служить. Чтожь, тутъ жить – и послѣдняго ума рѣшиться!»

4 Д[ѣйствіе].

Мужики пришли благодарить. [48] «Некогда». Разговаривають съ про[фесоромъ]. «Это эпоха будетъ». «Позвать Семена. Я поѣду съ нимъ въ Петербургъ». Семень просится домой. Таня. «И меня отпустите, я замужъ иду». «Чтожь ты?» «Да дома земля будетъ. Отець велить». «Да вѣдь ты замѣч[ательный] медиумъ, ты чудо. Скажи, что ты [49] будешь дѣлать? – «Ужъ позвольте домой». «Да вѣдь дома много, а ты одинъ». «Да вы кого угодно застав[ьте], тоже сдѣлае[тъ]». «Какъ?» «Да какъ Таня велѣла, такъ и дѣлалъ. Таня это нарочно, у ней сила». Л[ьвовъ] ужасается. Пр[офесоръ] успокаиваетъ. «Онуча реализуется. Онъ разнесетъ истину въ глушь. Онъ самъ не знаетъ. Барыня приходитъ, ругаетъ. Л[ьвовъ] сконфужень. Приѣзжаютъ на журьфиксъ. Мужики приходятъ. «Спасибо, Аф[анасьевна], а то бы где догадаться».

На полях поперек текста и между строк сделаны следующие дополнительные записи, относящиеся к 1-му действию.

Мужики стоятъ въ кабинетѣ съ няней. Она ихъ обнадеживаетъ. Выходить Львовъ. «Я подумаю». Мужики уходятъ. Онъ вертитъ блюдечко. Приѣзж[аетъ] Сам[аринъ], и зоветъ его вечеромъ на сеансъ. «Позвать мужиковъ. Нѣтъ, лучше Пр[асковья] Аф[анасьевна]. Пр[асковья] Аф[анасьевна],» и т. д.

«Тетинька, что я выдумала! Только попросите старик[а], чтобъ онъ сыну на мнѣ жениться позволилъ. Что я выдумала». «Ну, ужъ ты выдум[аешь]». «Все будетъ, только сдѣлайте. Скажите ему». «Да что будетъ?» «Все по нашему будетъ. Ну, сдѣлай[те] милость. Ради Христа. Все сдѣлаемъ. Да скажите, что у Семена столъ трясется».

Семень имѣеть силу.

Таня выбѣгаетъ и говоритъ свой планъ – сказать и доложить Львову о Семенѣ. «Это точно».

Жена денегъ просить. Даетъ. Скука.

Семень просить жениться. Таня <придумываетъ> говор[ить], что я могу все, <они говорили>, что у Семена сила, и просить тетку заступиться, какъ выговорил[а].

—

* [ВТОРОЙ ПЛАН «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ»]

Д[ѣйствие] 1.

Мужики стоятъ въ кабинетѣ съ няней. Она имъ объясняетъ про спиритизмъ. «Какъ впадетъ на умъ». Л[ьвовъ] общается подумать и дастъ отвѣтъ <вечеромъ>, черезъ няню послать ег[о]. Н[яня]. «Вертѣть будетъ». Л[ьвовъ] вертитъ. Сам[аринъ] приѣзжаетъ, невѣрующей. «Какъ вы хотите, такъ сд[ѣлается]. [?]» Зоветъ его вечеромъ на сеансъ, рассказывая, что у Семена сила. Идетъ провожать. <<Позвать мужиковъ. Нѣтъ, няня пусть передастъ».> Приходитъ няня <и Таня. «Барыня приказали соръ подмести»>. Н[яня] просить за мужиковъ. «Нельзя. Отвѣтъ рѣшительный, такъ и скажи имъ». Н[яня]. «Да что вы имъ вѣрите? Вы сами обсудите, безъ нихъ». Л[ьвовъ]. «Ты не понимаешь. Ты

думаешь, господу глупости дѣлають». Н[яня]. «Я ничего не думаю, жалко брата». «Нѣтъ, ты вѣришь». Н[яня]. «Да я не понимаю». Л[ьвовъ]. «Ты не понимаешь, а эта сила во всякомъ можетъ быть. <Вотъ Семень, твой племянникъ, въ немъ есть, я замѣтилъ послѣдній разъ. Его позвалъ фортеп[ьяно] подвинуть, сейчасъ стали отвѣты яснѣе.» Н[яня]. «Ну, какая у него сила. Какже насчетъ земли?» Л[ьвовъ]. «Нельзя», [50] нельзя. «Уходить.» Таня выскакиваетъ». Что я выдумала! Только попросить старика Семена на мнѣ женить, а земля будетъ наша. Что я выдумала! <Нерѣшительно.> Вы только поговорите съ нимъ еще о Семенѣ, <скажите, что въ немъ> силу видѣли. Такъ скажите. Столь прыгаетъ». Н[яня]. «Ну что глупости стану я говорить». Т[аня]. «Все по нашему будетъ, только скажите, а ужъ я Семѣ прикажу. Все по нашему будетъ, тетушка, голубка, скажите – ложки прыгаютъ». Л[ьвовъ]. «<Что дожидаетесь? Сказаль – нельзя. Если бы я бы могъ перемѣнить, а то не я, а они. Вѣдь вы не вѣрите.» Н[яня]. «Да я что. Отчего не вѣрить?»» «Ахъ, это хорошо, я позову его». Приходитъ жена, требуетъ денегъ и безъ верченія беретъ ихъ. <Малчичъ.> Записка отъ Малчича – не будетъ. «Возьму С[емена]. Часто эти неучи ка[къ] медиумы бываютъ удивител[ьны]».

Д[ѣйствіе] 2-е.

Кухня. Семень проситъ жениться. Старикъ сердится. <Няня прих[одить].> Таня общаетъ простоту. Разговоры о господахъ. Няня приходитъ – неудача, отказаль. Мужик[и] тужать. Семень уходитъ. Таня ставитъ условіе. Мужикъ не вѣрить, но общаетъ. Барыня выгоняетъ мужик[овъ]. Таня успокаиваетъ. Семену наставлен[іа]. «Все можно». Она знаетъ отъ барышни.

3 Д[ѣйствіе].

Проф[есоръ], Сам[аринъ], барыня чужая.

Семень ворочаетъ. Ануча. Барыня зоветъ ужинать. <Семень.> Бумага подписана.

4 Д[ѣйствіе].

<Барыня ругаеть.>

*[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «ПЛОДОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ».]

ИСХИТРИЛАСЬ!

КОМЕДИЯ въ 4 дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА 1-ГО ДѢЙСТВІЯ:

Леонидъ Ѳедоровичъ, богатый баринъ.

Жена его.

Бетси, дочь его.

Василій Леонидычъ, сынъ его.

Таня, молодая горничная, сирота изъ деревни. Николай, буфетчикъ.

Камердинеръ.

Григорій, лакей.

Семень, буфетный мужикъ.

1-й

Мужики из деревни.

2-й

3-й

Старшая горничная.

Старикъ-гость.

Петровъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Большая передняя. 1-й часъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Лакей Григорій (молодой, красивый, смотритъ в зеркало).

[Григорій.] Не годится, говорятъ, лакею усы. Ну и сбриль. Ей то что пользы? Положимъ, что и такъ хорошо, благородно. А чудеса! Сколько ихъ за мной увиваются. И Эмилиа Карловна и гувернантка, я вижу. Да что, стары! А вотъ и ничтожная дѣвочка Таня, а засѣла мнѣ такъ, что ну! (Улыбается.) Да и мила. (Прислушивается.) Она и есть. Вѣдь какъ врѣзался, что походку узнаю. Вишь, постукиваетъ каблучками. Ва!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Григорій и горничная Таня (выходитъ съ шубкой и ботинками).

[Григорій.] Татьянѣ Марковнѣ мое почтенье.

[Таня.] Что смотрите все? Думаете, очень изъ себя хороши?

Григорій. А чтожь, непріятень?

Таня. Такъ, ни пріятень ни непріятень, а середка на половинку. (Подходитъ къ вѣшалкѣ.) Чтожь это у васъ шубъ то навѣшано?

Григорій. Сейчасъ, сударыня, уберу. (Снимаетъ шубу и накрываетъ ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебѣ скажу.

Таня. Ну васъ совсѣмъ! И къ чему это пристало! Говорю же, оставьте. А еще говорите, что вы образованный. Развѣ образованные такъ дѣлаютъ?

Григорій. А вы думаете какъ? Поцѣлуйте.

Таня. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали?

Григорій. Таня, отчего не любишь?

Таня. Я никого не люблю.

Григорій. Неправда. Семку любишь. И нашла же кого – буфетнаго мужика – сиволапаго.

Таня. Ну, какой ни есть, да вот вам завидно.

Григорій. Есть чему завидовать! Вѣдь ты только начала образовываться, а съ кѣм связываешься. Эхъ, Таничка, не брезгай мною, Таня! (Опять хочетъ обнять.)

Таня (отстраняясь). Будетъ вамъ, Григорій Михайлычъ, оставьте глупости то.

Григорій. Вѣдь я не Семень, меня какія любили.

Таня. Семень жениться хочетъ, а не глупости...

Григорій. Счастья своего не хочешь. Да вотъ поцѣлю же.

Таня. Я говорю – отстаньте.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Выходитъ Аркадій Кузмичъ, камердинеръ, сытый, бритый въ пинсъ-не и съ газетой въ рукахъ.

Аркадій Кузмичъ. Ахъ, Григорій, Григорій, это слишкомъ! Что она въ званіи помощницы горничной, то ты можешь позволять себе вольности необстоятельныя? Неправильно!

Таня. Вотъ я, Аркадій Кузмичъ, тоже говорю.

Григорій. Хорошо Аркадію Кузмичу говорить, когда ему 50 лѣтъ. Чтожь тутъ особеннаго? Отчего жь не пошутить? Всѣ тоже дѣлаютъ. На что господа – и тѣ.

Аркадій Кузмичъ. Господа знаютъ гдѣ и какъ, потому имѣютъ образованіе.

Григорій. И какое особенное такое образованіе?

(Аркадій Кузмичъ читаетъ газету, мол[читъ].)

Таня. (До сихъ поръ чистила шубку.) А что, Аркадій Кузмичъ будетъ нынче вызваніе?

Аркадій Кузмичъ. Будетъ, послали Семена за Капчичемъ. Если свободны, то будетъ.

Таня. А какъ вы понимаете?

Григорій. Одни пустяки, отъ нечего дѣлать.

Аркадій Кузмичъ. Много вы понимаете... (Читаетъ газету.)

(Входит Николай буфетчикъ, торопясь.)

[Николай.] У васъ, Григорій Михайлычъ, ложечка? Опять недочтусь.
(Танѣ.) Да стаканы принесите, пожалуйста.

Григорій Михайлычъ. То то суета. Только и заботы.

Николай. Вамъ хорошо. А мнѣ вотъ гдѣ.

Григорій Михайлычъ. Вотъ гдѣ. (Передразниваетъ.) Пойти покурить.
(Уходитъ.)

Николай. То-то обидчикъ, да Богъ съ нимъ. Что, Татьяна Ивановна, барыня не говорила ничего?

Таня. Ничего.

Николай. Помилуй Богъ, откажутъ. Вѣдь у меня семейство. Я на труды не смотрю, только для семейства. Такъ ли? (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и швейцаръ (входитъ).

[Швейцаръ.] Доложите барину, мужикъ какой-то изъ деревни. Говорить, баринъ велѣлъ.

Таня. Какой мужикъ? Деменскій?

Швейцаръ. Изъ Курской деревни.

Таня. Они. Это Семена отецъ, объ земли. (Таня выходитъ на крыльцо.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Швейцаръ, Григорій и потомъ камердинеръ.

Григорій. Ишь, вострая какая.

(Звонятъ, выходитъ камердинеръ.)

[Швейцаръ.] Доложите барину, мужики Деменские изъ Курской деревни.

Камердинеръ. Знаю, онъ велѣлъ подождать. Гость у него.

Швейцаръ. Натопчатъ они!

Камердинеръ. Ну, ужъ подотрешь.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Григорій, швейцарь, Таня и за ней три мужика.

Таня (провожаетъ ихъ). Сюда, сюда, дяденька.

(Мужики несутъ гостинцы, куличъ и яйца, ищутъ, на что креститься. Крестятся на лѣстницу; кланяются камердинеру и становятся твердо.)

Григорій. Что, скоро они, что-ль?

Таня. Нѣтъ, еще затягивать меня позовутъ.

Григорій. Пойти покурить. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же, безъ Григорія.

Таня. Вы здѣсь подождите. Онъ сейчасъ выйдетъ.

2-й Мужикъ. Не подъ дождемъ, постоимъ да подождемъ.

Таня. А вы изъ Деменки?

1-й Мужикъ. Самая наша деревня. Оттелева обыватели, примѣрно. А вы, значить?

Таня. Значить, изъ Семеновой деревни?

1-й Мужикъ. Семкѣ земляки, госпожа. Примѣрно, вотъ это отецъ его.

Таня. О! Такъ вы ему родитель?

2-й Мужикъ. Извѣстно, родитель, когда сынъ мнѣ. А ты чья же будешь?

Таня. Да и я отъ васъ. Я Аксины солдатки – сирота.

2-й Мужикъ. Ну? Ты, значить, сама Танька будешь?

Таня. Я и есть. Чтожъ, не узнали?

1-й Мужикъ. Вотъ, значить, въ холѣ то что значить. Примѣрно, полубарыня. Какъ есть. Не то что грубость деревенская.

2-й Мужикъ. Тебя, значить, и хочеть Семень замужъ взять?

Таня. Я самая. (Закрывается фартукомъ.)

2-й Мужикъ. Такъ. (Вздыхаетъ, качая головой.) Набаловался, видно, малый-то.

Таня. Онъ ничего не избаловался. Послать его вамъ?

2-й Мужикъ. Успѣемъ.

(Проходить лакей, мужики встаютъ.)

1-й Мужикъ. Позвольте, почтенный, примѣрно, это кто жъ будетъ?

Таня. Это лакей.

1-й Мужикъ. Такъ. Это правильно. А вотъ если, примѣрно, насчетъ дѣловъ. Можетъ ли кто [1 неразобр.] какъ значить дѣло наше? Може тоже слышала?

Таня. Слышала, дяденька. Землю купить хотите? Едва ли выйдетъ ваше дѣло.

2-й Мужикъ. А что такъ?

Таня. Да духи ему запрещаютъ.

1-й Мужикъ. Это, значить, насчетъ умственности? Понялъ.

2-й Мужикъ. Къ чему жъ это?

3-й Мужикъ. О, Господи! Какъ бы чего худаго...

Таня. Онъ, значить, обо всѣхъ дѣлахъ у духовъ спрашивается. Нетѣлесные духи такіе съ нимъ разговариваютъ. Какъ скажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ.

3-й Мужикъ. Оо! ишь ты, о Господи!

1-й Мужикъ. Всего, значить, наука доводить. Потому привилегія.

2-й Мужикъ. Врешь.

Таня. Истинно говорю. Только они ему все больше то самое и велятъ, чего ему хочется. А ему землю барыня не велитъ продавать. А онъ ее пуще духовъ боится.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, и Григорій входитъ въ ливреѣ. Мужики встаютъ.

Таня. Вотъ не вѣрятъ, что баринъ у духовъ обо всѣхъ дѣлахъ спрашиваетъ.

1-й Мужикъ. Потому по необразованности нашей спервоначала.

Григорій (усмѣхаясь). Имъ, извѣстно, удивительно. Да ты и сама, я думаю, не понимаешь настоящаго.

Таня. Только вы одни и поняли. Знаю, спиритизмъ. Нынче всѣ господа этимъ занимаются.

3-й Мужикъ. Охъ, Господи! Да какъ же такъ можно?

Григорій. А такъ и можно.

Таня. Возьмутъ блюдечко, да по бумажкѣ и водятъ, а оно стучить да обозначаетъ по буквамъ.

1-й Мужикъ. Въ дѣйствиѣ, значить, производить.

Григорій. Толкуй имъ. Поймутъ они.

2-й Мужикъ. Дѣло господское, только отдашь бы землю, а то какъ собака на снѣгъ.

(Молчаніе.)

1-й Мужикъ. Ученье до всего доводитъ, а мы что знаемъ.

2-й Мужикъ. Глупость это одна.

3-й Мужикъ. Чтожъ, братцы, мѣшки то на фатерѣ оставили, какъ бы не того...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, и входитъ Леонидъ Ѳедоровичъ и Самаринъ. Таня прячется за дверь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я вѣдь знаю, что вы не вѣрите.

Самаринъ. Нѣтъ, гипнотизмъ – это дѣло науки, и магнетическое вліяніе я могу допустить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это что же, самое обыкновенное. Нынче у жены будете?

Самаринъ. Да, я буду. Но спиритическимъ явленіямъ не могу вѣрить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это и не можетъ быть иначе. Тотъ, кто не изслѣдовалъ, не можетъ вѣрить. Но фактамъ мы не можемъ не вѣрить. Мы ихъ изслѣдоваемъ.

Самаринъ. Да я не отказываюсь. Покажите факты.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну вотъ приѣзжайте завтра. (Къ Григорію.) Пошешь Семень къ Капчичу?

Григорій. Пошешь-съ.

Самаринъ. Чтожь, будетъ Капчичъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да если и не будетъ, то это можно всегда и безъ него. Медиумовъ бездна, мы только ихъ не знаемъ. Я имѣю привычку маленькую и ужъ по общему виду знаю. На дняхъ, напримѣръ, мы позвали буфетнаго мужика во время сеанса передвинуть фортепіано. Онъ, не особенно сильный человѣкъ, взялъ и одинъ почти перенесъ фортепіано и самъ удивился.

Таня (изъ за дверей). Она, а я и не думала.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А удивительнаго ничего. Онъ медиумъ. Потомъ былъ другой случай. Одна больная старушка отодвинула рукой стѣну...

Самаринъ. Ну, увижу самъ, тогда повѣрю. А ce soir.[51] Это кто же?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Здравствуйте, братцы. Здравствуйте. (Къ Самарину.) Это изъ Курской деревни, просятъ продать имъ землю.

Самаринъ. Ну чтожь вы?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Je ne peux pas me décider seul sur un sujet aussi important.[52]

Самаринъ. Vous demanderez aux esprits?[53]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Sans doute. Je demanderai conseil à ma mère.[54]

Самаринъ. А безъ этаго нельзя?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нельзя.

Самаринъ (смѣется). Удивительно. Et madame se porte bien?[55]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Т. е. какъ entre nous soit dit, elle se porte bien, mais les microbes, ça fait nos malheurs.[56]

Самаринъ. А что?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да какже! Вѣрить и боится заразы. C'est une calamité.[57] Ну, что дѣлать. Такъ до вечера.

Самаринъ. Да, да.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тъ же, безъ Самарина. Мужики кланяются, подають гостинцы.

Мужикъ.] Примите, сдѣлай милость.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ вы что же, о чемъ?

1-й Мужикъ. До твоей милости.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что? Это не нужно.

1-й Мужикъ. Какъ можно. Ну хоть барынѣ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну вы барынѣ и отдайте.

1-й Мужикъ. Какъ были вы намъ замѣсто отца роднаго, и наши отцы вамъ и отцамъ служили, такъ вамъ по гробъ жизни...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что?

1-й Мужикъ. Изъ нарочнаго къ тебѣ.

2-й Мужикъ. Нельзя намъ жить. Совсѣмъ помирать приходится. Потому земля малая. На квасъ. А скотину выпустить некуда. Курица – и та на вашу перескочить, и все грѣхъ. Развяжи ты насъ.

3-й Мужикъ. Это точно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ чтоже вы хотите?

1-й Мужикъ. Какъ приказывали мы, что, значить, какъ бы разойтись получше. Намъ изъ банка деньги выдадутъ, а приплата, которая на вексель, значить, повремени.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я не могу.

1-й Мужикъ. Значить, какъ кормильцы наши, ужъ помилосердствуйте. Развязку сдѣлать.

3-й Мужикъ. Ужъ это какъ есть.

1-й Мужикъ. Цѣна извѣстная. Какъ ты приказываль, по 50 рублей за десятину, и всей суммы 32 тысячи 864 рубля. Только, значить, повремени, а ужъ мы, значить, себя заложимъ и того не сдѣлаемъ, чтобъ...

3-й Мужикъ. Ублаготвори, отецъ.

2-й Мужикъ. Какже, обнадежилъ, а теперь опять.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я понимаю. Я, правда, хотѣлъ, да тутъ вышло

обстоятельство. Мнѣ не очень желательно.

3-й Мужикъ. Отець!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я подумаю.

2-й Мужикъ. Да ты насъ не держи. Одно что. А то чтожь...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы подождите. Я вамъ черезъ полъ часа отвѣтъ дамъ. Григорій, скажи, чтобъ никого не приниматьъ.

Григорій. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, и Василій Леонидычъ выходятъ съ Петровымъ.

Василій Леонидычъ. Такъ я постараюсь.

Петровъ. Тутъ нельзя говорить постараюсь, когда это нужно. Вѣдь я даль не свои деньги, и ты знаешь, что отъ этаго будетъ.

Василій Леонидычъ. Ахъ, это положеніе подлое. Ну, сдѣлаю что могу.

Петровъ. Пойми, онъ подастъ ко взысканію, я не могу ужъ скрывать, и тогда все откроется. Жду, стало быть, тебя завтра.

Василій Леонидычъ. Да ты подожди, я сейчасъ пойду къ папа.

Петровъ. Ну, хорошо. (Уходитъ.)

[ЯВЛЕНИЕ 12-е.]

[Тѣ же безъ Петрова].

[Василій Леонидычъ.] Григорій, всталь папа?

Григорій. Встали, да не велѣли пускать никого. Они объ этомъ дѣлѣ.

Василій Леонидычъ. Это что, зачѣмъ?

Григорій. Да мужики из Деменки землю покупаютъ какую-то.

Василій Леонидычъ. А? (Къ мужикамъ.) Покупаете землю?

1-й Мужикъ. Такъ точно, значить.

Василій Леонидычъ. Отлично. (Въ дверь.) Можно войти?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я просиль не тревожить меня. Что тебѣ?

Василій Леонидычъ. Да все одно. Это невозможно. Вы меня ставите въ такое положеніе, что я не знаю. Вѣдь этакъ не[льзя!]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что тебѣ?

Василій Леонидычъ. Вы знаете очень хорошо что.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, не знаю.

Василій Леонидычъ. Ну, такъ опять скажу: мнѣ необходимо, понимаете, необходимо по крайней мѣрѣ 300 р. Des dettes d'honneur. [58]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ты получилъ свое.

Василій Леонидычъ. Получилъ, но...

Леонидъ Ѳедоровичъ. У меня нѣтъ. Поди къ матери, а у меня нѣтъ.

Василій Леонидычъ. Вѣдь это можно, когда бы наша жизнь велась такая, а то каждый на меня смотреть.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я сказалъ, что не могу.

Василій Леонидычъ. Боже мой. Когда это освободишься отъ этаго ига страшнаго. Пойду къ мама, одно спасенье, [а] то сумашеств[уеть] съ спиритизмомъ и всѣхъ забылъ. (Идетъ на верхъ.)

1-й Мужикъ. (Къ Григорію.) Это кто же будетъ?

Таня. Это молодой баринъ.

1-й Мужикъ. Чтожь онъ на службѣ, чтоль?

Таня. Служба? Его служба шалберничать.

1-й Мужикъ. Да какъ же, сказывали все учителя учили. Учителя учили, а въ дѣло не годился.

Таня. Только одно: на одномъ колесѣ ѣздить да деньги мотать.

2-й Мужикъ. Видно, во всякомъ чину есть по плохому сыну.

Явленіе 13.

Тѣ же. Входитъ старшая горничная.

Старшая горничная. Таня, гдѣ ты? Иди затягивать.

Таня. Вонъ вы боитесь, что я не сработаю. Вы бы посмотрѣли, какъ я барыню затягиваю. Видала я, какъ запрягаютъ, тоже затягиваютъ что-

то. Еще въ руки плюють да упираются ногой то.

2-й Мужикъ. Это засупониваютъ то?

Таня. Это самое. Такъ посмотрѣли бы, какъ я такъ барыню затягиваю.

2-й Мужикъ. Куда жъ ты ее такъ затягиваешь?

Таня. А шнурками. Тоже руки всѣ обожжешь. А упереться ногой въ нее тоже нельзя. (Смѣется.)

2-й Мужикъ. Да какъ же затягиваешь?

Таня. Да такъ на костяхъ и сдѣлано, какъ куртка по сихъ поръ. И на шнуры ну и стягиваешь.

1-й Мужикъ. Пузо, значить, стягиваешь для формы.

Таня. Именно. Такъ стянешь, что глава у ней вонь лѣзутъ. А она говорить: еще.

2-й Мужикъ. Чтожъ она это обрелась, что ли?

Таня. Да для красоты.

Старшая горничная. Иди, Таня, что же ты?

Таня. Сейчасъ. (Бѣжить.)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

3 мужика, Григорій, входитъ Бетси.

Бетси (выходитъ одѣтая въ шляпкѣ съ рinсе-pez). Что, мама нѣтъ? Вѣчно ждешь, ждешь. Васюкъ! А это что?

(Мужики кланяются.)

Григорій. Изъ деревни, къ папашѣ.

Бетси. А!

[ЯВЛЕНІЕ 15-е.]

Выходитъ Петровъ.

[Петровъ.] Въсто Василія Леонидыча я не гожусь ли вамъ?

Бетси. Не совсѣмъ, но можно. Здравствуйте. (Трясетъ руку.)

1-й Мужикъ. (Въ сторону.) Какъ воду накачиваетъ.

[Бетси.] [59] Вы зачѣмъ такъ рано?

Петровъ. Все наши дѣла.

Бетси. Знаю ваши дѣла. Вчера у цыганъ были...

Петровъ. Грѣшны.

Бетси. Вотъ счастливички. Я бы всю жизнь проводила у нихъ. А мы должны журфиксы соблюдать. Надоѣло.

Петровъ. Да бросьте вы эти журфиксы.

Бетси. Нельзя, служба. Поѣдете нынче къ Капнистамъ? Они велѣли. Нужно сатану, роль.

Петровъ. Скука! Все одно и то же.

Бетси. Вотъ правда. Такая скука, что не знаешь куда дѣтъ[ся]. Нынче угадыванье мыслей. Приходите.

Петровъ. Не угадаютъ они моихъ мыслей.

Бетси. Отчего?

Петровъ. Да отъ того, что нѣтъ никакихъ.

(Смѣются.)

Бетси. Такъ это, я вижу, Вася у мама денегъ выпрашивать пошелъ.

Петровъ. Кажется.

Бетси. Ну, это не скоро. Пойдемъ, покажите мнѣ новую пѣсню.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 16.

Григорій и 3 мужика.

1-й Мужикъ. Чтожъ это? Барышня?

Григорій. Она.

2-й Мужикъ. Не выдаютъ все?

Григорій. Развѣ какъ у васъ, 15-ти лѣтъ?

1-й Мужикъ. Это глупость, значить, наша.

(Слышно пѣнье цыганскихъ пѣсень съ гитарой изъ комнаты.)

ЯВЛЕНІЕ 17.

Григорій, мужики, барыня, Василій Леонидычъ и докторъ, потомъ Бетси и Петровъ. Мужики встають и подають гостинцы. Барыня отстраняется.

Барыня (затянутая, въ шляпкѣ). Не надо, не надо, Григорій, не бери.

Докторъ. Притомъ, такъ какъ прямого указанія нѣтъ, то повторная инъекція не можетъ повредить.

Барыня. Благодарствуйте, милый Петръ Захарычъ, безъ васъ я не знаю, гдѣ бы я была, должно быть, на томъ свѣтѣ. Завтра будете?

Докторъ. О, да!

[Барыня]. Ну какъ тутъ быть здоровой? Все наперекоръ, все наперекоръ. И какъ пустить съ улицы людей? Я не знаю, что они принесли: скарлатину, оспу, всѣ микробы?

Василій Леонидычъ. Я ихъ окурю, мама.

Барыня. Ничего смѣшнаго нетъ. (Къ доктору.) Вотъ и блюдите семью. Ну что тутъ дѣлать? Микробовъ, я думаю, занесли. Надо дезинфекцію.

Докторъ. Разумѣется, вѣрнѣе, но все таки опасности большой нѣтъ.

[Барыня]. Бетси, гдѣ она? Вѣчно ее ждать. (Бетси выходитъ.) Вѣчно тебя ждешь, ждешь.

Бетси. Я васъ жду.

(Петровъ кланяется головой и цѣлуетъ руку.)

1-й Мужикъ. Вотъ такъ то.

Барыня. Всегда отвѣчать.

Бетси. Если вы не въ духѣ, такъ я и не поѣду.

Василій Леонидычъ. Матерь моя, Юнона гнѣвная! Ничего, мамаша, поѣзжайте.

Барыня. Ну, надѣвай-же.

(Садятся, лакей надѣваетъ ботинки. Василій Леонидычъ начинаетъ

визжать поросенкомъ, собакой, смѣется.)

Барыня. Qu'est ce qu'il penseront?[60]

Василій Леонидычъ. Земледѣльцы узнають свои звуки.

1-й Мужикъ. Это точно, сходство есть.

Барыня. (Григорію.) Чтобы мужиковъ этихъ не было тутъ. Баринъ какъ хочеть, а я у себя въ передней не велю.

(Лакей отворяетъ двери, уходятъ.)

Василій Леонидычъ. Добыль, ѣдемъ.

(Уходятъ съ Петровымъ.)

ЯВЛЕНІЕ 18.

3 мужика, Таня, Григорій вбѣгаютъ.

Григорій. Таня, Таня, забыла барыня портъ-картъ на туалетѣ.

(Таня бѣжитъ на лѣстницу.)

3-й Мужикъ (вздыхаетъ). О, Господи! И говорилъ я на фатерѣ подождать.

(Таня сбѣгаетъ съ портъ-картъ, подаетъ Григорію. Григорій уходитъ.)

1-й Мужикъ. Поглядишь, много тутъ ума полож[ено].

2-й Мужикъ. Глупость одна.

3-й Мужикъ. Я говорилъ, пойдете.

Таня. Подождите, ничего, онъ скоро выйдетъ. Она уѣхала. Теперь за одно ужъ.

1-й Мужикъ. Это что жъ въ стеклахъ то, кто же?

Таня. А это докторъ. Лечить ее все.

1-й Мужикъ. Вотъ, значить, хорошъ, какую выхолилъ.

2-й Мужикъ. Здорова.

1-й Мужикъ. Чтожъ на счетъ то сказывала, что мы мокроту принесли. Мы гостинцы точно что принесли.

Таня. Это микробы, такіе махонькіе, махонькіе, что не видать.

2-й Мужикъ. А не видать, такъ чегожь она боится?

3-й Мужикъ. Право, на фатеру бы, тамъ бы пождали.

ЯВЛЕНИЕ 19.

Тѣ же и Семень входятъ съ запиской, видить отца, кланяется.

Семень. Здравствуй, батюшка. Дядѣ Митрію, дядѣ Ивану почтеніе. Дома здоровы-ли?

Таня. Ну что? Будеть Капчичь-то?

Семень. Нѣту. На словахъ велѣль сказать. Нельзя нынче.

Таня. Вотъ и хорошо.

Семень. Чего хорошо?

Таня. А вотъ погоди, увидишь.

Семень. Ну что, родитель не говорилъ?

Таня. Не нравится ему, вижу. Ты, Семень, не робѣй. Я одну штуку придумала, ты только дѣлай.

Семень. Я-то? Да я все сдѣлаю. Чтожь, развѣ я худое что?

(Кличеть камердинера.) Ѳедоръ Иванычъ!

ЯВЛЕНИЕ 20.

Камердинеръ. Ну что?

Семень. Приказали кланяться, не могутъ быть никакъ.

Камердинеръ. Погодите, сейчасъ выйдеть, будетъ рѣшенье. Кончается.

Таня. А вы почемъ узнаете, Ѳедоръ Иванычъ?

Камердинеръ. А когда онъ записаль сообщеніе духовъ, тогда онъ вслухъ перечитываетъ.

Таня. А вы неужели вѣрите, Ѳедоръ Иванычъ?

Камердинеръ. Вѣрить не вѣрю, а это дѣло можетъ быть изслѣдовано научно. Есть много, другъ Горацій...

Таня. Это точно. Такъ спрашиваетъ ужь? (Мужикамъ.) Это онъ спрашиваетъ про ваше дѣло.

1-й Мужикъ. Гдѣ бы про это узнать нашему брату? Спрашиваетъ? У кого же?

Таня. Да у духовъ все.

1-й Мужикъ. Значить, себѣ размѣтку дѣлаешь?

Таня. Да нѣтъ. Говорю, спрашиваетъ.

2-й Мужикъ. Да какъ же?

Таня. Да вотъ возьметъ блюдечко да вертитъ, а оно пишетъ.

1-й Мужикъ. Дошли, значить, до дѣла.

Камердинеръ. Спиритизмъ это.

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣ же и Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ (выходить). Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желалъ, но мнѣ никакъ нельзя. Не могу исполнить вашего желанія.

1-й Мужикъ. Да ужь помилосердствуй.

2-й Мужикъ. Арестъ вѣдь намъ, и жить нельзя.

3-й Мужикъ. Это какъ міръ намъ приказывалъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу никакъ. Если на деньги, тогда другое дѣло.

1-й Мужикъ. Не усилимъ. Мы бы вѣдь всей душой...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу, не могу никакъ. Вотъ и бумага ваша. Не могу подписать.

2-й Мужикъ. Чтожь намъ ее брать?

1-й Мужикъ. Смилуйтесь, отецъ родной. Только подписать, значить.

(Въ ноги кланяются.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да полноте, что вы?

1-й Мужикъ. Не давай ты намъ бумаги. Потому все въ надеждѣ будемъ. Може, какъ вы и обдумаете получше какъ.

3-й Мужикъ. Пожалѣй ты насъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не знаю, право не знаю, можно ли.

2-й Мужикъ. На попятную, значить, не бери, бумагу оставь.

1-й Мужикъ. Оставь, Леонидъ Ѳедорычъ. Ваше высокородіе, будь за мѣсто отца, матери, только подумай еще.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу, и обнадеживать не стоить.

(Отдаетъ бумагу, уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 22.

Таня, 3 мужика и камердинеръ.

2-й Мужикъ. Чтожь это, зарѣжетъ онъ насъ.

1-й Мужикъ. Просить надо. Стараться какъ можно.

Камердинеръ. Жалко мнѣ васъ, а, братцы, не выйдетъ ваше дѣло. Не продасть онъ теперь.

2-й Мужикъ. Какже быть то?

3-й Мужикъ. Что, на фатеру, значить?

1-й Мужикъ. (Камердинеру.) Да ужъ будь отецъ, постарайся, а мы, значить, не постоимъ въ благодарности. Миръ не постоитъ. А мы....

Камердинеръ. Не могу, друзья. Я вѣдь очень понимаю, что вамъ нужда, и я жизнь вашу понимаю. Вѣдь я самъ изъ крестьянъ. Кабы можно было, самъ бы въ деревню уѣхаль. И потому жалко мнѣ васъ, а помочь не знаю какъ. Пойду, пожалуй, попрошу. Дайте бумагу. (Беретъ бумагу и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 23.

3 мужика (вздыхаютъ) и Таня.

Таня. Вы, дяденьки, не отчаивайтесь. Я придумала одну штуку, вы погодите.

1-й Мужикъ. Значить, оборудуешь?

2-й Мужикъ. Ну гдѣ жъ ей!

Таня. А вот погодите. Только уж если сдѣлаю, вы меня не обижайте. Чтожъ, дяденька, вы про Семена сказывали... (Закрывается.) А я сдѣлаю.

1-й Мужикъ. Да только сдѣлай такъ, и замужь отдадимъ и міромъ кормить всю жизнь обвяжемся.

Таня. Не обманете?

ЯВЛЕНІЕ 24.

Тѣ же и камердинеръ.

Камердинеръ. Ходиль, просиль, нѣтъ, не согласень. Берите бумагу да идите.

Таня. Дайте бумагу, а сами не уходите совсѣмъ, подождите тутъ. Я сейчасъ выбѣгу, скажу что.

(Мужики уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 25.

Таня и камердинеръ.

Таня (камердинеру). Доложите, Ѳеодоръ Ивановъ, барину. Мнѣ ему словечко сказать надо.

Камердинеръ. Это что еще?

Таня. Да по случаю спиритизма.

Камердинеръ. Да чтожъ?

Таня. Нужно, вы скажите.

Камердинеръ. Ты что знаешь?

Таня. Стало быть, знаю, я прошлый разъ при Капчичѣ всю сеансу видѣла, подъ диваномъ просидѣла.

Камердинеръ. Егоза ты, посмотрю на тебя. Ты скажи, что?

Таня. Послѣ скажу. Худаго ничего. Ужъ вы, Ѳеодоръ Ивановъ, скажите. Вы не обидчикъ, какъ Григорій Михайлычъ. Я васъ какъ благодарю всегда. Вы на умъ наставите. Скажите, пожалуйста, худаго ничего. Ей Богу. А вы бумагу только возьмите да положите барину на столъ, я сдѣлаю, что подпишетъ.

Камердинеръ. Что придумала, ну посмотримъ, пожалуй.

(Уходить.)

ЯВЛЕНИЕ 26.

Таня одна.

Таня. Право, сдѣлаю. Чего жъ не сдѣлать? Онъ не пойметъ. Только бы Сема слушался. Да онъ у меня молодець. Онъ простой, а ужъ за что возьметса, по сторонамъ не глядитъ. Я его налажу. Онъ какъ сдѣлаеть, то чудо. (Смѣется.) Ну а не выйдетъ дѣло – ну не бѣда. Развѣ грѣхъ какой!

ЯВЛЕНИЕ 27.

Таня и Леонидъ Федоровичъ и камердинеръ.

Леонидъ Федоровичъ (выходить, улыбаясь). Вотъ просительница–то! Что это у тебя за дѣла?

Таня. Да ужъ есть дѣльце. Только позвольте вамъ одинъ на одинъ сказать.

Леонидъ Федоровичъ. Что такъ? (Камердинеру.) Выдь на минутку.

(Камердинеръ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 28.

Таня и Леонидъ Федоровичъ.

Таня. Какъ я жила, выросла въ вашемъ домѣ, Леонидъ Федорычъ, и какъ благодарна вамъ за все, я какъ отцу родному откроюсь. Живеть у васъ Семень и хочеть онъ на мнѣ жениться... (Стыдится.)

Леонидъ Федоровичъ. Вотъ какъ!

Таня. Чтожъ мнѣ скрываться? Одно что какъ вы всегда милостивы были ко мнѣ... И вы ученье знаете. А я сирота, не осмѣливаюсь. Выходить ли мнѣ?

Леонидъ Федоровичъ. Чтожъ, отчего же? Онъ, кажется, малый хорошій.

Таня. Это точно, оно все бы ничего. Только одно я сомнѣваюсь. И спросить хотѣла васъ. Что есть за нимъ одно дѣло, а я понять не могу, какъ бы не худое что.

Леонидъ Федоровичъ. Чтожъ, онъ пьетъ?

Таня. Нѣтъ, помилуй Богъ! А какъ я знаю, что спиритизмъ есть....

Леонидъ Ѳедоровичъ. Знаешь?..

Таня. Какъ же, я сама видѣла.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вѣрно вы думаете, что это глупости такъ господа дѣлаютъ.

Таня. Какъ можно! Другіе точно по глупости и необразованію, а я вѣдь тоже могу понимать...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну такъ чтожь?

Таня. Да вотъ опасаюсь насчетъ Семена. Съ нимъ бываетъ это.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что бываетъ?

Таня. Всякія странности бываютъ. Это у людей спросите. Дня не бываетъ. Сядетъ онъ за столъ обѣдать, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ. Всѣ, а не я, видѣли. А другой разъ ничего.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Медиумъ, медиумъ! А они удивляются.

Таня. А то, когда это было? Да, въ субботу. Съли обѣдать за кашу. Такъ онъ только протянулъ руку, а ложка сама къ нему въ руку.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, да, очевидно. А! это интересно.

Таня. А я вотъ опасаюсь. Это самое и спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этаго вреда? Тоже вѣкъ жить, а въ немъ такое дѣло.

Леонидъ Ѳедоровичъ (улыбаясь). Нѣтъ, не бойся, тутъ худаго нѣтъ. Это независимо отъ его желанія. Это медиумъ, значить.

Таня. Медиумъ? Вотъ что! А я и боялась...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, не бойся, ничего. А вотъ что. Нынче же я испытаю его. Ты ничего ему не говори. А только, чтобъ онъ дома былъ.

Таня. Слушаюсь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, Таня, ты не бойся. Онъ и хорошій мужъ будетъ, и все. А это особенная сила, она во всѣхъ есть. Только въ однихъ слабѣе, въ другихъ сильнѣе.

Таня. Покорно васъ благодарю. Я теперь и думать не буду. А я боялась. Что значить неученье то наше!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся. Ѳедоръ!

ЯВЛЕНИЕ 29.

Таня, Леонидъ Ѳеодоровичъ и камердинеръ (входить).

Леонидъ Ѳеодоровичъ. Ѳеодоръ! Я пойду со двора. Къ вечеру приготовить все для сеанса.

Камердинеръ. Да вѣдь Капчичъ не изволить быть.

Леонидъ Ѳеодоровичъ. Ничего. Все равно. (Надѣваетъ шинель.)

Таня. А мужики просились гдѣ бы переночевать имъ. Прикажете ли въ людской?

Леонидъ Ѳеодоровичъ. Чтожъ, пускай. (Уходитъ. Камердинеръ за нимъ.)

ЯВЛЕНИЕ 30.

Таня одна.

[Таня]. Только бы не сробѣлъ онъ. Да нѣтъ, онъ не таковский, и старичковъ оборудую. Пойти ихъ въ людскую свести. (Выбѣгаетъ.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Мужики, раздѣвшись и запотѣвъ, сидятъ на кухнѣ, пьютъ чай. Кухарка съ засученными рукавами, облокотившись на столъ, говоритъ съ ними.

ЯВЛЕНИЕ 1.

1, 2, 3 Мужики, кухарка. Камердинеръ сидитъ с сигарой.

[Камердинеръ.] Это какой молодой на это льстится. А я развѣ не понимаю? Я ужъ давно пригадываю землицы купить да домикъ построить.

На поляхъ противъ этого места записано: Таня поить чаемъ, всѣ размякли. Поэтическій разговоръ о будущности. Камердинеръ говоритъ о своей преданности.

1-й Мужикъ. Приѣзжайте. Мы вамъ, значить, всякое удовольствіе

исдѣлаемъ. Только наше дѣло ужъ какъ нибудь.

Камердинеръ. Да едва ли. Таня васъ обнадежила, да не знаю какъ.

2-й Мужикъ. Ну а какъ она дѣвка? [нѣтъ] худаго за ней?[61]

Камердинеръ. Дѣвушка хорошая, и какъ я слышу, Семень, сынъ твой, ее сватаетъ, то мой совѣтъ – возьми. Дѣвушка смиренная, честная, работающая. На это не смотри, что она щеголиха. Это по городски, нельзя безъ того. Я совѣтую.

2-й Мужикъ. Спасибо на добромъ словѣ. Ну а чтожь, объ дѣлѣ она хлопотать хотѣла?

Камердинеръ (улыбается). Ужъ не знаю, что то чудно затѣяла. Такъ, такъ-то, братцы, куплю землицы, построюсь, вы меня примите.

1-й Мужикъ. Питейное заведеніе откроете, жить будете.

Камердинеръ. Тамъ видно будетъ. Охота у меня. А только хочется на старости лѣтъ покойно пожить. А здѣсь вѣдь только кажется, а тошно станеть.

(Кухарка входитъ.)

[Кухарка]. Ѳедоръ Иванычъ, баринъ зовутъ.

(Камердинеръ уходитъ.)

2-й Мужикъ. Да, подумаешь, жизнь какая!

Кухарка. Бѣлая булка воскресенье, посты съ рыбкой, а кто хочеть, и скоромное ѣшь.

2-й Мужикъ. Развѣ ѣдятъ кто?

Кухарка. Ѳедоръ Иванычъ всегда скоромное.

1-й Мужикъ. Дошли, значить, по книжкамъ.

2-й Мужикъ. Извѣстно, про господъ.

Семень (входитъ). Чай да сахаръ.

1-й Мужикъ. Милости просимъ, садись.

Семень. Убрался и перечистилъ.

2-й Мужикъ. Ну чтожь Семка? Какъ живешь? Житье у васъ барское, посмотрю.

Семень. Барское, то барское. Да скучно.

Кухарка. И правда, скучно. Поглядишь на ихъ житье. А что дѣлають и зачѣмъ, ничего толку нѣтъ. Такъ, маячатся, сами не знаютъ зачѣмъ. (Къ Семену.) Теперъ чтожь, пошла у нихъ игра?

Семень. Какже, начали глаза завязывать, и тотъ самый фокусникъ прѣхаль.

3-й Мужикъ. Посмотришь – житье. Все гулянье. Бѣлый хлѣбъ сплошь, я чай.

1-й Мужикъ. Это что! А то балы. Были у васъ?

Кухарка. Куда тебѣ. Посмотрѣль бы, что было. Меня Федоръ Иваннычъ провель. Посмотрѣла я, страсть! Наѣхало кареть, полонъ дворъ. Барыня, карета, лакей, карета, лакей. А барыни всѣ оголились по сихъ поръ, страмъ!

1-й Мужикъ. Значить, клеймать такъ.

2-й Мужикъ. Тѣфу, скверность!

3-й Мужикъ. О, Господи!

Кухарка. Такъ–то и я, дяденька, какъ гляну, чтожь это всѣ телешатся. Вѣришь ли, старая наша барыня, мотри старушка вовсе, внуки, – глядь, тоже оголилась.

Семень. Ггг..

1-й Мужикъ. Ты чего ржешь?

Семень. Да смѣшно больно.

Кухарка. Такъ вѣдь что, какъ вдарить музыка, какъ взыграеть, сейчасъ это господа подходятъ каждый къ своей, сейчасъ облапить и пойдутъ кружить.

2-й Мужикъ. И старухи?

Кухарка. И старухи.

Семень. Нѣ, старухи сидять.

Кухарка. Толкуй, я сама видѣла.

Семень. Да нѣтъ же.

Николай (вбѣгая съ рецептомъ). Сема, бѣги въ аптеку, живо, возьми.

Семень. Чего еще?

Николай. Извѣстно что, лекарства барынѣ. (Мужикамъ.) Чай да сахаръ.

1-й Мужикъ. Милости просимъ.

Николай. Некогда. Да ужъ налейте чашечку для компаніи.

1-й Мужикъ. Чтожь это, заболѣлъ кто?

Николай. Нѣтъ, это значить отъ заразы.

1-й Мужикъ. Какая же зараза?

Николай. А значить, такое теперь заведенье, что всякая болѣзнь отъ заразы. А вотъ видишь ли, пріѣхалъ баринъ изъ дому, а у нихъ племянница въ болѣзни, такъ вотъ его, значить, опрыскать, тогда ужъ.

1-й Мужикъ. Какъ же они узнають?

Кухарка. А у нихъ это расписывается, кто какой болѣзнью заболѣлъ. Значить, ужъ къ нему ѣзды нѣтъ.

Николай. Какже, лѣтось заболѣла у нашего барина сестры дочь. Богатые тоже господа, такъ такъ и померла, ни отецъ, ни мать не вошли, не простились. Плакала дѣвочка, говорить, мамашу, говорить, позовите. А та и изъ дома уѣхала.

2-й Мужикъ. Да вѣдь кому-нибудь ходить надо жь?

Николай. И ходили. Меня жь послали, я и ходилъ. Ну да извѣстно, наше дѣло такое.

1-й Мужикъ. И чтожь, не пристало же?

Николай. Ничего. Я и глаза закрылъ.

3-й Мужикъ. О Господи! Царица Небесная!

Кухарка. Все дохтура. Къ нашимъ каждый день ѣздить. Каждый разъ десятку.

2-й Мужикъ. Вре...

Николай. Это вѣрно. А то коли консил[іумъ], 25, а то есть одинъ, такъ тому[62] 3 сотенныхъ.

2-й Мужикъ. Ну!

Николай. Вѣрно!

2-й Мужикъ. Да я бь какую бы избу поставилъ.

Николай. Такъ знаете мою сторону то, Вознесенское?

2-й Мужикъ. Какже, отъ насъ версть 17, больше не будетъ, а бродомъ меньше. Ты чтожь, землю то держишь?

Николай. У брата, а я посылаю. Я самъ здѣсь, а все думаю – на старости лѣтъ пріють.

1-й Мужикъ. Извѣстно.

2-й Мужикъ. Анисимъ, значить, братъ, 3-я изба, какже.

Таня (бежить). Сема! Нѣту? Николай Ивановъ, зовуть.

Николай. Сейчасъ. Что тамъ?

Таня. Фифку рветъ, подтереть да подушку перемѣнить.

1-й Мужикъ. Это кто-же, дочка?

Таня. Какая дочка? Собака.

(Николай уходитъ.)

2-й Мужикъ. Такъ чегожь съ собакой дѣлать?

Таня. Съ собакой то? Да другой барынѣ такого житья нѣтъ. Каклету особенную дѣлають, чтобъ не жирная была.

2-й Мужикъ. Собакѣ то?

Таня. А то какже.

Кухарка. Я на нее, на собаку то, бѣлье стирала.

3-й Мужикъ. О, Господи!

Григорій (вбѣгаетъ). Кухарка, давай капусты кислой.

Кухарка. Это зачѣмъ? На погребъ надо.

Григорій. Барышнѣ тюрю.

Кухарка. Сладкое то надоѣло. (Достааетъ. Мужики крестятся.)

1-й Мужикъ. Хорошо то хорошо, а хлопотно, нечего сказать. Благодаримъ.

Григорій. Ну, что? поглядѣли Москву? Все видѣли?

1-й Мужикъ. Гдѣ жъ намъ видѣть?

Григорій. Ну, давай. (Уходитъ.)

Таня. Вы, дяденьки, ложитесь тутъ, а объ дѣлѣ не сумлевайтесь.
(Уходить.)

(Самаринъ и Петровъ входятъ.)

Петровъ. Да вотъ отлично. Мужикъ въ карманъ. Гдѣ у тебя карманъ?

3-й Мужикъ. Карманъ въ шубѣ.

Петровъ. Ну, гдѣ кошель?

3-й Мужикъ. Въ голенищѣ.

Петровъ. Отлично. Вотъ въ голенище ему давай. (Берутъ ключъ и кладутъ въ голенище). Пускай ищетъ. Mais il a des roux![63]

Петровъ. Ça ne fait rien, au moins ce sera drôle.[64] (Уходить.)

[1-й] Мужикъ. Чтожъ это? Чтожъ это?

3-й Мужикъ. Какъ бы чего не вышло.

2-й Мужикъ. Кто ихъ разбереть.

3-й Мужикъ. Я говорю на фатеру. Ну, по гривнѣ отдали бы. По крайности покойно. А тутъ, помилуй Богъ!

1-й Мужикъ. Есть чего сумлеваться. Ты долженъ понимать, какъ съ господами обхожденье. Имъ, пзвѣстно, по младости поиграть. Ну чтожъ, поиграй. А по крайности все таки узнаемъ, какъ что. А дѣвушка общаетъ.

2-й Мужикъ. Дѣвушка ничего, почтительная. Взять можно. Больно ужъ стрекоза. [?] Семкѣ съ ней не совладать. Ну, да сказаль ужъ, не попячусь. Чтожъ, умница, можно тутъ лечь?

Кухарка. Ложитесь. На печку одинъ, а то на лавкахъ.

3-й Мужикъ. Спаси Христось. (Молится Богу)

(2-й мужикъ стелеть, 1-й легъ и кряхтитъ.)

1-й Мужикъ. Свѣтъ то тушить будете?

Кухарка. Гдѣ тушить! У нихъ до утра гульба будетъ, все прибѣгать будутъ. Да вы ложитесь, я заверну.

2-й Мужикъ. Эхъ, малый, только бы Богъ далъ дѣло сдѣлать. Зажиль бы. Я нынче съ Рожества хлѣбъ покупаю, а то бы закатиль 4 десятины и Семку домой бы взять.

1-й Мужикъ. Извѣстно, безъ земли какъ мужику быть?

3-й Мужикъ. Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется, жить и будемъ, а то что.

(Тишина, вздохи, шаги, и идутъ съ завязанными глазами. Леонидъ Ѳедоровичъ держитъ руку Самарина. За ними барыня, Бетси, Петровъ, Василій Леонидычъ. Дама толстая въ очкахъ, Професоръ, двѣ дѣвицы и еще публика. Мужики вскакиваютъ.) [65]

Толстая барыня. Нѣтъ, я слѣжу точно. П. Ѳ., вы не ведете?

Самаринъ. Нѣтъ, я только отдаюсь.

Толстая барыня. Только не противьтесь.

(Ходятъ и ищатъ около 1-го, 2-го и подходятъ къ 3-му. Онъ испуганъ и глядитъ на сапогъ.)

Барыня (кухарке). Это что? Зачѣмъ мужики?

Кухарка. Баринъ приказали.

Барыня. Тебѣ кто сказалъ?

Кухарка. Ѳедоръ Иванычъ.

Барыня (къ Ѳедору Иванычу). Кто вамъ велѣлъ?

Ѳедоръ Ивановичъ (въ рinсе-pez). Баринъ сказали. Я полагаю, что затрудненій нѣтъ ночь имъ переночевать.

Барыня. Вы знаете, что баринъ въ хозяйственныя дѣла не входитъ. (Къ мужу.) Леонидъ! (Мужъ не слышитъ, занятъ отыскиваніемъ.)

Ѳедоръ Иванычъ. Я полагаю, что крестьяне по дѣлу. Дѣло еще не рѣшилось. Завтра будетъ.

Барыня. Вы полагаете, полагаете. Выгнать вонъ ихъ. Чтобъ не было. Я велю. А то прогоню всѣхъ. Слышите? (Подходитъ къ кучке.) Mais prenez garde. Ils peuvent être malades. [66]

Василій Леонидычъ (сзади). Malades – не знаю, а (затыкая носъ) Брокеръ нуженъ.

Петровъ. Позвольте покурить.

Б[етси]. Полноте мѣшать. У котораго?

Петровъ. У этаго, у этаго.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ, вотъ, я говорилъ.

Профессоръ (къ толстой барынѣ). Это вполнѣ точно. Остается измѣрить температуру и пульсъ, чтобы имѣть данныя. Впрочемъ, это уже такъ несомнѣнно. Воля одного передается другому. (Шпюлеръ нагибается къ сапогу и вытаскиваетъ ключъ. Общій крикъ восторга. Bravo.)

1-й Мужикъ. Мы, значить, не то чтобы какъ привилегію, а потому по необразованію, онъ и дома то въ судьи выбирал[ся].

Леонидъ Федоровичъ. Ты не безпокойся. Ну, оставимъ ихъ.

Толстая барыня. Да, это удивительно. (Къ Самарину.) Вы чувствовали истеченіе, т. е. магнетизмъ?

Самаринъ. Я ничего особеннаго не чувствовалъ, я только шель.

Профессоръ. Позвольте вашъ пульсъ.

Самаринъ. Послѣ.

[Профессоръ.] Нѣтъ, позвольте.

Леонидъ Федоровичъ. Пойдемте.

(Всѣ выходятъ въ дверь, разговаривая.)

Шпюлеръ (ломаннымъ языкомъ). Я не знаю, что и какъ, я только отдаюсь.

Толстая барыня. Но позвольте, это не сонъ же.

Шпюлеръ. Нѣтъ, не сонъ.

Профессоръ (держитъ за руку Самарина). Нѣтъ, не сонъ, но нѣкоторая асуписація, какъ мы называемъ скрытое гипнотическое состояніе.

Самаринъ. Гипнотическое, но не спиритическое.

Профессоръ. Предѣлы одного и другаго трудно найти.

Самаринъ. Позвольте, предѣлы очевидны.

Толстая барыня (вмѣшиваясь). Совсѣмъ не трудно, я сама лежала безъ чувствъ и говорила. Я такъ нервна.

Профессоръ (учтиво). Да съ. (Къ Самарину.) Намъ кажется очевиднымъ то, что подпадаетъ нашему физическому субъекту, но есть еще субъектъ духовный и субъектъ объективный.

Самаринъ. Позвольте, это надо доказать.

Профессоръ. Я и докажу.

Барыня (къ Шпюлеру и Самарину). Все это прекрасно, но мнѣ это совсѣмъ непріятно, люди съ улицы, Богъ знаетъ какія микрококи. Это все Леонидъ. Пожалуйста, вы пройдите къ Доктору, чтобъ онъ окуриль васъ.

Самаринъ. Очень хорошо. Какъ же вы докажете?

Толстая барыня. Такъ я вамъ объясню. Такъ какъ я нервна, и когда мой мужъ былъ боленъ...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, П. Ѳ, вы не такъ смотрите.

(Все говорятъ вдругъ и уходятъ.)

Барыня (останавливая за рукавъ мужа). Сколько разъ я васъ просила не распорядиться въ домѣ. Вы знаете свои глупости, а домъ на мнѣ. Вы заразите всѣхъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что? Кто? Я не понимаю.

Барыня. Какъ? Съ улицы люди больные, въ заразѣ. Я думаю, половина людей заразили ужъ. Квасъ, черный хлѣбъ. Хороши вы будете съ своими духами.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я...

Барыня. Когда слягутъ дѣти, я. Хорошо, что я тутъ, а то бы...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я не думалъ. Я думалъ...

Барыня. Вы думали. (Къ кухаркѣ и Ѳедору Иванычу.) Сейчасъ вонъ, чтобъ ихъ не было въ моей кухнѣ, а потомъ, Таня, возьми карб[олку], знаешь, на туалетѣ, и обрызгай все. Ступай. (Уходить.) Такъ вонъ, вонъ, чтобъ не было сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ...

Остаются 3 мужика, Таня, кухарка и Ѳедоръ Иванычъ.

Кухарка. Ну, дѣла!

Таня (покатывается со смеха). Ну, дѣла!

2-й Мужикъ. Чтожъ это? Право, порченые, чтоль какіе? Ничего не разберешь. Чего они?

1-й Мужикъ. Любопытно. Энтотъ, энтотъ нѣмецъ то, какъ на скамейку то спотыкнулся. Бры...

3-й Мужикъ. Говориль, братцы, на фатеру.

Федоръ Ивановичъ (къ Танѣ). Какже быть то?

Таня. Да какъ быть? Развѣ можно ихъ ночью гнать. Добро бы знамые люди. А то они и не найдуть. Въ дворницкую.

Федоръ Ивановичъ. А ну какъ узнаеть?

Таня. Ничего не узнаеть. Я ихъ окурю.

ЯВЛЕНІЕ...

Входитъ Семень.

Таня. Сема, сведи земляковъ въ дворницкую: скажи – баринъ велѣлъ. Тамъ и ночуйте. А на счетъ бумаги я ужъ знаю: либо сгонять меня, либо сдѣлаю вамъ дѣло.

1-й Мужикъ. Смѣла, погляжу.

2-й Мужикъ. Будеть ли толкъ то?

(3-й мужикъ собираеть сумки.)

Занавѣсь.

3-е ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Профессоръ и Леонидъ Федоровичъ въ маленькой гостиной, гдѣ всегда происходятъ опыты.

Профессоръ. Опытъ совсѣмъ успѣшный. Этотъ молодой мужикъ несомнѣнный и весьма сильный медиумъ. Свѣтовя явленія были не слабѣе, чѣмъ при Ка[п]чичѣ, и, что особенно замѣчательно, съ трескомъ.

Леонидъ Федоровичъ. Да, точно зубы скрипятъ, но въ отдаленіи. И полеть вещей замѣчательный. Вотъ находка, я вамъ говорю. Вчера дѣвушка говоритъ мнѣ и боится, такая смѣшная.

Профессоръ. Да, замѣчательный медиумъ. Совѣтую вамъ изслѣдовать дальше, у него могутъ быть особенности.

Леонидъ Федоровичъ. А вы замѣтили, какъ скоро онъ впаль въ

ясновидящій сонъ?

Профессоръ. Да, почти мгновенно. Это происходитъ отъ особенностей психическихъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Самаринъ. Можно? Точно колдуете.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пожалуйста. Мы толкуемъ о необыкновенныхъ явленіяхъ. Вчера только горничная – у ней амуры съ буфетнымъ мужикомъ pour le bon motif[67] – она замужъ хочетъ, и вотъ вчера, – а она съ дѣтства у насъ въ домъ и славная дѣвушка, – такъ она пришла со мной совѣтоваться объ ея женихъ, буфетномъ мужикъ, что съ нимъ дѣлается необыкновенное: напримѣръ, онъ садится къ чашкѣ, а ложка его сама вскакиваетъ ему въ руку.

Самаринъ. Ну, что вы говорите!

Профессоръ. Я удивляюсь только удивленію. Я думаю, страннѣе было видѣть въ первый разъ, когда не живой человѣкъ, а кусокъ камня притянулъ къ себѣ гвозди. Но стали наблюдать, изслѣдовать и опредѣлили явленія магнетизма.

Самаринъ. Да, но почему же до сихъ поръ...

Профессоръ. И то прежде не наблюдали.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ вотъ нашъ буфетный мужикъ оказался медиумомъ и замѣчательно сильнымъ.

Самаринъ. Да, вы мнѣ говорили, бѣлокурый.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Мы нынче съ Викторомъ Алексѣевичемъ дѣлали опыты, и вполнѣ подтвердилось. Сейчасъ мы вамъ вотъ покажемъ.

Самаринъ. Прекрасно. Я Ѳома невѣрный.

Профессоръ. Но имѣйте въ виду, что дѣло то мы имѣли всетаки не съ даннымъ субъектомъ медиумомъ, а съ нетѣлесными духами черезъ медиумъ, сообщающійся съ нимъ, то мы никогда не можемъ быть вполнѣ увѣрены.

Леонидъ Ѳедоровичъ. По крайней мѣрѣ опытъ съ нимъ также интересень, какъ и съ Юмомъ, съ Капчичемъ. Знать ничего нельзя, могутъ быть слабыя проявленія. А можетъ быть матерьялизація полная.

Самаринъ. Т. е. какъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. А такъ, что придетъ умершій человѣкъ, отецъ

вашъ, дѣдъ, возьметъ васъ за руку, дастъ вамъ вещи и т. д.

Самаринъ. Нѣтъ, вы расскажите, ну какъ же вы процидируете? Какъ это бываетъ?

(Таня входитъ и становится за портьеру.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Очень просто. Прежде всего медиумъ усыпляется. Когда онъ вступилъ въ сонъ, происходятъ нѣкоторыя явленія – признаки: свѣтъ, шумъ, предметы летаютъ. Тогда мы беремъ карандаши и спрашиваемъ.

Самаринъ. Какъ? съ блюдечкомъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда съ блюдечкомъ, иногда просто карандашъ пишетъ, кто онъ.

Самаринъ. Ну!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Тогда или мы спрашиваемъ, и онъ отвѣчаетъ.

Самаринъ. Какъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вопросами, требующими положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Положительный – стукъ, отрицательный – молчаніе.

Профессоръ. Иногда духъ не отвѣчаетъ, а самъ чего нибудь требуетъ. Напримѣръ, удаленія какихъ нибудь лицъ.

Самаринъ. Пожалуй, меня выгонить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Толстая барыня. Пожалуйста, позвольте послушать. О чемъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вотъ сейчасъ сдѣлалъ опытъ съ новымъ медиумомъ.

Толстая барыня. Со мной тоже было. Когда я жила въ деревнѣ, то одна женщина, она еще дочь того самаго человѣка, который, помните, на пожарѣ спасъ. Пожары вѣдь у насъ безпрестанные, и все отъ папирось. Я могу бросить, но если бы вмѣстѣ. Всегда вмѣстѣ веселѣе и больше энергіи.

Леонидъ Ѳедоровичъ. О, да! Такъ хотите начнемъ? (Звонить.)

Толстая барыня. Да, такъ вы говорите новый медиумъ, и я хотѣла сказать, что когда я ѣздила еще на почтовыхъ, дороги тогда были ужасны, вы этаго не знаете, и я замѣчала, что наша нервность отъ

желѣзныхъ дорогъ. Спать я не могу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Григорій входитъ.

[Леонидъ Ѳедоровичъ]. Позовите, пожалуйста, Семена и скажите Ѳедору приготовить все для сеанса.

Григорій. Слушаю—съ.

Профессоръ (Самарину). О, какая ужасная дама!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ пойдите пока въ гостиную,

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Таня одна.

[Таня.] Отлично. Первое дѣло ниточки завязать то. (Ходить, привязываетъ.) Когда онъ сядетъ, я ему подамъ. Только бы не сробѣлъ онъ. Вызовутъ они духа, это все равно какого, только надо, чтобы духъ неотвѣчалъ, а требовалъ самъ. Бумага на столъ.

(Входитъ Ѳедоръ Ивановъ.)

Таня. Приказали все приготовить для сеанса.

Ѳедоръ Ивановъ. Неужели же Семень оказался духовидцемъ?

Таня. Какже. Сейчасъ баринъ рассказывали профессору, говорили, опытъ совсѣмъ удался. И свѣтъ былъ и трескъ, какъ полагается.

Ѳедоръ Ивановъ. Что—то это не нравится мнѣ. Какъ мужика посадить за столъ? Хотъ бы одѣть его какъ приличнѣй.

Таня. Да вотъ мужикъ, а сила въ немъ оказалась большая спиритическая.

Ѳедоръ Ивановъ. Такъ чтожь убирать? Какъ?

Таня. Да какъ обыкновенно.

Ѳедоръ Ивановъ. Столъ посередь комнаты, стулья, гитару, гармонію, лампу не надо, свѣчи. Позови Григорья, пускай уставишь онъ.

Таня. Да мы сами уставишь, мнѣ дѣлать нечего. (Уставляетъ столъ,

стулья, гитару.)

Федоръ Ивановичъ. Да чистъ ли онъ?

Таня. Почему я знаю?

Федоръ Ивановичъ. Ну, ну! Вѣдь я знаю. Тутъ худаго нѣтъ. Онъ хоть мужикъ, а хорошій малый. Такъ ты вотъ что.

Таня. А что, Федоръ Ивановичъ?

Федоръ Ивановичъ. Поди ты возьми щеточку ногтяную и мыла Тридась. Хоть у меня возьми. И всѣ ты ему остриги когти и вымой чисто, чисто.

Таня. Онъ и самъ вымоетъ. А это хорошо.

Федоръ Ивановичъ. Ну вотъ хорошо, такъ и сдѣлай. Да бѣлье вели надѣть чистое.

Таня. Это точно. А еще баринъ приказывали бумагу мужицкую, что утромъ была, принести барынѣ.

Федоръ Ивановичъ. Чтожъ, или соглашаются? Я принесу.

Таня. Да вы мнѣ скажите гдѣ? Я снесла бы прямо барынѣ.

Федоръ Ивановичъ. На письменномъ столѣ подъ малымъ малахитовымъ преспапье.

Таня. Такъ я сбѣгаю. (Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Федоръ Ивановичъ одинъ.

[Федоръ Ивановичъ] (садится въ кресло). Только привычка одна. А то другой разъ сильно сомнѣнье беретъ. Вѣдь тутъ разсудку ничего нѣтъ, а одна глупость. Положимъ, все благородно, да ужь очень легкокъ разсудкомъ. Я понимаю, что суевѣрія (еще Вольтеръ нападалъ), суевѣрія низкія, какъ у насъ домовые, порчи – все это вздоръ. А другой разъ подумаешь, у образованныхъ тоже. Ну что тутъ? Вѣдь я разъ присутствовалъ. Ничего нѣтъ, фокусы одни. А ужь эти съ Семеномъ и не поймешь что. Не субреточка ли наша затѣваетъ что? Должно, она. Ну, Богъ съ ней! (Надѣваетъ рinсе-pez и разсматриваетъ альбомъ.) Это являющийся духъ – обманъ. Вонъ Турка.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что, готово?

Ѳедоръ Ивановъ (встаетъ неторопясь). Готово. (Улыбается.) Только не знаю, какъ бы вашъ новый медиумъ не скомпрометировалъ бы васъ, Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я пробовалъ. Удивительный! Я послалъ за нимъ, онъ сейчасъ придетъ.

Ѳедоръ Ивановъ. Чистъ ли онъ? Вы вотъ не позаботились руки велѣть вы[мыть].

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ахъ да, это правда.

Ѳедоръ Ивановъ. А я велѣлъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, и прекрасно. Да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Семень. (Руки растопырены, въ поддѣвкѣ, улыбается.) Чего прикажете?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ничего пока. Покажи руки. Такъ вотъ, дружокъ, ты только отдавайся своему чувству, хочется спать – спи, хочется ходить – ходи. Понимаешь?

Семень. Это можно. Очень просто. Я и такъ ничего не дѣлаю.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А ты не смущайся ничѣмъ. А то ты самъ можешь удивиться. Ты пойми, что какъ мы живемъ, такъ невидимый міръ духовъ тутъ же живетъ.

Ѳедоръ Ивановъ (поправляя). Незримыя существа. Понимаешь?

Семень (смеется). Какъ не понять? Какъ вы сказывали, такъ это очень просто.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, такъ я пойду позову всѣхъ. Все готово?

Ѳедоръ Ивановъ. Кажется, все.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А грифельныя доски?

Ѳедоръ Ивановъ. Внизу, сейчасъ принесу.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну такъ хорошо, я иду звать. Такъ не робѣй, Семень.

(Уходитъ Ѳедоръ Ивановъ, потомъ Леонидъ Ѳедоровичъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Семень. Робѣтъ то не сробѣю, а только бы Таня на глаза не показывалась. (Хохочетъ.) Да, какъ бишь она говорила? (Загибаетъ палець.) Перво на перво свѣтъ пускать, ну это она намажетъ; другое дѣло зубами трещать, такъ вотъ. (Трещить.) Третье (загибаетъ) за ниточки тащить; четвертое (загибаетъ) ворочать ихъ, нажимать, значить.

ЯВЛЕНИЕ X.

Таня входитъ. Семень хохочетъ.

Таня. Ну тебя! Вотъ спички, наклей. (Наклеиваетъ на руки.)

Семень (хохочетъ). Помню.

[Таня.] Видишь, вотъ ниточку я привяжу. А вотъ бумага, я ее шваркну на столъ съ книжкой, а ты нажимай и все жми, все жми, пока не стануть спрашивать. А стануть спрашивать, ужъ я стучать буду. Главное дѣло, помни, когда я въ колокольчикъ позвоню, да зачинай возить вотъ такъ руками и дави кого попало смѣлѣй.

Семень. Засмѣюсь.

Таня. Смотри, все дѣло испортишь. А то и смѣйся, они и тому повѣрятъ. Идутъ. Ну, помни. (Снимаетъ ботинки и лѣзетъ подъ диванъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Входятъ Шпюлеръ, профессоръ, Леонидъ Федоровичъ, Петровъ, толстая барыня, Барыня, Бетси, Самаринъ и еще гости, мужчины и дамы.

Леонидъ Федоровичъ. Ну съ, кто съ нами остается, милости просимъ. Всѣ невѣрующіе, я нынче жду очень знаменательныхъ проявленій.

Барыня. А я, напротивъ, боюсь, что ничего не выйдетъ и что будетъ скучно.

Толстая барыня. Вы остаетесь?

Барыня. О нѣтъ, я никогда. Леонидъ дѣлаетъ какъ онъ хочетъ. Я не принимаю никогда участія, даже и съ профессиональнымъ медиумомъ. *Cela me donne sur les nerfs.* [68]

Самаринъ. Что же, вы не вѣрите? Жены всегда не вѣрятъ дѣлу своихъ мужей.

Барыня. *Cela ne m'intéresse guère, voilà tout.* [69]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ, господа, кто да кто остается?

Толстая барыня. Я вамъ не помѣшаю. Но одно, что я боюсь. На меня такъ страшно дѣйствуетъ. Я, когда еще была не замужемъ, видѣла сонъ. Сны бываютъ такіе странные, что вы не знаете, когда начинается и когда кончается. Утверждаютъ, что тутъ причина натуральная. Но нынче ужъ все отрицаютъ. И почему же, когда мы видимъ такія явленія, какъ привидѣнье... Въ Садовой, вы слышали, каждый вечеръ. Братъ моего мужа... какъ это называется? beau frèге? Славянофилы любятъ это называть особенно – не шуринь, но я никакъ не могу запомнить, – такъ...

Барыня. Pardon. Vous restez?[70] А мы, господа, пойдемте лучше ко мнѣ. Мы побесѣдуемъ или Sophie намъ попоетъ. Не правда ли. Это вамъ не помѣшаетъ. Ну. я иду.

Самаринъ, Шпюлеръ, Профессоръ, Толстая барыня. Мы остаемся.

Петровъ. А вы какъ? (Къ Бетси.) Посмотрите (на Семена), comme il est à son aise.[71]

Бетси. Да, очень хорошъ. Теперь папа съ нимъ не разстанется.

Петровъ. Останемтесь.

Бетси. Да вы будете дурачиться.

Петровъ. Вѣдь вы этаго и хотите.

Бетси. Ничуть.

Петровъ. Ну, честное слово, буду какъ мертвецъ. Мнѣ тоже интересно. Я, разумѣется, не вѣрю.

Бетси. Нѣтъ, пойдемте в secretaire.[72]

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ [XII.]

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садитесь. Садись, садись, Семень.

Семень. Да совѣстно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садись. (Всѣ садятся, на первое мѣсто садится Семень.) Викторъ Алексѣевичъ, вы усыпите?

Профессоръ. Нѣтъ, зачѣмъ же я, когда Трифонъ Никифоровичъ тутъ? У него гораздо больше силы. Трифонъ Никифоровичъ!

Шпюлеръ. Это можно. Только бы желательно для невѣрующихъ объяснить, что именно мы дѣлаемъ и по какимъ законамъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ (къ Профессору). Вы объясните вкратцѣ.

Профессоръ. Хорошо.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Господа! вотъ вы, П. Ѳ., для того чтобы имѣть ясное понятіе о томъ, что дѣлается, не думайте, что тутъ чудеса. Викторъ Алексѣевичъ, скажите.

Профессоръ (вставая и обращаясь къ Толстой барынь; сначала стоитъ, потомъ садится). Господа! явленіе, которое мы, такъ сказать, изслѣдуемъ, считается нѣкоторыми новымъ, но оно старо, старо какъ міръ, или точнѣе – какъ человѣчество. Явленіе это есть общеніе съ міромъ невидимымъ Въ общеніи, какомъ бы то ни было, есть два, всегда по крайней мѣрѣ 2 фактора. Въ данномъ случаѣ ихъ въ общемъ два: міръ человѣческой, нашъ, плотскій, и міръ невидимый, духовный. Въ общеніи этомъ наше воздѣйствіе на духовъ невидимо – невидимо дѣйствіе производимое на нихъ, хотя бы и видимы были наши манипуляціи, такъ сказать; ихъ же духовное, такъ сказать, воздѣйствіе на насъ видимъ ошутительно, хотя не видимы ихъ манипуляціи, если таковыя производятся ими. Видимость эта всегда была, всегда мы чувствовали вліяніе ихъ. Но до послѣдняго времени были неизвѣстны, такъ сказать, манипуляціи, которыми можетъ быть вызвано ихъ воздѣйствіе.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Сократите.

(Семень глядитъ на Таню и фыркаетъ.)

Профессоръ. Да, до послѣдняго времени стало извѣстно, что духи общаются съ нами черезъ избранныхъ людей при условіи изъятія, такъ сказать, этихъ людей изъ условій міра.

Петровъ. Я засну прежде всѣхъ.

Бетси. Полноте, молчите.

Профессоръ. Выведенные изъ условій міра исключительныя натуры – медиумы, имѣютъ свойства вызывать души жившихъ людей и общаться съ ними. Души эти сходятъ сюда, проявляютъ себя и иногда входятъ въ условія этой жизни, иногда же отказываются.

Самаринъ. Позвольте спросить, почему же отказываются?

Профессоръ. Причинъ бываетъ много. Нѣкоторыя уже, такъ сказать, извѣстны намъ, а именно несимпатичность среды и частные случаи.

Самаринъ. Какіе же?

Профессоръ. Отсутствіе въ данный моментъ, т. е., такъ сказать, присутствіе въ другомъ мѣстѣ. Иногда же, какъ это было прошлый разъ, возвращеніе въ жизнь: духи, бесѣдовавшіе съ нами, прекратили свои сообщенія потому, какъ они объявили намъ, что они вновь рожали[сь]

къ жизни. Теперь, съ другой стороны...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Простите, это ужъ ясно. Всѣ могутъ дѣлать вопросы о томъ, что интересуеть или затрудняетъ.

Профессоръ. Да я только хотѣлъ сказать, что наука нетолько не противурѣчить этимъ даннымъ, но, напротивъ, многосторонне подтверждаетъ ихъ своимъ положеніемъ о переходѣ силъ въ матерію и обратно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Теперь Трифонъ Никифоровичъ будетъ усыплять.

(Шпюлеръ подходитъ къ Семену и машеть.)

Шпюлеръ. Какъ скоро субъектъ заснетъ, мы потушимъ свѣчи и будемъ ждаты проявленій и сообщеній.

Самаринъ. Зачѣмъ же темнота?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Таковы условія сначала, потомъ могутъ проявляться и при свѣчахъ.

(Тишина.)

Шпюлеръ (шопотомъ). Засыпаетъ. Очень чувствителень.

(Семень тянется.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (встаетъ). Кажется, заснулъ.

(Тишина. Семень рычитъ и фыркаетъ и опять тянется.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Заснулъ. (Тушить свѣчи. Таня встаетъ, становится на диванъ и достаетъ ниточку, привязанную къ бра. Семень лижетъ палець, мажетъ косточки, махаетъ ими, светится и рычитъ)

Толстая барыня. Ахъ, это ужасно! Я видѣла. Вы видѣли?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это только начинается. Это свѣтъ. И свѣтовья явленія похожи на Николаевы.

Самаринъ. Что Николаевы?

Профессоръ. Николай, монахъ, чехъ 15-го вѣка. Онъ часто сообщался съ нами. Но можно узнать. Я спрошу.

Самаринъ. Какже онъ отвѣтитъ?

Профессоръ. А стуками. Утвердительный стукъ — два. (Особеннымъ голосомъ.) Ты здѣсь?

(Таня стучитъ о стену.)

Толстая барыня. Я уйду... А хочется присутствовать.

Самаринъ. Ради Бога, не мѣшайте.

Профессоръ. Знакомый нашъ. (Два стука.) Николай чехъ. (Две пары стуковъ.) Вы видите, онъ. (Летяъ на столъ карандашъ, перо, утиралка перьевъ, и гитара звѣнеть.)

Леонидъ ѳедоровичъ. О, какое сильное проявленіе.

Самаринъ. Позвольте, позвольте, надо изслѣдовать.

Леонидъ ѳедоровичъ. Вы думаете, что онъ? Сядьте подлѣ, держите. Но будьте увѣрены, онъ спитъ.

Самаринъ (подходить, задѣваетъ головой за нитку, которую Таня спускаетъ, и испуганно нагибается). Даа... (Подходить, беретъ за локоть Семена. Семень рычитъ.)

Леонидъ ѳедоровичъ. Ему тяжело. Чѣмъ сильнѣе проявленія, тѣмъ больше тяготится медиумъ. Что, онъ не шевелится?

Самаринъ. Нѣтъ, только тяжело дышитъ.

Толстая барыня. Позвольте. Я думаю, что это невозможно. Тутъ какое нибудь...

(Таня проводитъ ниткой ей по головѣ.)

Толстая барыня. Ай!

Леонидъ ѳедоровичъ. Что, что?

Толстая барыня. Онъ меня за волосы взялъ.

Леонидъ ѳедоровичъ. Это ничего; онъ прямо рукой беретъ. Холодно?

Толстая барыня. Ай, не надо.

Профессоръ. Одно несомнѣнно, что онъ теперь здѣсь съ нами и въ добромъ и бодромъ, такъ сказать, состояніи, и поэтому я совѣтую сколь возможно воспользоваться его присутствіемъ.

Леонидъ ѳедоровичъ. Кто хочетъ спросить что нибудь?

Самаринъ. Позвольте, я спрошу. Вы говорите, надо вопросы, на которые только да или нѣтъ?

Профессоръ. Не иначе.

Самаринъ. Вѣрю я или нѣтъ? (Два стука.)

Профессоръ. Значить, вѣрите.

Самаринъ. Позвольте, я спрошу. Есть у меня въ карманѣ 10 р. бумажка? (6 стуконъ, и нитка проходитъ по голове и цепляется за ухо.)

Самаринъ. Ахъ! (Хватаетъ за нитку и обрываетъ.)

Профессоръ. Ему непріятны пустые, скептическіе, такъ сказать, вопросы.

Самаринъ. Нѣтъ, позвольте, у меня въ рукахъ нитка.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это часто бываетъ, нетолько нитка, но шелковые шнурки, самые древніе.

Самаринъ. Нѣтъ, позвольте свѣтъ. Тутъ что нибудь. (Въ него летитъ подушка.)

Профессоръ. Вы держите то, что имѣете въ рукѣ, не нарушайте сообщеній, которыя могутъ быть интересны.

Толстая барыня. Да, пожалуйста, не зажигайте и продолжайте.

Самаринъ (ощупывая и разглядывая). Нитка. (Убираетъ свой конецъ и переходитъ на другую сторону.)

Профессоръ. Господа, не надо злоупотреблять и утруждать, такъ сказать, нашего духовнаго посѣтителя. Проявленія были. Присутствіе его извѣстно, и потому я предлагаю, какъ обыкновенно, такъ сказать, дѣлается послѣ того какъ онъ исполнилъ наши желанія, предоставить ему выразить свои желанія относительно, такъ сказать, нашей дѣятельности.

Самаринъ. Какже онъ выскажетъ?

Профессоръ. Желанія свои духъ обыкновенно высказываетъ черезъ медиума, иногда движеніями, иногда даже прямо слова. Медиумъ говоритъ, находясь въ ясновидящемъ состояніи. Такъ согласны?

Всѣ. Согласны!

Профессоръ. Просимъ тебя, Николай, если ты еще здѣсь, выразить теперь свои желанія. Согласенъ ты?

(Два стука, и Таня звонитъ въ колокольчикъ. Семень начинаетъ рычать и разводитъ руками и давить Профессора и Самарина.)

Профессоръ. Онъ чего то требуетъ, настоятельно требуетъ.

Самаринъ (вырывается). Нѣтъ, это невозможно!

Профессоръ. Смотрите за проявленіями теперь.

(Летить мужицкая бумага на столъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это бумага какая то. (Летить дорожная чернильница.) Чернильница! (Летить перо.) Перо!

Профессоръ. Онъ, вѣрно, хочеть написать. Откройте чернильницу и положите на бумагу перо. Вѣроятно, оно напишетъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ. Но чего то требуетъ, опредѣленнаго требуетъ.

(Колокольчикъ звонить. Семень рычить и давить. Таня заходить сзади Леонида Ѳедоровича и бьетъ его по головѣ гитарой и кидаетъ ее на диванъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ахъ! проявленія всѣ на меня. Отъ меня чего то требуетъ.

Профессоръ. Онъ страшно корчится, душить меня, узнайте его, такъ сказать, требованія скорѣй.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу понять, какая это бумага.

Профессоръ. Выдѣте, посмотрите скорѣй, такъ сказать. Онъ торопитъ.

(Таня звонить. Семень рычить.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (выходить въ дверь и тотчасъ же возвращается). Необычайно! Бумага, которая была у меня въ кабинетѣ. Это договоръ съ крестьянами, онъ хочеть, чтобъ я подписалъ его. Такъ и есть, утроемъ сообщеніе было неопредѣленное.

Профессоръ. Это самое. Медіумъ успокоился.

Самаринъ. Такъ онъ требуетъ, чтобы вы продали землю мужикамъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да. Да можно спросить. Спросите, Викторъ Алексѣевичъ.

Профессоръ. Ты хочешь, чтобы подписана была бумага?

(Стукъ усиленный. Леонидъ Ѳедоровичъ беретъ перо и выходитъ.)

Толстая барыня. Необыкновенно!

Профессоръ. Онъ успокоился. Тутъ ли онъ? Ты здѣсь?

(Стукъ, стукъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ (возвращается). Спросите, то ли я сдѣлалъ?

Профессоръ. Николай, то-ли ты желалъ?

(Два стука, и потомъ начинается звонъ колокольчиковъ, гитары и гармоніи. Таня, произведя это, лѣзетъ подъ диванъ.)

Профессоръ. Обычное его прощаніе.

(Семень потягивается и прокашливается.)

Профессоръ. Можно зажечь свѣчу.

Самаринъ (зажигаетъ). Да, необычайно!

Толстая барыня. Да, теперь нѣтъ сомнѣнья, удивительно.

Самаринъ. Однако нитка – вотъ она.

Профессоръ. Ну чтожъ нитка? Могла быть и нитка. Она, такъ сказать, орудіе, движимое тѣмъ же духомъ.

(Семень встаетъ и улыбается.)

Толстая барыня. Ты чтожъ чувствовалъ?

Семень (смѣется). Не могу знать. (Уходитъ.)

Леонидъ Ѳедоровичъ. Онъ ничего не можетъ помнить.

Профессоръ. Онъ безсознательное орудіе.

(Всѣ выходятъ, разговаривая.)

Таня (вылѣзаетъ, смѣется). Вотъ глупы–то!

Григорій (всходитъ). Такъ ты вотъ какъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Передняя перваго дѣйствія и буфетъ. Въ буфетъ экономка и буфетчикъ приготавливаютъ. З лакея сидятъ съ шубами. Григорій и Ѳедоръ Ивановъ.

1–й Лакей. Нынче къ вамъ къ третьимъ. Спасибо, въ одной сторонѣ

пріємные дни. У васъ прежде по четвергамъ было.

Федоръ Иванычъ. Затѣмъ перемѣнили на субботу, чтобъ за одно: у Головкиныхъ, у Граде фонъ Грабе.

1-й Лакей. У Щербаковыхъ, по крайней мѣрѣ, лакеямъ угощенье. Это какіе же мужики пришли?

Федоръ Иванычъ. А изъ нашей деревни. Вчера имъ баринъ продалъ черезъ банкъ землю, такъ подписываютъ бумагу.

2-й Лакей. Чтожъ рады?

Федоръ Иванычъ. Да какже не рады? Совсѣмъ было разошлось вчера дѣло, да въ сеансѣ согласились подписать.

1-й Лакей. Чудно это у васъ. Я полагаю, что грѣхъ это.

Федоръ Иванычъ. Какъ сказать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сверху сходитъ Бетси, провожая Княгиню съ Княжной. Княгиня глядитъ въ книжечку, на часы и садится на ларь, лакей надѣваетъ калоши.

Княжна. А Кисленскаго еще нѣтъ?

Бетси. Но это не минуетъ. Такъ надоѣль. Я истинно боюсь.

Княжна. Ну что же, не дѣлалъ предложеніе?

Бетси. Les gens!... [73] Но я вижу, что надо будетъ пройти черезъ это.

Княжна. Да, ты – партія.

Бетси. Вотъ это то и ужасно. И потому это преслѣдованіе даже противно.

Княжна (садится, ей натягиваетъ Григорій ботики). Такъ до вечера.

Княгиня. Такъ скажите папа, что я ничему не вѣрю, но пріѣду посмотрѣть его новаго медиума. Чтобъ онъ далъ знать. (Уходятъ, Бетси на верхъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Григорій. Молоденькую всетаки пріятно обувать, да и живо, она сама попадетъ въ полусапожекъ, а вотъ какъ княгиня: не перегнется отъ

живота, не видитъ, тычетъ мимо.

2-й Лакей (смѣется). Тоже разбираетъ!

Григорій. Нельзя. А какъ началъ обувать, она сейчасъ «лежань».

1-й Лакей. А это чтожь?

Григорій. При лакеяхъ, значить, не говори. За обѣдомъ тоже какъ начнутъ про пакости какія говорить, сейчасъ «лежань», скверная должность.

2-й Лакей. Скверная ли, не скверная, кормиться надо. Даромъ намъ съ тобой 20 рублей не дадутъ въ мѣсяць. А вотъ посижу.

Григорій. Житье! Пожилъ бы хоть мѣсяць по ихнему. (Уходитъ.)

2-й Лакей (съ бакенбардами). А смѣлый этотъ у васъ молодой человекъ.

Федоръ Ивановичъ. Пустой малый. Неспособенъ къ службѣ, въ телеграфистахъ былъ, набаловался полубариномъ, а теперь нужда пришла.

2-й Лакей (съ бакенбардами). Я бы его къ нашему графу. Онъ его бы поставилъ въ точку. Охъ, не любитъ этакихъ вертуновъ. Лакей, такъ будь лакей. Званье свое оправдай. А эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНІЕ [IV.]

Съ верху сбѣгаетъ офицеръ и достаетъ папироску, навстрѣчу входитъ Кисленскій. [74]

Офицеръ. У Головкиныхъ были?

Кисленскій. Былъ. Ну кто здѣсь?

Офицеръ. Ну все тоже: Ист., [2 неразобр.]. (Смѣются).

Кисленскій. Чтожь вчерашній сеансъ?

Офицеръ. Ну, разумѣется, удалось. Папаша съ духами, мамаша съ микробами, дочка съ....Ну!

Кисленскій. А Василій тутъ?

Офицеръ. Нѣтъ, уѣхалъ доставать денегъ.

Кисленскій. Вотъ дуракъ-то. Я глупѣй и не видываль.

Офицеръ. Но зато сестрица!

Кисленскій. Сестрица хороша бы бы[ла], кабы не ловила. Я отъ этаго не ѣзжу сюда, что ужь слишкомъ явно. Такъ и жду, что, помилуй Богъ, скажешь что-нибудь, сейчасъ съ образомъ. (Хохочеть.)

ЯВЛЕНІЕ [V.]

Бетси сходить, провожая даму. Кисленскій кланяется головой.

Бетси (трясетъ руку бокомъ). Чтожь вы вчера не были?

Кисленскій. Не успѣлъ, за то теперь.

Бетси. Очень смѣшно было вчера, вы бы посмотрѣли. Мы пришли было въ темноту, но потомъ...

Кисленскій. Какъ жалко, что я не былъ.

(Идутъ наверхъ, дама уѣзжаетъ.)

Буфетчикъ Яковъ (изъ буфета съ подносомъ, крендель, булка, запыхавшись идетъ на лѣстницу). Замучался, хоть бы Григорій Иванычъ пособилъ. (Уходитъ.)

(Входитъ въ переднюю Василій Леонидычъ.)

[Василій Леонидычъ.] Кто здѣсь?

Федоръ Иванычъ. Да много было. Теперь Торбѣевъ, Лычева, Кобылинъ, Кисленскій здѣсь.

Василій Леонидычъ. Терпѣть не могу этаго болвана, не пойду. (Ворочается назадъ.)

3-й Лакей. Который же болванъ то? Этотъ энтого дуракомъ назваль, а энтого того. По дѣлу выходятъ оба.

Въ буфетѣ Таня (къ экономкѣ). Авдотья Васильевна, какъ мнѣ доложить барынѣ?

Экономка. Чего доложить?

Таня. Да вотъ Семеновъ отецъ пріѣхаль, онъ меня беретъ.

Яковъ (убѣгаетъ). [1 неразбор.] зачѣмъ нѣтъ?

Экономка. Я говорила, возьми. (Яковъ убѣгаетъ.) Нашла время, видишь, только поспѣй управиться.

Таня. Да вѣдь это неугомонная возня. Вы сами знаете, а вѣдь мое дѣло на вѣкъ. Вы, голубушка, милая, вы выберете времячко, скажите.

Экономка. Да развѣ Семень уходитъ?

Таня. Да как же, теперь, слава Богу, мужичкамъ баринъ подписали бумагу, онъ его беретъ. И говорилъ, на красную горку и сватьба. А я бы къ маменькѣ поѣхала да къ крестной. Вы, голубушка, скажите.

Экономка. Хорошо, хорошо.

(Вбѣгаетъ Яковъ.)

[Яковъ.] Самовара нѣтъ.

Экономка. Я пойду скажу.

(Выходитъ. Яковъ убѣгаетъ наверхъ съ апельсинами.)

ЯВЛЕНИЕ

Таня одна.

[Таня.] Только бы уѣхать скорѣй, а то Богъ ихъ знаетъ что.

(Григорій входитъ, зажигая папиросу.)

[Григорій.] А, милѣйшая дѣвица! (Хочетъ обнять.)

Таня. Говорила, бросьте вы эти манеры, совсѣмъ не къ лицу. А то я васъ знаете какъ.

Григорій. Ну ужъ теперь не уйдешь отъ меня. Вчера то зачѣмъ изъ подъ дивана лѣзла? Что, какъ скажу? Ну право, маточка, ты не какетничай, а полюби. Поцѣлуй. (Хватаетъ ее.)

Таня. Говорю, брось.

Григорій. А скажу.

Таня. Ну и говори.

(Григорій схватываетъ. Она кричитъ. Входитъ Семень съ самоваромъ.)

Таня. Сема, прогони ты его.

(Семень ставитъ на полъ самоваръ и начинаетъ разводить руками, прижимая Григорія къ стѣнѣ.)

Григорій. Ну, ну, ты, мужикъ!

Семень. Мужикъ то, мужикъ, да вѣдь находить на меня спиритическая сила, видишь, не могу.

Григорій. Брось, я говорю, свинья.

Семень. Нашла сила. Вотъ сдержать не могу. Вотъ! (Бьетъ подь бокъ Григорія.) Вотъ!

Григорій. Ахъ ты мерзавецъ! Вотъ сейчасъ все расскажу. (Вырывается и выходитъ въ переднюю.)

ЯВЛЕНІЕ....

Барыня провожаетъ старую графиню съ фальшивыми волосами, зубами.

Барыня. Sans doute. Je suis vraiment touchée. Prenez garde.[75]
(Графиню. одъвають.)

Барыня (къ Григорію). Что это такое? Что это за шумъ?

Григорій. Не могу жить отъ этаго мужика грубаго.

Барыня. Что такое? Погодите. (Провожаетъ графиню.) Merci, mille fois.[76] (Уходитъ графиня съ лакеемъ.) Что такое?

Григорій. Я хоть въ должности лакея временно, но я имъю свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня. Да что такое?

Григорій. Семень, нашъ новый спирить, набрался храбрости, что онъ съ господами сидѣль, сталъ меня толкать.

Барыня. Зачѣмъ?

Григорій. А Богъ его знаетъ.

Федоръ Иванычъ. Надо вамъ доложить, что Семень имѣетъ чувство къ Танѣ, а Григорій, чтожъ, правду надо сказать, обращается нехорошо съ ней, вотъ Семень и обидѣлся.

Григорій. Совсѣмъ нѣтъ. Это из за злобы, что я ихъ плутовство вывелъ наружу.

Барыня. Какое плутовство?

Григорій. А съ духами. Всѣ вчерашнія штуки не Семень, а Татьяна дѣлала. Я самъ видѣль, какъ она изъ подь дивана лѣзла.

Барыня. Вы видѣли?

Григорій. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на столъ. Кабы не она, мужикамъ бы землю не продали и не подписали.

Барыня. Вы сами видѣли?

Григорій. Своими глазами. Прикажите позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

ЯВЛЕНІЕ

Мужики выходятъ улыбаясь и кланяясь.

[Мужики.] Вѣкъ будемъ за здравіе, а родителямъ Царство Небесно. Отецъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, дай Богъ, дай Богъ.

Барыня. Дайте сюда бумагу. Это обманъ. Я говорила, что не надо продавать. И всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самага глупаго человѣка.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Какъ, кто? Какой обманъ?

Барыня. Стыдились бы вы. Вы сѣдой, а какъ мальчишку.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Чѣмъ, кто?

Таня (входить). Приказывали?

Барыня. Ты вчера подъ диваномъ была въ кабинетѣ?

Таня. Я не знаю.

Барыня. Я знаю все, признавайся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Мнѣ только хочется этаго... уличить. Ты принесла бумагу и кинула на столъ?

Таня. Позвольте мнѣ разсчитать.

Барыня (къ Леониду Ѳедоровичу). Вотъ видите. Васъ дурачатъ.

3-й мужикъ. Пойдемъ пока что.

ЯВЛЕНІЕ

Профессоръ. Что это?

Барыня. А то, что и васъ и мужа дурачить дѣвочка, а вы вѣрите. Вчера никакихъ явленій не было, а эта дѣвушка въ темнотѣ васъ дурачила.

Профессоръ. Это знакомое явленіе. Духи часто не желаютъ быть

узнаваемы и возбуждают людей дѣлать, какъ будто есть обманъ. Но обмана нѣтъ, есть только самое яркое подтвержденіе.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ и я говорю.

Барыня. Вы дуракъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, я уйду.

Барыня. И уходите. Позовите Семена.

Семень. Да я здѣсь былъ, я слышалъ. Прикажите расчетъ дать.

Барыня. Нѣтъ, я не могу. (Сходятъ гости.) А, вы ужь ѣдете? Тутъ случилась непріятность. Ѳедоръ Иванычъ! пожалуйста, чтобъ лишняго народа здѣсь не было.

Ѳедоръ Иванычъ. Вы ступайте, земляки, да благодарите Таню, не забудьте ее. Быть бы вамъ безъ земли, кабы не она.

2-й мужикъ. Да что говорить. Сношка 1-й сортъ. Спасибо ей.

3-й мужикъ. Вѣкъ не забудемъ. Пойдемъ.

Ѳедоръ Иванычъ. Идите. А тутъ пошумятъ, пошумятъ, да и отпустятъ вашихъ молодыхъ. Они вмѣстѣ къ вамъ и пріѣдутъ.

(Всѣ уходятъ.)

Таня. Отчего, Ѳедоръ Иванычъ, господа такъ учены, а ужасно какъ и глупы и задорны? Вѣдь мужики вотъ и неучены, а лучше.

Ѳедоръ Иванычъ. Много ты понимаешь!

Занавѣсъ.

[ВАРИАНТЫ К «ПЛОДАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ»]

* № 1.

Входитъ Василій Леонидычъ, раскланивается съ мужиками, курить.

[Василій Леонидычъ.] Здравствуй, папа. Что, можно взять лошадь? Я бы поѣхалъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Куда?

Василій Леонидычъ. Да самъ не знаю, куда нибудь бы поѣхаль, а то скука.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да ты бы съ сестрой поѣхаль.

Василій Леонидычъ. Ну, благодарю покорно. Это умереть отъ скуки. Что это, зачѣмъ мужики?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Объ землѣ. Вотъ самъ бы ты занялся, я бы не продалъ.

Василій Леонидычъ. Ну какъ вамъ не скучно все одно и тоже? Ну что тамъ заниматься, собирать деньги? Это всякій можетъ. (Зѣваетъ.)
Пойти къ мама. Ахъ да, папа, дай мнѣ денегъ, сколько [...]

Леонидъ Ѳедоровичъ (уходить). Опять! Не могу я тебѣ давать безпредѣльно.

Василій Леонидычъ. Ну Богъ съ ними и съ вами. (Мужикамъ.) Вы давайте побольше денегъ.

1-й Мужикъ. Да только бы намъ распространиться.

Василій Леонидычъ. Распространиться! Гмь! (Видитъ Таню въ дверяхъ.)
Тантантаничка! А, и ты тутъ! (Хочетъ ущипнуть ее. Она отстраняется.)
Одинъ человѣкъ не скучный, и тотъ бѣгаетъ отъ меня. Вотъ тоска то!
(Идетъ наверхъ.)

* № 2.

ДѢЙСТВІЕ II.

1 СЦЕНА.

Сцена представляетъ просторную людскую. Три мужика сидятъ въ рубахахъ, одинъ, 3-й мужикъ, въ полушубкѣ, и пьютъ чай. Кухарка, облокотясь на столъ, слушаетъ. Семень стоитъ улыбаясь.

Кухарка. Что жъ, я чай, Настасья то скучала безъ сына то?

2-й Мужикъ. Какъ не скучать, 3-го сына берутъ. Липать отбился отъ рукъ, а этаго только на ноги поставила, взяли.

Кухарка. Далеко загнали?

2-й Мужикъ. Въ Польшу куды то. Писаль оттелева.

Кухарка. А сноха при ней?

2-й Мужикъ. Мареутка то? Пока живеть съ ней, и то говорю: не спускай, говорю, кума, со двора. А то сынъ придетъ, не съ кѣмъ жить будетъ.

Кухарка. Какъ можно. Хоть мое дѣло – шляюсь по людямъ. Ну хорошо еще – прибилась сюда. Все жить можно.

1-й Мужикъ. Да ужъ что говорить. Солдатское житье извѣстное.

Кухарка. Кушайте. (Наливаетъ.)

3-й Мужикъ (перевертываетъ чашку). Спать ужъ и время, я чай. Мы какъ бы не того.

Кухарка. Э, спать! У нихъ теперь самая гульба пойдеть.

Семень. Еще самовары не ставили?

(Входить Таня.)

[Таня.] Что, водицы разжиться можно?

Кухарка. Мало у васъ своихъ самоваровъ?

Таня. Да только чашку, крахмаль заварить

Кухарка. Ну, чашку бери.

Таня (завариваетъ, взглядывая на мужиковъ, краснѣеть). А я уговоръ не забыла.

1-й Мужикъ. Да, ужъ изхитряйся, а мы сказали, міромъ тебя не забудемъ.

3-й Мужикъ. Ужъ какъ есть.

2-й Мужикъ. И чего, кажись, упираться ему? Добро бы хозяйствовалъ, а то вѣдь на глазахъ все терню[?] идетъ. Прикашики пользуютъ, да и то не какъ надо. А такъ дуромъ, а тутъ денежки.

Таня (отходить и шопотомъ Семену). Просись сейчасъ жениться, а коли что говорить стануть, скажи Ивана Ефимыча чтобы обо мнѣ спросиль.

Семень. Да какже при народѣ?

Таня. Эка, развѣ плохое что? Говорю, дѣлай.

* № 3.

ЯВЛЕНИЕ № 3.

Входитъ Сахаринъ и вслѣдъ за нимъ Докторъ.

Сахаринъ. Дома?

Григорій. Сейчасъ доложу. (Уходитъ.)

(Таня возится около шубки.)

Сахарит. А, докторъ! Мое почтенье.

Докторъ (съ трудомъ узнавая). Мое почтенье. Да, да, вѣдь вы, кажется, въ деревнѣ живете.

Сахаринъ. Да вотъ пріѣхаль на нѣсколько дней и хочу изслѣдовать занимающій меня вопросъ.

Докторъ. А! О спиритизмѣ! Ну, ужъ лучше нигдѣ не изслѣдуете, какъ здѣсь, у Леонида Ѳедоровича.

Сахаринъ. Я слышалъ, у нихъ замѣчательный медиумъ, такъ вотъ хочу самъ видѣть. (Докторъ дѣлаетъ насмѣшливую гримасу.) Вы, я вижу, не вѣрите.

Докторъ. Отрицать положительно нѣтъ, такъ сказать, основаній, но не думаю, чтобы Леонидъ Ѳедоровичъ могъ обставить явленія вполнѣ научно для изслѣдованій.

Сахаринъ. Ну, все равно, посмотрю. А вы что? Или боленъ ктонибудь?

Докторъ. Не то чтобы боленъ, но нѣкоторыя осложненія, такъ сказать, въ состояніи Анны Павловны. Ну, я руковожу, такъ сказать. (Къ Танѣ.) Встали?

Таня. Въ спальнѣ. Да вы пожалуйста.

(Ѳедоръ Ивановъ и Григорій выходятъ.)

Ѳедоръ Ивановъ. Пожалуйста, просятъ. Григорій, проводите.

(Сахаринъ и Докторъ раскланиваются и расходятся въ разныя стороны.)

* № 4.

ЯВЛЕНИЕ [4-е.]

Григорій (къ Танѣ). Такъ какъ же быть то? А? Ты пойми, что Семень и что я. Я ничего для тебя не пожалѣю. (Опять приступаетъ къ ней и обнимаетъ одной рукой.)

Таня. Кто въ этомъ нуждается, тому это говорите. А я вами не нуждаюсь, вотъ и все. Оставьте, Христа ради. И что это, право, ей Богу? Вотъ я, право, Ѳедору Иванычу скажу.

ЯВЛЕНИЕ [5-е].

Входитъ Ѳедоръ Иванычъ, камердинеръ, сытый, бритый, въ пинсъ-не и съ газетой въ рукахъ.

Ѳедоръ Иванычъ. Что это сказать хочешь? А?

Таня. Да вотъ отъ Григорія Михайлыча прохода нѣтъ.

Ѳедоръ Иванычъ. Напрасно вы, Григорій, позволяете себѣ вольности. Шутить хорошо съ тѣмъ, кто принимаетъ ваши шутки.

Григорій. Что же это? И пошутить нельзя? Точно монастырь какой!

Ѳедоръ Иванычъ. Монастырь – не монастырь, а нехорошо это, и прошу васъ оставить.

Григорій (про себя). Эка важничаетъ. Право, точно князь какой!..

Ѳедоръ Иванычъ. Что? Ну да васъ не переслушаешь. (Развертываетъ газету.)

(Таня чиститъ шубки, Григорій сидитъ надувшись и достаетъ папиросу.)

* № 5.

ЯВЛЕНИЕ 3.

Тѣже и Таня входитъ и становится за портьеру.

Сахатовъ. Ну какже начинается? Какъ вы процедируете?

Профессоръ. Очень просто. Прежде всего медиумъ усыпляется. Дѣлаю это я или Шпюлеръ. И медиумъ впадаетъ въ трансъ. Какъ только онъ въ трансъ, такъ начинаются различныя проявленія: свѣтъ, шумъ, предметы

летаютъ. Тогда мы знаемъ, что духовныя силы присутствуютъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда просто говорить голось, хватаетъ васъ за руки.

Профессоръ (перебиваетъ). Иногда это можетъ быть, но не всегда.

Сахатовъ. Какже большей частью вы общаетесь? Карандашемъ съ блюдечкомъ?

Профессоръ. Иногда съ блюдечкомъ, иногда стуками.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Иногда прямо пишетъ одинъ карандашъ или печатаетъ или телефонируетъ даже.

Профессоръ (перебивая). Приемовъ очень много, но приемъ наиболѣе употребительный и, по моему мнѣнію, самый научный состоитъ въ томъ, чтобы ставить вопросы, требующіе положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Положительные отвѣты выражаются стуками, отрицательные – молчаніемъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А то просто можно разговаривать. Послѣдній разъ, я помню, я его, Сократа, кажется, поймалъ за руку и просилъ отвѣчать.

Сахатовъ. Какже, по гречески?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я просилъ переводить.

Профессоръ (вздыхаетъ). Самое обычное общеніе всетаки стуками. Разумѣется, надо привыкнуть. Вѣдь и языкамъ говорить мы учились; такъ и здѣсь.

* № 6.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Сахатовъ, Докторъ.

(Входитъ Докторъ, оглядывается, ища лакея.)

Докторъ (увидавъ Сахатова, съ развязностью). А, мое почіене!

Сахатовъ. А! Докторъ.

Докторъ. А я думалъ, что вы за границей. Къ Леониду Ѳедоровичу?

Сахатовъ. А вы что же? Болень развѣ кто?

Докторъ (посмѣиваясь). Не то чтобы болень, а знаете, съ этими барынями бѣда. До трехъ часовъ каждый день сидять за винтомъ, тянется въ рюмку со своей корпуленціей. А барыня сырая, толстая, ну и разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы, ну и пошла писать, а ты ее подправляй, бѣда съ ними. (Посмѣивается.) А вы что? Вы, кажется, спирить тоже?

Сахатовъ (обиженно). Я? (презрительно улыбаясь.) Я не только не спирить, но антиспирить. А слышалъ я, что появился у нихъ новый медиумъ, такъ вотъ хочу посмотрѣть самъ. Я, напротивъ, во всемъ скептикъ. Это одно, что остается въ нашъ вѣкъ. А вы, человѣкъ науки, какъ относитесь къ медиумизму? Вижу, не вѣрите?

Докторъ. Я? Да никакъ. Мнѣ, батюшка, некогда. Одно, что такой человѣкъ, какъ Алексѣй Владимировичъ принимаетъ участіе, какъ хотите, ученый профессоръ, европейская знаменитость, что нибудь да есть. Хотѣлось тоже какъ нибудь посмотрѣть, да все некогда, другое дѣло есть. (Таня) Встали?

Таня. Какже, пожалуйста.

Сахатовъ. Такъ до свиданья.

Докторъ. Мое почтенье.

(Сахатовъ и Докторъ расходятся въ разныя стороны.)

* № 7.

Бетси. Ну, а чтожь острить! А скажите лучше, вы участвуете въ нашей шарадѣ?

Петрищевъ. Какже, я участвую въ пляскѣ дикарей. Я самый дикій дикарь, до такой степени дикій, что съѣдаю сырыхъ 2-хъ генераловъ. Но вы, говорятъ, отказываетесь?

Бетси. Нисколько, вотъ и костюмъ готовъ. Вотъ онъ. (Указываетъ на артельщика.) Я не отказываюсь. Отъ кого? Не отъ Казевайсь.

Марья Константиновна. Какъ не отъ Казевайсь?

Петрищевъ. Костюмъ не отъ Казевайсь, а отъ Бурдые. (Хохочуть.)

Комментарии Н. К. Гудзия

Цитаты из дневников и записных книжек, приводимые в комментариях ко всем произведениям данного тома, извлекаются из неопубликованных пока автографов, хранящихся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому в комментариях извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, означают: АТ – Архив Толстого, хранящийся в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ.»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ КОМЕДИИ «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ».

За работу над пьесой, которая впоследствии получила название «Плоды просвещения», Толстой принялся под влиянием впечатления, испытанного им в 1880-х гг. от спиритического сеанса, бывшего в Москве на квартире Н. А. Львова, куда Толстой был приглашен по собственной инициативе. Н. А. Львов умер в 1887 г.; следовательно, этот сеанс происходил не позже этого года. На нем, кроме хозяина дома, медиума-любителя и Толстого, присутствовали еще П. Ф. Самарин, К. Ю. Милиоти и Н. В. Давыдов, описавший его. [77] На сеанс Толстой явился уже заранее недоверчиво и отрицательно настроенный к спиритизму. По словам Н. В. Давыдова, он в разговоре с ним еще до сеанса удивлялся тому, как люди могут верить в реальность спиритических явлений: «ведь это всё равно, – говорил он, – что верить в то, что из моей трости, если я ее пососу, потечет молоко, чего никогда не было и быть не может». [78] Сеанс не удался, и на следующий день Толстой подтвердил Давыдову свое мнение о спиритизме: в нем всё или самообман, которому поддаются и медиум и участники сеанса, или просто обман, устраиваемый профессионалами. [79]

Видимо, вскоре же после сеанса у Львова Толстой набросал два плана комедии. Предположение о том, что план комедии был набросан тотчас же после сеанса, находим в воспоминаниях Н. В. Давыдова. [80] Ряд данных заставляет почти с полной достоверностью утверждать, что работа над комедией была начата осенью 1886 г., одновременно или почти одновременно с работой над «Властью тьмы»; спиритический же сеанс на квартире у Н. А. Львова, на котором присутствовал Толстой, происходил, нужно думать, не позднее весны 1886 г.

Данные эти следующие. На недатированном листке почтовой бумаги, хранящемся в Толстовском архиве в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (папка XXXI) рукой Толстого сделан перечень десяти сюжетов, задуманных им. Здесь на третьем месте записано: «Месть надъ ребенком». Нужно думать, что за этой записью скрывается замысел «Власти тьмы», начатой осенью 1886 г. На четвертом месте стоит «Богачь», видимо, замысел переделки и окончания легенды Костомарова «Сорок лет», осуществленных также в 1886 г. На шестом месте – «Три загадки» – очевидно, замысел притчи, изложенной Толстым в письме к В. Г. Черткову от 20 июня 1887 г., исправленной им в начале июля того же года и позднее напечатанной под заглавием «Мудрая девица». На седьмом месте записано: «Комедия Спириты». Так пока-что называл Толстой будущие «Плоды просвещения», как явствует из этого перечня, задуманные не позднее 1886 г. К 1886 году нужно отнести и написание двух планов комедии (см. описание рукописей, относящихся к «Плодам просвещения», №№ 1 и 2).

В обоих планах еще нет заглавия комедии. Будущие Звездинцев и Сахатов фигурируют под фамилиями Львова и Самарина, т. е. теми самыми, какие носили живые участники сеанса, на котором присутствовал Толстой. Григорий, Шпюлер, переименованный затем в Гросмана, Василий Леонидыч, Бетси и ряд других персонажей комедии еще не названы. Зато в пьесе, судя по одному зачеркнутому месту, должен был быть выведен медиум Малчик, видимо, соответствовавший тому медиуму, который присутствовал на сеансе у Львова. В комедии он лишь упоминается под фамилией Капчича. В планах действует няня (Прасковья Афанасьевна по первому плану), соответствующая в комедии до известной степени камердинеру Федору Иванычу. В первом плане, до исправления его части, относящейся к 1-му действию, она является инициатором тех «спиритических» проделок с Семеном, благодаря которым мужики получают землю. В исправленном слое этого плана (1-е действие) и во втором плане проделки устраивает Таня, в соответствии с тем, что имеем и во всех редакциях комедии. Эта замена, в связи с тем, что второй план по содержанию вообще ближе к тексту обработанной комедии, и обуславливает собой ту хронологическую последовательность, которая принята нами для обоих планов. Эта последовательность подтверждается и пометкой, сделанной рукой Т. Л. Толстой на оборотной стороне текста с планом, считаемым нами вторым: «1-е Действие, 4 раза переправлено. 1886. 16 ноября. Ясная». Действительно, как видно из описания рукописей, именно второй план заключал в себе третью и четвертую редакцию конспекта 1-го действия.

Как указано в описании рукописей (№ 3), автограф 1-го действия и начала 2-го комедии, которая здесь уже озаглавлена «Исхитрилась!», находится в одной тетради с автографом 1-го действия «Власти тьмы» и написан непосредственно вслед за ним одними и теми же чернилами, с почти тождественными особенностями почерка. 1-е действие «Власти тьмы» было написано в двадцатых числах октября 1886 г. [81] Видимо, вскоре же после этого, вероятно во второй половине ноября, Толстой написал 1-е действие и часть 2-го комедии «Исхитрилась!». В это время он был прикован уже около двух месяцев к постели после тяжелого ушиба ноги. В середине октября его навещил в Ясной поляне А. А. Стахович, читавший ему Островского и Гоголя. Чтение Стаховичем

драматических произведений было мастерское, и оно побудило Толстого, как он сам признавался, судя по воспоминаниям Стаховича, взяться за писание пьесы. [82] Вероятно, Стахович и из Гоголя читал его драматические вещи. Из драм Островского Толстой особенно любил «Не так живи, как хочется», высоко ценил и «Ревизора» Гоголя. Возможно, что к писанию драмы его побудило чтение Островского, к работе же над комедией – Гоголя.

В январе 1887 г. уже прошли слухи о написании Толстым комедии. 30 января этого года В. В. Стасов писал Толстому: «Говорят, у вас написана еще какая-то комедия. Жду, не дождусь прочесть и эту вещь. Неужели в 1886 году у нас народилось не два новых Льва, [83] а три? Да всё что-то не верится». [84] Очевидно, Стасов услышал о работе Толстого над будущими «Плодами просвещения». Сам Толстой за несколько дней до представления «Плодов просвещения» в Ясной поляне в письме к Л. Ф. Анненковой от 25 [?] декабря 1889 г. писал: «Я кое-что пишу и между прочим совершенно неожиданно занялся комедией, которая у меня давно была набросана». (ГТМ). Слово «давно» достаточно определенно указывает на то, что речь идет о вещи, начатой за несколько лет до даты написания письма.

Черновой автограф 1-го действия значительно разнится от того, что намечено в обоих планах, а также от окончательного текста 1-го действия комедии. В нем отсутствуют еще следующие персонажи: артельщик от Бурдые, доктор, буфетчик Яков, Петрищев и мисс Брук, позднее замененная Марьей Константиновной. Эпизодически появляется старшая горничная, в следующих редакциях отсутствующая. В связи с этим количество явлений и сцен в автографе 1-го действия значительно меньше, чем в окончательном тексте того же действия. Отдельные сцены и реплики персонажей в подробностях также значительно разнятся от того, что читаем в окончательном тексте. Наиболее значительные особенности текста автографа по сравнению с окончательным текстом сводятся к следующему.

В начале действия Василий Леонидыч не зовет Григория и сам не появляется. Он появляется позднее и ведет разговор с Леонидом Федоровичем и с Бетси, затем исключенный из текста. С мужиками он почти не разговаривает. Таня сообщает мужикам, что им не удастся купить у барина землю, так как духи запрещают ему продать ее, и рассказывает им о том, что такое спиритизм (в окончательном тексте комедии об этом крестьяне узнают лишь во 2-м действии). Она же рассказывает мужикам, как она затягивает барыню. Собираясь помочь мужикам добыть землю, Таня просит отца Семена, чтобы в награду за это он позволил Семену жениться на ней. (В окончательном тексте Таня не ставит никаких условий, а обращается с просьбой помочь ей выйти замуж за Семена к Федору Ивановичу.) Барыня здесь появляется лишь эпизодически; она не волнуется оттого, что мужиков пустили в переднюю, не прогоняет их и не велит делать дезинфекцию. Леонид Федорович в конце концов соглашается отсрочить окончательное решение о продаже земли крестьянам до пятницы, тогда как в окончательном тексте он после совещания с духами категорически отказывает крестьянам в их просьбе. Речи мужиков значительно отличаются от тех речей, какими они говорят в окончательном тексте. 1-й мужик говорит обычной крестьянской речью, без всяких вычур; 2-й мужик не

пользуется в своей речи пословицами, меткими выражениями и сравнениями, как в окончательном тексте; 3-й мужик участвует здесь в действии меньше, чем в окончательном тексте. О том, что земля у мужиков малая и т. д., говорит не он, а 2-й мужик. Фамилия «Львов» отсутствует; вместо Львова – Леонид Федорович; но фамилия «Самарин» сохранена. Бетси, обращаясь к Василию Леонидычу, спрашивает: «Поедешь нынче к Капнистам?» Капнисты – семья, с которыми Толстые поддерживали в пору писания комедии знакомство. Граф Павел Александрович Капнист в ту пору был попечителем московского учебного округа. В их доме собиралась и веселилась светская молодежь. Присутствие в тексте автографа, как и в планах комедии, фамилий знакомых Толстых указывает на то, что по первоначальному замыслу комедия для печати не предназначалась. [85] Об этом, впрочем, говорит и сам Толстой в письме к профессору Н. П. Вагнеру от 25 марта 1890 г. Оправдываясь перед Вагнером, полагавшим, что он изображен в фигуре профессора-спирита, и сильно этим огорчившимся (см. ниже), Толстой писал ему: «Эта комедия давно была мною написана начерно и заброшена; явилась же она на свет божий нечаянно: дочери попросили ее играть, я стал поправлять, никак не думая, что она пойдет дальше нашего дома, а кончилось тем, что она распространилась. Это оправдание слабое, но всё-таки оправдание: если бы я прямо задумал ее для печати, очень может быть, что я такую не издал ее». [86]

Для 2-го действия в первоначальном автографе было написано лишь 1-е явление и часть 2-го.

Действие происходит в людской. 2-й мужик говорит о своих семейных делах, затем является Таня, напоминает мужикам об уговоре и велит Семену просить сейчас же о женитьбе. На этом текст автографа обрывается.

Написав два плана пьесы, 1-е действие и часть 2-го, Толстой прервал на значительное время работу над комедией. В сохранившемся перечне неосуществленных еще замыслов, датированном концом 1888 г. (рукопись ГТМ), значится и комедия «Исхитрилась!».

Работу над комедией Толстой возобновил лишь в конце марта 1889 г., в то время как он гостил в имении кн. С. С. Урусова, в с. Спасском. Он привез туда корректуры статьи об искусстве и начатую «Крейцерову сонату», над которыми там и работал, но прежде всего он взялся за окончание комедии, которой посвятил почти без перерыва восемь дней, только два раза отвлекшись для работы над корректурами статьи об искусстве. 25 марта он записывает в дневник: «Начал поправлять «Исхитрилась». Эту запись нужно понимать, очевидно, так, что Толстой стал поправлять 1-е действие комедии, написанное давно и переписанное рукой С. А. Толстой (см. описание рукописей, № 4). (Написанное начало 2-го действия не было продолжено и в процессе работы отброшено.) Исправив 1-е действие, он в течение нескольких дней написал начерно остальные три. 26 марта, в связи с работой над комедией, в дневнике записано: «Встал рано, напился чая и стал писать. Довольно хорошо шло». 28 марта там же записано: «Занимался, писал комедию плохо». В следующие два дня в дневнике такие записи: «Сел писать. Всё так же плохо, хотя и много» и «Написал конец 3-го действия. Всё очень плохо». 1 апреля Толстой записывает: «Написал 4-

й акт очень плохо... Вечером читал Урусову комедию, он хохотал, и мне показалось сносно». В тот же день он писал жене: «Все предшествующие дни я хотел кончить комедию и нынче дописал последний, 4-й акт, но до такой степени плохо, что даже тебе совестно дать переписывать. По крайней мере, с рук долой. И если захочется другой раз заняться этим, то буду поправлять».[87] Ту же неудовлетворенность написанной комедией Толстой высказал и в письме к В. Г. Черткову от 10 апреля того же года: «Кончил комедию, очень плохо» (АЧ).

Текст комедии в том виде, как он был написан и частью переработан в Спасском, представляет собой следующие особенности.

1-е действие было исправлено так, что оно во многом приблизилось к окончательной его редакции. В него между прочим введены новые персонажи – буфетчик Николай, позднее фигурирующий под именем Якова, приятель Василия Леонидыча Петров, позднее Петрищев (ему усвоены в разговоре с Бетси некоторые реплики, ранее произносившиеся Василием Леонидычем) и доктор; развита сцена встречи барыни с мужиками. Речи 1-го и 2-го мужиков также приближены к тем, какими они говорят в окончательной редакции комедии. 1-й мужик начинает употреблять витиеватые фразы, 2-й – уснащает свою речь пословицами и поговорками. Леонид Федорович окончательно отказывается подписать бумагу и возвращает ее мужикам, а не передает Тане.

Текст следующих действий в основном содержит в себе наиболее существенные моменты комедии, имеющиеся и в окончательной ее редакции. Последующая обработка пьесы свелась преимущественно не к коренным переделкам написанного, не к устранению отдельных ситуаций или существенных для развития действия персонажей, а лишь к пополнению текста новыми ситуациями, репликами и новыми персонажами, но так, что ни основной смысл пьесы, ни развертывание ее интриги, ни характеры персонажей не подверглись сколько-нибудь существенным изменениям.

В автографе 2-го действия еще отсутствуют такие персонажи, как старый повар, кучер, баронесса; попрежнему отсутствует мисс Брук, позднее замененная Марьей Константиновной. Фамилия гипнотизера еще не Гросман, а Шпюлер, и он говорит ломаным русским языком. Имя и отчество камердинера «Аркадий Кузмич» изменено на «Федор Ивановыч» без соответствующего исправления в тексте 1-го действия. Семен, появляющийся в людской, еще не подвергался предварительным спиритическим опытам, как в окончательной редакции. Буфетчик Николай (позднее Яков) участвует в действии меньше, чем в окончательной редакции. В людскую вместе с Самариным (позднее Сахатовым) входит не Василий Леонидыч, а Петров (позднее Петрищев); они кладут в голенище 3-го мужика ключ (а не в его сумку чайную ложечку); эпизод шуточного обличения 3-го мужика в краже и самооправдания его отсутствует.

В 3-м действии сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, в автографе отсутствует; поэтому Бетси, не очень заинтересованная в сеансе, вместе с Петровым уходит с него (Василий Леонидыч в этой сцене вовсе не упоминается); но, забыв о том, что Бетси и Петров ушли, Толстой заставляет их произнести во время сеанса по одной

реплике. Речь профессора здесь гораздо короче, чем в окончательной редакции 3-го действия.

4-е действие значительно кратче того же действия в окончательной редакции. В нем отсутствует эпизод с шарадой; буфетчик, который здесь уже называется Яковом, действует и говорит меньше, чем в печатном тексте, нет разговоров лакеев о том, как господа относятся к заразам; в разговоре с Таней и Яковом барыня не бранит их. Нет сцены появления мужиков, так как они присутствуют с начала действия; однако их участие в действии минимально по сравнению с текстом окончательной редакции. Реплики персонажей здесь также значительно кратче, чем в печатном тексте. С другой стороны, в тексте действия есть сцена приставания Григория к Тане, запугивания ее и расправы Семена с Григорием. В сцене, соответствующей 5-му явлению печатной редакции, появляется офицер, ведущий беседу с Кисленским (позднее Коко Клингеном). Роль офицера впоследствии была уничтожена и слита с ролью Петрищева. Таня, желая оставить службу, обращается к посредству не Федора Ивановича, а экономки, персонажа позднее исключенного из пьесы. Роль дамы здесь – без слов, роль барина без слов отсутствует.

Написав в Спасском начерно комедию, Толстой охладел к ней и долго не принимался за ее обработку. Когда выяснилось, что «Крейцера соната», обещанная Толстым для готовившегося сборника в память С. А. Юрьева, запрещена цензурой к печати, Толстой пообещал вместо нее дать в сборник свою комедию и весной и летом 1889 года несколько раз принимался за ее обработку. Так, видимо к весне этого года относится работа над рукописью, описанной под № 5 и датированной рукой С. А. Толстой 29-м мая 1889 г. В письме к Н. Н. Ге-старшему от 24 июня этого года [88] он упоминает о работе над комедией. 8 июля в связи с этой работой он записывает в дневник: «Думал к комедии: один из мужиков остряк». 1 августа там же записано: «Взялся было за комедию, но противно и совестно».

Работа над пьесой была возобновлена Толстым лишь в декабре по инициативе его дочери Татьяны Львовны, только что вернувшейся из за границы и затеявшей в Ясной поляне домашний спектакль. Об этом Толстой пишет в цитированном письме к Л. Ф. Анненковой от 25 [?] декабря 1889 г.: «Таня дочь затеяла спектакль и попросила у меня [комедию]; я согласился и вот поправил ее кое-как, и вот они играют у нас на праздниках». (ГТМ). (Ср. о том же в упомянутом письме к Н. П. Вагнеру от 25 марта 1890 г.) К продолжению работы над комедией побуждал Толстого и домашний учитель А. М. Новиков, восхищавшийся каждой ее фразой и неоднократно очень усердно переписывавший ее. 12 декабря Толстой записывает в дневник: «Вчера Алексей Митрофанович восхищался моей комедией. Мне неприятно даже вспомнить».

Несмотря на полное охлаждение к своей пьесе и отрицательное отношение к задуманному спектаклю, как к ненужной затее богатых и праздных людей, Толстой всё же под влиянием уговоров молодежи взялся за обработку комедии, не переставая однако испытывать смущение и недовольство этой работой. Под 13–17 декабря он записывает в дневник: «Пробовал поправлять комедию. Остановился на середине 1-го акта». 18 декабря там же записано: «Немного поправлял нынче комедию,

1 акт. Нехорошо». 22 декабря в дневнике следующая запись: «Все три дня поправлял комедию. Кончил. Плохо. Приехало много народу, ставят сцену. Мне это иногда тяжело и стыдно, но мысль о том, чтобы не мешать проявлению в себе божества, помогает». Съехавшаяся в Ясную поляну для участия в спектакле молодежь принялась за переписку текста комедии и отдельных ролей из нее. Исправленные тексты переписывались по несколько раз. Одновременно шли репетиции, на которых присутствовал Толстой и которые давали ему новый материал для исправлений и переработки текста комедии. Эти исправления и переработки иногда делались в применении к индивидуальности того или иного исполнителя роли. Так, талантливое исполнение роли 3-го мужика В. М. Лопатыным заставило Толстого уже в процессе репетиций переработать и увеличить эту роль; также в процессе репетиций была увеличена и роль профессора, исполнявшаяся Н. В. Давыдовым. Во время репетиций была задумана и роль старого повара (записи, относящиеся к ней – в записной книжке под 25 декабря 1889 г.), но в пьесу она была введена уже после яснополянского спектакля. Репетиции происходили и в Туле, где еще находилась часть участников спектакля. 27 декабря Толстой записывает в дневник: «Дети все уехали в Тулу репетировать. Тяжело от лжи жизни, окружающей меня, и того, что я не могу найти приема указать им, не оскорбив их, их заблуждения. Играют мою пьесу и, право, мне кажется, что она действует на них и что в глубине души им всем совестно и оттого скучно. Мне же всё время стыдно за эту безумную трату среди нищеты [...] Вчера была репетиция, пропасть народа, всем тяжело». Под 29–31 декабря в дневнике записано: «Всё время были репетиции, спектакль, суeta, бездна народа, и всё время мне стыдно [...] Теперь 8-й час вечера, хочу написать письмо и, если успею, поправлять комедию».

Первое представление комедии в Ясной поляне состоялось 30 декабря 1889 г. До нас не дошел текст пьесы в той его стадии, в какой он исполнялся на яснополянской сцене. Он заключается в рукописях, описанных под №№ 8–11. Но текст этих рукописей, ранее исправленных Толстым, после представления 30 декабря подвергся новым авторским исправлениям, и мы в точности не можем разграничить разновременные стадии этих исправлений. Однако, руководствуясь воспоминаниями участников и зрителей яснополянского спектакля, [89] а также сохранившейся в Государственном Толстовском музее в Москве его афишей, мы можем указать главные особенности текста пьесы, разыгранной в Ясной поляне. Заглавие комедии было уже не «Исхитрилась!», а «Плоды просвещения». Роли артельщика от Бурдые, кучера и баронессы еще отсутствовали. Роль старого повара, предварительные записи к которой были сделаны в записной книжке уже 26 декабря, может быть, ко времени спектакля и была написана, но в спектакль не введена, очевидно, в виду краткости времени, оставшегося до спектакля. [90] Сцена встречи в 1-м действии доктора с Сахатовым была уже введена в текст комедии, хотя и не в той редакции, что в печатном тексте, но сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, еще отсутствовала. Большинство имен действующих лиц звучало так же, как и в печатном тексте комедии, но вместо Гросмана еще фигурировал Шпюлер, говоривший ломаным русским языком с немецким акцентом и притом значительно меньше, чем в печатном тексте, вместо Марьи Константиновны – мисс Брук, произносившая английские фразы.

Участниками спектакля, кроме молодых Толстых, были их знакомые и друзья, большею частью «зеленая» молодежь. Некоторые из актеров были люди среднего возраста, как В. М. Лопатин и Н. В. Давыдов, режиссер спектакля. Особенно удачно выступал В. М. Лопатин, тогда мировой судья, впоследствии актер московского Художественного театра, талантливо проведший роль 3-го мужика. Как удачных исполнителей, авторы воспоминаний называют М. Л. Толстую – кухарку, А. М. Новикова – буфетчика Якова, С. А. Лопухина – Звездинцева, С. Э. Мамонову – толстую барыню, Н. В. Давыдова – профессора Кругосветлова, Т. Л. Толстую – Таню.

Непосредственно вслед за постановкой «Плодов просвещения» на яснополянской сцене Толстой взялся за их переделку и дополнение. Как видно из приведенной записи дневника от 31 декабря, за дальнейшую работу над комедией Толстой принялся на следующий же день после спектакля. Дальнейшие записи дневника, относящиеся к этой работе, следующие. – 3 января 1890 г.: «1-го целый день поправлял комедию, недурно». 4 января: «Грустил о своей дурной жизни и – странное дело – всё придумывал подробности к комедии – недурные». 5–9 января: «Два дня возился с комедией – всё вписывал то, что приходило в голову. Странное художественное увлечение». 11 января: «Опять комедию». 13 января: «Я поправлял комедию». 14 января: «Были Янжул, Стороженко, Самарины, Давыдов, Раевская. Я им читал комедию». 18 января: «Вчера переписывал комедию, а нынче взял опять исправлять. Она плоха». 19 января: «Поправлял комедию и кончил. Плоха комедия». 20 января: «Утром ходил один, и опять пришли разные пустяки о комедии, которые и стал вписывать». 21 января: «Поправлял комедию [...] Странное дело – эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, ее бы не читали и одна миллионная тех, которые читали ее теперь. Надо заострить художественное произведение, чтоб оно проникло. Заострить – и значит сделать ее совершенной художественно. Тогда оно пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое». 22 января: «Встал рано, поправлял всё утро комедию. Надеюсь, что кончил». 24 января: «Утро поправлял комедию всю сначала. До самого обеда не кончил». 25 января: «Поправлял, сколько помнится, комедию, 4-й акт. Вечер разговаривали и прочел комедию. [91] Всё тщеславие». 7–9 февраля. «Поправлял комедию». 10 февраля: «Переписывали комедию» (Последняя запись, очевидно, обозначает, что в переписке принимал участие и сам Толстой.)

О работе над пьесой Толстой в это время упоминал и в письмах к своим друзьям. 15 января он писал Черткову: «Последнее время комедия, которую у нас играли, так захватила меня, что я более 10 дней всё ею занимался, исправлял, дополнял ее с художественной точки зрения. Вышло всё-таки очень ничтожное и слабое произведение, но дело в том, что я на этом увидел, какое это унижающее душу занятие – искусство. Человеку нынче, завтра умереть, и вдруг он озабоченно записывает фразу, которая в духе известного лица и смешна; и радуешься, что нашел. Вообще было совестно, но теперь кажется, кончил» (АЧ). 17 января Толстой писал П. И. Бирюкову: «По случаю игры комедии я всё время поправлял ее и даже после исправлял ее. Очень низкое и увлекающее занятие» (АТ). В тот же день он писал В. В. Рахманову:

«Занимался глупостями, исправлял комедию» (ИРЛ). В письме к Н. Н. Ге-младшему от 10–18 февраля Толстой пишет: «Я, поминая вас, как вы смеялись, дописал комедию, и совестно» (ИРЛ).

В записные книжки Толстой вносил многочисленные записи отдельных ситуаций, реплик и слов, относящихся к работе над «Плодами просвещения». Из этих записей одна относится к 9–10 апреля 1889 г., остальные – ко времени от 18 декабря 1889 г. до 11 февраля 1890 г. В огромном большинстве случаев они использованы в тексте комедии; неиспользованные записи имеют второстепенное значение. [92]

После яснополянского спектакля в текст пьесы постепенно были введены следующие дополнения и исправления. В состав действующих лиц вошел старый повар и затем артельщик от Бурдые, мисс Брук заменена Марьей Константиновной, введена роль кучера, увеличены роли Шпюлера и профессора, введена сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани, в 4-е действие введен эпизод с шарадой, [93] названа фамилия профессора – «Кутлер», исправленная затем на «Кутлеров» и окончательно в списке действующих лиц замененная фамилией «Кругосветлов»; фамилия Шпюлер исправлена на «Гросман», введена роль баронессы; количество явлений в отдельных актах увеличено. (Работа над текстом комедии показана в описании рукописей, относящихся к ней.)

Точное количество редакций текста «Плодов просвещения» не может быть определено, так как одна и та же рукопись часто исправлялась несколько раз и, следовательно, заключает в себе, по меньшей мере, две редакции, если под редакцией понимать всякую переделку текста, хотя бы и не меняющую существенно общего смысла произведения и его композиции (так именно и протекала работа Толстого над «Плодами просвещения»). Во всяком случае, таких редакций всей пьесы в целом было не менее 7-ми – 8-ми, считая и те исправления, которые были сделаны в корректуре. Из всех персонажей комедии в процессе работы над ней наиболее существенной обработке и даже переработке подвергся Шпюлер, переименованный в одной из последних редакций в Гросмана. В первых редакциях это немец, говорящий ломаным русским языком, скорее спирт, чем гипнотизер (он назван спиритом между прочим в списке действующих лиц, написанном рукой С. А. Толстой), нигде не рекомендуемый в качестве известного и популярного отгадывателя мыслей. Постепенно он вырисовывается именно как известный гипнотизер, угадыватель мыслей. Количество и размер его реплик увеличивается, речь становится «ученой» и пересыпается ссылками на западно-европейских теоретиков гипнотизма; ломаный русский язык заменяется обычной разговорной речью и, наконец, фамилия «Шпюлер» заменяется фамилией «Гросман», с ремаркой; «брюнет еврейского типа».

Несомненно, развитие роли Шпюлера и превращение Шпюлера в Гросмана произошло в результате знакомства Толстого с очень известным и популярным в ту пору гипнотизером О. И. Фельдманом. [94] Когда Толстой в Спасском писал продолжение комедии, в котором выступает Шпюлер, он еще не знал Фельдмана или, может быть, знал его лишь по наслышке. Но вернувшись из Спасского в Москву, он вскоре же познакомился с ним. Фельдман был у Толстого дважды – в апреле 1889 г. 17 апреля этого года Лев Николаевич записывает в дневник: «Пришел

Фельдман, гипнотизер. Шарлатанство, а что не шарлатанство, то не нужно. Свел его к Гроту», 29 апреля в дневнике записано: «После завтрака был Фельдман. Пустяки».

Толстой заинтересовался нашумевшим гипнотизером и, как видим, даже отправился с ним к председателю психологического общества Н. Я. Гроту, с тем чтобы Грот устроил заседание общества с участием Фельдмана. Когда Фельдман в 1891 г., напоминая о своих визитах, обратился к Толстому с письменной просьбой принять у себя одну психически расстроенную девушку, полагая, что это может иметь благотворное влияние на больную, Толстой, отказав в этой просьбе, писал Фельдману: «Ваше напоминание о нашем свидании было излишне, потому что я очень хорошо помню приятное и интересное знакомство с вами». [95] В процессе обработки комедии Толстой однако лишь постепенно наделял своего персонажа-гипнотизера чертами сходства с Фельдманом. Последним штрихом, устанавливавшим это сходство, было усвоение гипнотизеру – персонажу комедии, фамилии созвучной с фамилией реального гипнотизера и ремарки «брюнет еврейского типа» (Фельдман был еврей). [96] Современники же сразу усмотрели в фигуре Гросмана черты популярного гипнотизера, и актер московского Малого театра Гарин-Виндиг, игравший в «Плодах просвещения» роль Гросмана, загримировался под Фельдмана, который после этого написал ему резкое письмо и привлек его к суду.

Как сказано выше, и другие персонажи комедии носят на себе черты портретного сходства. Таковы прежде всего Звездинцев и Сахатов, прототипами для которых послужили Н. А. Львов и П. Ф. Самарин. В ранних редакциях пьесы вместо барона Коко Клингена фигурирует Кисленский. Прототипом его был, очевидно, Николай Андреевич Кислинский, сын председателя тульской губернской земской управы – знакомого Толстого. Прототипом мисс Брук была, вероятно, гувернантка Толстых мисс Лейк, а Марьи Константиновны – жившая в доме Толстых в Ясной поляне с 1887 г. учительница музыки, консерваторка Екатерина Николаевна Кашевская.

Участник спектакля А. В. Цингер сообщает, что в толстой барыне узнавали жену поэта А. А. Фета – Марию Петровну. [97] Другой участник спектакля, непрестанно следивший за процессом создания пьесы, А. М. Новиков пишет: «В пьесе оказалось много тонко подмеченных черт быта Толстых, Раевских, Трубецких, Самариных, Философовых и других знакомых мне дворянских помещичьих семей». И далее: «Пьеса была живым изображением жизни тогдашнего высшего дворянства, даже фамилии действующих лиц были сначала взяты из действительной жизни... Играли этих действующих лиц как раз те или почти те, с кого они были списаны (даже прислуга – Яша, Федор Иванович, лакей, повар – служили в доме Толстых)». [98] Как указано в описании рукописей фамилия профессора звучала сначала Кутлер, затем Кутлеров, т. е. созвучно с фамилией знаменитого химика и в то же время спирита академика и профессора – А. М. Бутлерова, умершего в 1886 г. Когда друг А. М. Бутлерова – профессор – зоолог Н. П. Вагнер, убежденный спирит, прослушал в заседании русского литературного общества 12 марта 1890 г. комедию Толстого, ходившую уже в списках по рукам, он в обрисовке профессора Кругосветлова (тогда фамилия профессора звучала уже так) усмотрел издевательство над собой и Бутлеровым и по этому поводу 13

марта отправил Толстому резкое укорительное письмо, в котором писал: «Вчера я был в заседании Русского литературного общества и слушал вашу комедию «Плоды просвещения». Я пошел слушать это произведение, не веря тому отзыву, который был помещен в «Новом времени». Я говорил себе: «Не может быть! Не может быть, чтобы такой громадный талант, как Толстой, унизил себя до пасквиля на профессоров и ученых. К крайнему сожалению, это оказалось правда! Мне тяжело и больно было слышать, как вы с обычным вам художественным мастерством глумились надо мной и моим покойным другом А. М. Бутлеровым» (АТ). Вагнер был личным знакомым Толстого и, как видно из следующего его письма от 17 апреля (АТ), за несколько лет перед этим беседовал с ним по вопросам спиритизма, тщетно стараясь убедить его в том, что «спиритизм – истина».

В ответ на это письмо в своем письме от 25 марта Толстой просил у Вагнера прощения за доставленное ему огорчение. Свидетельствуя ему свое уважение и любовь и объясняя историю появления комедии на свет (см. выше), писал: «О вас и о Бутлерове я никогда не думал, пиша комедию. Про Бутлерова всё, что я знал, внушало мне уважение к нему, к вам я уже говорил вам, какие я имею чувства. Профессор же является как олицетворение того беспрестанно встречающегося комического противоречия: исповедание строгих научных приемов и самых фантастических построений и утверждений». Оправдывая себя всё увеличивающимся с годами отвращением ко всякого рода суевериям, к которым причислял и спиритизм, Толстой в заключение письма говорит: «Я скажу, как дети: простите, это в первый и последний раз, последний раз потому, что раз высказавшись, я уже не буду никогда впредь говорить с вами о спиритизме, а, если вы не лишите меня своей дружбы и общения, буду общаться с вами теми сторонами, которые у нас согласны». [99]

Работа над отделкой комедии продолжилась, видимо, до апреля 1890 г., а затем в мае и в июне, во время правки корректур. Как видно из письма к Толстому Н. И. Стороженко от 26 апреля 1890 г. (АТ), он накануне получил рукопись «Плодов просвещения», предназначенную для напечатания в сборнике в память С. А. Юрьева. Эта рукопись, содержащая в себе текст последней – докорректированной редакции комедии и, весьма вероятно, собственноручно исправленная Толстым, до нас не дошла. В записях его дневника от 18 и 25 мая и 14 июня упоминается о правке им корректур «Плодов просвещения». Те второстепенные по преимуществу, хотя и довольно многочисленные текстовые отличия, которые существуют между текстом рукописей, описанных под №№ 20–23 (последняя из дошедших до нас рукописных редакций комедии), и печатным текстом комедии, явились в результате работы над пьесой, которая была проделана в тексте, отданном в печать, и в корректурах. Последняя корректура «Плодов просвещения» в верстке до нас не дошла.

Впервые «Плоды просвещения» были напечатаны, видимо без каких-либо цензурных изъятий, в книге «В память Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М. 1891, стр. 1–95. В том же году пьеса была перепечатана в тринадцатой части сочинений Толстого (М. 1891).

Но еще до появления в печати комедия стала достоянием читателей и зрителей. Она ходила в списках в редакции, представленной текстом рукописей, описанных под №№ 20–23. (Один из таких списков сохранился в рукописном отделении ГТМ.) Имея в виду такие списки, Толстой писал П. С. Алексею 9 апреля 1890 г. в связи с запросами переводчиков, обращенными к Алексею: «По настоящему комедия, которая ходит по рукам, не готова к печати и потому к переводу. Когда она будет печататься (я думаю в сборнике Юрьева), тогда пусть переводят, если думают, что это нужно» (ГТМ).

Успех спектакля в Ясной поляне побудил Н. В. Давыдова просить у Толстого разрешения поставить «Плоды просвещения» в Туле, платно, в пользу исправительного приюта. Толстой согласился с условием, что Давыдов возьмет на себя хлопоты перед драматической цензурой о постановке пьесы на сцене. Благодаря связям Давыдова при дворе, комедия, встретившая первоначально в цензуре настороженное к себе отношение только потому, что ее написал Толстой, была вскоре разрешена к постановке с исключением из текста лишь нескольких слов, в том числе слова «монах», которое прилагалось к имени являющегося на спиритические сеансы Звездинцева духа Николая.

Спектакль был поставлен в апреле 1890 г. в зале дворянского собрания силами актеров-любителей, частично и участников яснополянского спектакля. [100] На одну из репетиций пьесы 12 апреля пришел из Ясной поляны Толстой, отметивший это посещение в дневниковой записи 13 апреля: «Вчера пошел после обеда в Тулу и был на репетиции. Очень скучно. Комедия плоха – дребедень». 19 апреля того же года «Плоды просвещения» были поставлены в Царском селе, в Китайском театре, в пользу бедных города, также силами любителей из аристократических слоев общества, преимущественно царскосельского. Судя по афише спектакля, в тексте пьесы, поставленной в Царском селе, еще отсутствовали роли артельщика от Бурдые и старого повара. На спектакле присутствовали государь с государыней, великие князья с семьями и столичная знать. [101]

Несмотря на то, что драматическая цензура разрешила «Плоды просвещения» к представлению, главное управление по делам печати отменило это разрешение. 26 апреля 1890 г. министр внутренних дел Дурново представил Александру III следующий доклад:

«Пьеса графа Льва Николаевича Толстого «Плоды просвещения» была одобрена драматической цензурой, не нашедшей в ней ничего предосудительного, но главное управление по делам печати приостановило ее в виду толков в некоторых кругах общества, будто автор намеревался осмеять в этой комедии дворянское сословие. Признано было более благоразумным выждать, какое впечатление произведет эта пьеса на публику, для которой она не могла оставаться долго тайной. В настоящее время опыт уже сделан, ибо новое драматическое произведение графа Толстого было разыграно в Москве и некоторых других городах на любительских театрах, а в газетах появились подробные о ней отчеты, причем вовсе не обнаруживается, чтобы общество усмотрело в ней злостный и оскорбительный для целого сословия памфлет. На основании сего представляется, кажется, возможным разрешить пьесу «Плоды просвещения» для сцены, тем более,

что запрещение, лежащее на ней, придает ей искусственно значение, какого она в сущности не заслуживает».

На этом же докладе рукой министра внутренних дел Дурново написано решение Александра III: «Его величество изволит находить эту пьесу неудобною для сцены, на любительских же театрах она может быть разрешена». В виду этого главное управление по делам печати 28 апреля 1890 г. разослало всем губернаторам подписанный Е. М. Феоктистовым циркуляр, запрещающий постановку в театрах «Плодов просвещения» и разрешавший ее к исполнению только на любительских спектаклях. Когда по недосмотру местной власти «Плоды просвещения» были поставлены в марте 1891 г. в харьковском драматическом театре, циркуляром того же Феоктистова от 11 марта 1891 г. было вновь подтверждено запрещение ее постановки в театрах, с разрешением, как и прежде, лишь любительских постановок, но на этот раз с оговоркой: «по усмотрению гг. губернаторов». Постановка «Плодов просвещения» была разрешена сначала лишь в императорских театрах (26 сентября 1891 г. они были поставлены в Александринском театре). С ноября 1893 г. пьеса к постановке в провинции разрешалась в каждом отдельном случае. И только в апреле 1894 г. был разослан общий циркуляр о разрешении «Плодов просвещения» во всех столичных и провинциальных театрах. [102]

Печатаемая в настоящем издании текст комедии по сборнику «В память С. А. Юрьева», в списке действующих лиц исправляем явную опечатку: «Барыня (без слов)» на «Барин (без слов)». В комедии вовсе не фигурирует «барыня без слов», в 14-м же явлении 4-го действия появляется «Барин пожилой» без слов. Появление барина (а не барыни) отмечено собственноручно Толстым в рукописи № 5.

В 17-м явлении 1-го действия, стр. 109, строка 4, «Аксиньи солдатки» исправляем на «Аксиньи солдатки покойной» по рукописи № 4. В 14-м явлении 2-го действия, стр. 172, строки 18–20, «из носу течет» исправляем на «из носу сопли текут» и «Из носу-то течет» на «Сопли-то текут» – по наборной рукописи № 28. Чтения печатного текста принадлежат С. А. Толстой, сделавшей соответствующие поправки в корректуре (№ 29), очевидно, из соображений благопристойности. В 16-м явлении того же действия, стр. 179, строка 12, написание «Рождества» исправляем на «Рожества», – по рукописи № 4. В 19-м явлении 3-го действия в реплике, произносимой Гросманом: «Как вы желаете, чтоб я усыпил субъект» слово «субъект» исправляем на «субъекта» – по рукописи № 22. Искажения вкрались в результате промахов переписчиков.

Сокращенное обозначение действующих лиц, принятое в тексте сборника «В память С. А. Юрьева», всюду заменяем полным.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУРЫ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ПЛОДАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ».

Все рукописи, относящиеся к «Плодам просвещения», за исключением наборной рукописи, хранящейся в Государственном Литературном музее (шифр 2457/5), и небольшой вставки в несколько строк к 30-му явлению 1-го действия, хранящейся в Государственном Толстовском музее в Москве (папка 19), хранятся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина – папки XXX, 28, 44 и 45. Корректурa «Плодов просвещения» в гранках хранится в Государственном Литературном музее (шифр 2457/3).

1. Автограф на 1 листе *in folio*, исписанном до конца с одной стороны. План всех четырех действий комедии. Судя по цвету чернил и по содержанию, в нем были сделаны исправления и приписки, относящиеся к первому действию, после того как был написан план первых двух действий.

2. Автограф на 1 листе *in folio*, исписанном не до конца с одной стороны. План первых трех действий комедии. Судя по цвету чернил и по содержанию, в нем были сделаны исправления и вставки, после того как он был написан целиком. На оборотной стороне листа рукой Т. Л. Толстой написано: «1-е действие. 4 раза переправлено» и поставлена дата – «1886, 16 ноября. Ясная».

Печатаем оба плана целиком, воспроизводя все существенное из зачеркнутого.

3. Автограф 1-го действия и начала 2-го комедии, озаглавленной здесь «Исхитрилась!» Занимает лицевые и оборотные стороны листов 12–21 и 27 переплетенной в коленкор тетради и 34 нумерованных листа плотной бумаги в 4°. Текст поделен на явления. В середине текста 1-го действия – план его окончания. На переплете наклеена полоска бумаги, на которой рукой С. А. Толстой написано: «Рукопись драмы «Власть тьмы» и начало неоконченной и неизданной комедии «Исхитрилась». На первых 11-ти листах этой тетради – автограф 1-го действия «Власти тьмы»; листы 22–26 и 28–34 – чистые. На лицевой стороне 12-го листа рукой Толстого написано: Дѣйствіе I. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ «Исхитрилась!» На оборотной стороне этого листа его же рукой сверху страницы написано: Дѣйствующія лица и внизу ее – Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Пространство между этими двумя записями не заполнено. Сбоку на полях, против слов 2-го мужика, сделана характеристика всех трех мужиков:

1-й мужикъ – разговорщикъ, поддакиваетъ. 2-й – Семеновъ отецъ – угрюмый, прямой, грубый. 3-й – тихій, кроткій, отъ товарищей не отставалъ.

Ниже, также на полях, после ремарки об уходе наверх Василия Леонидыча, написан план окончания 1-го действия, затем зачеркнутый:

Таня выговариваетъ согласіе отца. Ее зовутъ затягивать. Барыня съ дочкой сходятъ, гримасничаютъ с братомъ, бранят мужиковъ. Выходитъ баринь. Отказъ. Мужики уходятъ. Таня встречается барина въ сѣняхъ. О Семень. Приходитъ Семень съ запиской. Баринь уходитъ. Таня ему велитъ. Онъ целуетъ.

В левом верхнем углу той же оборотной страницы написано:

У меня силы нынче, духи. Я тебя такъ располохну. Идетъ жаловаться барину. Семень отосланъ [?].

Из текста этого автографа извлекаем варианты № 1 (1-е действие, л. 16) и № 2 (всё начало 2-го действия, л. 27).

4. Рукопись на 36 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и Толстого. Исправленная автором копия автографа первого действия комедии, описанного выше, и вслед за ней автограф следующих трех действий. На обложке рукой С. А. Толстой написано: «Исхитрилась. 2-я черновая. Май 1889 г.» и рукой Толстого внизу: «Проба пера». На следующем листе, на лицевой его стороне, рукой Софьи Андреевны повторено заглавие и рукой Толстого написано: «Какъ бы смотрѣли на челоуѣка, котораго всетаки надо съѣсть». На оборотной стороне этого листа перечень действующих лиц 1-го действия, написанный рукой С. А. Толстой. Текст этой рукописи, представляющий собой первую черновую редакцию всей комедии, печатаем целиком.

5. Рукопись на 60 большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой М. Л. и С. А. Толстых, с исправлениями и дополнениями на отдельных вставных листах рукой Толстого. В ремарках, переписанных рукой С. А. Толстой, сделаны некоторые добавления по сравнению с текстом рукописи № 4. Исправления в первом действии, судя по цвету чернил, производились дважды. Копия предыдущей рукописи. На лицевой стороне 1-го листа (обложке) написанное рукой М. Л. Толстой заглавие комедии («Исхитрилась!»), на оборотной – перечень действующих лиц ее же рукой и рукой С. А. Толстой. Рядом с именами персонажей комедии рукой Т. Л. Толстой записаны карандашом имена исполнителей ролей. В конце текста рукой С. А. Толстой дата 29 мая 1889 г. Исправления очень многочисленны. Большая часть из них касается частных комедии. Из более значительных дополнений нужно отметить введение эпизода, соответствующего 5-му явлению 2-го действия (беседа Сахатова с доктором, совершенно отличная от той, какую имеем в окончательной редакции, см. вариант № 3), эпизода с Таней, Григорием и Федором Ивановичем, в следующей рукописи исключенного (см. вариант № 4), и эпизодов, соответствующих явлениям 8-му и 10-му 4-го действия. Эпизод, в котором Таня рассказывает мужикам о затягивании ею барыни, Толстой перенес из 1-го действия во 2-е, сделав в соответствующем месте в тексте 2-го действия отметку: «сцена о затягивани». У ряда персонажей изменены их фамилии и имена. Так, фамилия «Самарин» исправлена сначала на «Сахарин», затем на «Сахаров» и, наконец, на «Сахатов»; имя и отчество этого персонажа, обозначенное сначала лишь буквами П. Ф. (инициалы имени и отчества Петра Федоровича Самарина), исправлено на «Сергей Иванович». Фамилия «Петров» исправлена на «Петрищев». Этот же персонаж заменил собой офицера в 5-м явлении 4-го действия, но здесь он, по забывчивости, Толстым вновь назван Петровым. Фамилия «Кисленский» заменена фамилией «Клинген» и добавлено его имя «Коко». Имя и отчество Шпюлера – «Трифон Никифорович» заменено другим – «Антон Борисович»;

имя и отчество профессора – «Виктор Александрович» исправлено на «Алексей Владимирович». Имя буфетчика «Николай» всюду переделано на «Яков». В 1-м действии введен новый персонаж – компаньонка Бетси – мисс Брук (позднее вместо нее фигурирует Марья Константиновна); в 4-м действии введен барин без слов и устранен один эпизодический персонаж – экономка; устранена сцена приставания Григория к Тане и следующая за нею сцена расправы Семена с Григорием (вместо этого – жалоба Григория барыне на Семена); добавлено рассуждение лакеев об отношении господ к заразам.

6. Рукопись на 37 нумерованных листах (2 чистых) в 4° (две ученические тетради), исписанных с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, без поправок рукой Толстого. Копия части предыдущей рукописи. Заключает в себе полностью два первых действия и пять явлений 3-го. Привлекаем эту рукопись на том основании, что она воспроизводит лишь первый слой поправок, сделанных в первом действии, и таким образом помогает отграничить этот первый слой от второго. Текст второго и части третьего действия списан с текста, еще не исправленного Толстым. В копии несколько отступлений от оригинала в ремарках и в перечне действующих лиц.

7. Рукопись на 18 листах (два чистые) в 4° (расшитая ученическая тетрадь), исписанных рукой Т. Л. Толстой и А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого. Копия первых и последних явлений 1-го действия по рукописи, описанной под № 5. Первые 11 листов не нумерованы, остальные 7 – нумерованы рукой Толстого по страницам (5–18). 7 листов из этой рукописи переложены в рукопись, описанную под № 8. Помимо ряда исправлений, в тексте сделаны сокращения, дополнения и перестановки отдельных явлений. В явлении 2-е введен между прочим голос Василия Леонидыча за сценой и написано явление 4-е.

8. Рукопись на 30 нумерованных листах в 4° (ученическая тетрадь с вложенными в нее страницами), исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и М. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого черными и красными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 1-го действия. Первые четырнадцать явлений в рукописи представляют собой копию соответствующей части рукописи, описанной под 7, остальные – соответствующей части рукописи № 5 и остальной части рукописи № 7. 7 листов, как указано, переложены сюда из рукописи № 7. Одного листа недостает. Заглавие «Исхитрилась!» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано: «Плоды просвещения». Многочисленные исправления в рукописи сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции пьесы. Здесь впервые введена сцена, соответствующая 61-му явлению в окончательной редакции (Таня просит Федора Ивановича помочь ей выйти замуж за Семена).

9. Рукопись на 20 нумерованных листах в 4° (два чистые), в тетрадной обложке, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой и А. М. Новикова, с исправлениями и дополнениями на трех вставных листах рукой Толстого черными и красными чернилами. В нумерации допущена ошибка: вслед за цифрой 11 идет цифра 13. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 2-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5; эпизод с

затягиванием, перенесенный сюда из 1-го действия, переписан по той же рукописи. В ремарках, переписанных рукой С. А. Толстой, несколько лишних слов, не восходящих к оригиналу. Исправления и перестановки, сделанные в рукописи, сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции 2-го действия. Здесь впервые введена фигура старого повара и написан текст, соответствующий концу 11-го и большей части 12-го явлений в окончательной редакции.

10. Рукопись на 18 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой С. А. Толстой, А. М. Новикова и Т. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого черными и красными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 3-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. Извлекаем отсюда сцену (вариант № 5), в следующей редакции зачеркнутую и находившуюся между явлениями 3-м и 4-м (применительно к окончательной редакции).

11. Рукопись на 12 нумерованных листах в 4° (один чистый), исписанных большей частью с обеих сторон рукой М. Л. Толстой и А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого черными и зелеными чернилами. Ремарки подчеркнуты красным карандашом. Текст 4-го действия. Копия текста того же действия по рукописи, описанной под № 5. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. На последнем листе, в конце текста, на полях рукой Толстого помечено: «По той рукописи поправить».

12. Рукопись на 22 нумерованных листах в 4° (один урезан) (расшитая ученическая тетрадь в обложке). Исписана с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого. Текст 1-го действия. Копия рукописи, описанной под № 8. 18 листов отсюда переложены в рукопись, описанную под № 17. В тексте многих ремарок переписчиком сделаны отступления от оригинала с целью уточнения их. Исправления сделаны в направлении к окончательной редакции. В этой рукописи впервые в комедию введена фигура артельщика от Бурдые. Мисс Брук заменена Марьей Константиновной и в соответствии с этим английские фразы, произносившиеся Брук, – русскими; написаны сцены, соответствующие явлениям 43-му и 47-му в окончательной редакции (хрюканье Василия Леонидыча и уход артельщика). Извлекаем отсюда вариант № 6.

13. Рукопись на 9 большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой неизвестного (а), А. М. Новикова и А. В. Цингера, с исправлением рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Текст 2-го действия, без начала, конца и с большими пропусками в середине. Большая часть недостающего перенесена в рукопись, описанную под № 18, часть утеряна. Некоторые листы этой рукописи, будучи переписаны и исправлены, вновь переписаны и вновь исправлены. Часть впервые исправленных листов вшита в рукопись № 18. Листы, впервые исправленные, являются копией текста рукописи, описанной под № 9. Исправления – в направлении к окончательной редакции. Здесь впервые введена фигура кучера и написан текст, соответствующий 3-му явлению 2-го действия в окончательной редакции. Ломаная речь Шпюлера заменена обычной; количество его реплик увеличено; он говорит более пространно, ученым языком; гвоздь,

попадающий в сапог к мужикам, заменен ложечкой, попадающей в сумку.

14. Рукопись на 10 нумерованных листах в 4° (один урезан) (расшитая ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Исписана с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, С. Э. Мамоновой и А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого. Текст 3-го действия. В середине недостает много листов, переложённых в рукописи, описанные под №№ 19 и 22. Копия текста по рукописи, описанной под № 10. Исправления – в направлении к окончательной редакции. На отдельном вставном листе здесь написана рукой Толстого сцена, в которой Бетси обнаруживает проделки Тани; она соответствует 8-му явлению в окончательной редакции.

15. Рукопись на 1 листе в 4°, исписанном с обеих сторон рукой М. К. Рачинской и исправленном рукой Толстого. Конец 5-го явления, 6-е и начало 7-го явления 4-го действия. Здесь рукой Толстого написана сцена с шарадой. Первоначально этот лист входил в состав рукописи, описанной под № 16, но затем, будучи переписан, удален из нее и заменен переписанным.

16. Рукопись на 20 листах в 4°, из которых один урезан (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Все листы, кроме одного, нумерованы. Исписана с обеих сторон рукой М. К. Рачинской и А. М. Новикова и исправлена рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Более крупные исправления переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 4-го действия. Вместе с листом, описанным под № 15, данная рукопись – копия рукописи, описанной под № 11. Ремарки переписаны с отступлениями от оригинала. Исправления сделаны большей частью в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. Толстой в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в тексте рукописи, описанной под № 23.

17. Рукопись на 47, частью нумерованных, частью нумерованных листах в 4° (два листа урезаны), в тетрадной обложке, исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и М. Л. и С. А. Толстых и исправленных рукой Толстого черными и зелеными чернилами. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 1-го действия. Данная рукопись составилась из 18 листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 12, и из копии текста листов, оставшихся в рукописи № 12. В тексте ремарок – отступления от оригинала. Исправления в большинстве – в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. Толстой в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в тексте рукописи, описанной под № 20. Видимо, ее же рукой зачеркнуты некоторые приписки Толстого, переписанные в рукописи № 20 и там, очевидно, автором зачеркнутые. В этих приписках названа фамилия профессора – сначала Кутлер (один раз), затем Кутлеров (2 раза). Извлекаем из этой рукописи вариант № 7, соответствующий 34-му явлению 1-го действия в окончательной редакции.

18. Рукопись на 41 нумерованном листе в 4° (один чистый) (ученическая тетрадь с вшитыми и вложенными в нее листами). Исписана

большую часть с обеих сторон рукой А. М. Новикова, М. Л., С. А. и Т. Л. Толстых, В. А. Кузминской, А. В. Цингера, неизвестного (б) и М. А. Стаховича и исправлена рукой Толстого. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное частью наклеено на текст, написанный рукой Толстого, частью вшито в тетрадь. В последнем случае переписанное зачеркнуто. Текст 2-го действия. Данная рукопись составила́сь большей частью из листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 13, из копий текста начала рукописи, описанной под № 9, и копий текста листов, оставшихся в рукописи № 13. В тексте ремарок обычные отступления от оригинала. Исправления – в направлении к окончательной редакции. Рукой М. Л. и С. А. Толстых в рукопись нанесены исправления, сделанные при первой правке рукой Толстого текста рукописи, описанной под № 21.

19. Рукопись на 36 нумерованных листах в 4° (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами). Исписана с обеих сторон рукой А. М. Новикова, Т. Л. Толстой, С. Э. Мамоновой и исправлена рукой Толстого черными и фиолетовыми чернилами. Более крупные исправления здесь переписаны переписчиками, и переписанное наклеено на текст, написанный рукой Толстого. Текст 3-го действия. Данная рукопись составила́сь из листов, переложённых в нее из рукописи, описанной под № 14, и из копии текста листов, оставшихся в этой рукописи. В тексте ремарок – обычные отступления от оригинала. Исправления большей частью в направлении к тексту окончательной редакции. Здесь между прочим значительно дополнены речи Шпюлера и профессора. Шпюлер подчеркивает, что он не спирт, а гипнотизер. Рукой М. Л. и Т. Л. Толстых и А. М. Новикова и отчасти самого Толстого в рукопись нанесены исправления, сделанные рукой Толстого карандашом в рукописи, описанной под № 22.

20. Рукопись на 29 нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой М. Л., Т. Л., С. А. Толстых, Толстого и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 1-го действия. Копия рукописи, описанной под № 17, частично сделанная рукой самого Толстого. Карандашные исправления стерты (остались лишь их слабые следы) и переписаны рукой М. Л. Толстой и В. С. Толстой. Кроме того, в рукопись переписчиками вписаны исправления, сделанные Толстым явно не в данной рукописи, а, очевидно, в недошедшей до нас копии с нее. Рукопись представляет собой ученическую тетрадь с вложенными в нее листами. На обложке рукой Толстого написано: «Акт 1», рукой С. А. Толстой – «Последняя редакция». К этой рукописи относится вставка в несколько строк (к 30-му явлению), написанная на клочке бумаги и хранящаяся в Государственном Толстовском музее в Москве (папка 19). В тексте ремарок – отступления от оригинала. Исправления – в направлении к печатному тексту, от которого в рукописи есть еще ряд отличий. Здесь между прочим фамилия «Шпюлер» исправлена на «Гросман». Всё действие разбито на 59 явлений (вместо 62-х в печатном тексте).

21. Рукопись на 24 нумерованных листах в 4° (два последние чистые), исписанных с обеих сторон рукой М. А. Кузминской, А. М. Новикова и С. А. Толстой и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 2-го действия. Копия рукописи, описанной под № 18.

Карандашные исправления стерты (от них остались лишь слабые следы) и переписаны рукой М. Л. и С. А. Толстых и А. М. Новикова. Кроме того, переписчиками вписаны исправления, очевидно сделанные Толстым в недошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». Исправления очень приближают текст рукописи к печатному тексту, от которого он отличается небольшими разночтениями. Здесь впервые введено – в 17 явлении – новое действующее лицо – баронесса.

22. Рукопись на 29, большей частью нумерованных листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой, А. М. Новикова, М. А. Кузминской, В. С. Толстой и М. Л. Толстой и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 3-го действия. Копия рукописи, описанной под № 19, за исключением листов, переложённых сюда из рукописи, описанной под № 14. Карандашные исправления стерты и переписаны рукой переписчиков. Кроме того, рукой переписчиков вписаны исправления, которые были, очевидно, сделаны в исправленной Толстым, но не дошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь с вложенными в нее листами) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». Приближаясь к печатному тексту, текст данной рукописи сравнительно с ним имеет ряд небольших разночтений.

23. Рукопись на 17 нумерованных листах в 4° (четыре чистые), исписанная с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправленная рукой Толстого чернилами и карандашом. Текст 4-го действия. Копия рукописи, описанной под № 16. Карандашные исправления стерты и, за исключением одного, переписаны рукой М. Л. Толстой. Ее же рукой вписаны исправления, очевидно сделанные Толстым в недошедшей до нас копии данной рукописи. На обложке рукописи (ученическая тетрадь) рукой С. А. Толстой написано: «Последняя редакция». По сравнению с печатным текстом в рукописи несколько второстепенных разночтений.

24. Автограф на 2 листах большого почтового формата, исписанных с обеих сторон. Список действующих лиц и их характеристика. По сравнению с печатным текстом в нем следующие отличия (отмечаем лишь существенное). В характеристике А. П. Звездинцевой к словам – «Дама раздражительная» добавлено: «и грубоватая». Все общества, в которых участвует Василий Леонидыч, названы императорскими. Имя, отчество и фамилия профессора не названы. Вместо «Марья Константиновна» Толстым написано «Анна Константиновна», но рукой С. А. Толстой слово «Анна» исправлено на «Марья». Общество устройства ситцевых и коленкорových балов, в котором Петрищев является членом, названо также императорским. О Гросмане (эта фамилия написана здесь вместо зачеркнутой «Шпюлер») не сказано, как в печатном тексте, что он говорит очень громко. О старом поваре сказано, что ему лет 45 (а не 55, как в печатном тексте). О Тане не сказано, что она «в минуты сильного возбуждения радости взвизгивает». О Сахатове сказано, что он бывший министр и не сказано, что он «ничем не занят и всем интересуется». Барин без слов не помечен.

25. Рукопись на 4 листах в 4°, исписанных с обеих сторон рукой А. М. Новикова и исправленных рукой Толстого чернилами и карандашом. Слова, написанные карандашом, обведены рукой М. Л. Толстой по буквам

чернилами. На лицевой странице первого листа заглавие – «Плоды просвещения», сверху которого карандашом рукой Толстого написано «Исхитрилась или». Слова эти стерлись. Вернее думать, что они намеренно стерты. На следующих страницах – копия предыдущей рукописи с некоторыми отступлениями: изменен порядок в перечислении действующих лиц, сделаны небольшие добавления к их характеристикам, вошедшие в печатный текст, и названы имя, отчество и фамилия профессора – Алексей Владимирович Кутлеров. С другой стороны, некоторые слова, относящиеся к характеристике персонажей и вошедшие в печатный текст, зачеркнуты. Слово министр (о Сахатове) исправлено Толстым на «товарищ министра», фамилия профессора «Кутлеров» им же исправлена на «Кругосветлов». К характеристике Толстой барыни добавлено им же, что она курит, и к характеристике Гросмана то, что он говорит очень громко. По сравнению с печатным текстом в рукописи имеется несколько второстепенных разночтений.

26. Рукопись на 19 листах в 4° (один чистый). Сшитая тетрадь, исписанная большей частью с обеих сторон рукой Т. Л. Толстой и С. Э. Мамоновой и исправленная в трех местах рукой Толстого. В ней – роль Тани, списанная по рукописям, описанным под №№ 7, 9, 10, 11. Две поправки, сделанные Толстым в конце 2-го явления (слова Григория: «Очень уж ты мнѣ ндрависься» и Тани: «Ну, я въ васъ не нуждаюсь, вотъ и все») в другие рукописи перенесены не были.

27. Рукопись на 6 листах в 4° (один чистый). Сшитая тетрадь, исписанная большей частью с обеих сторон рукой С. Э. Мамоновой и в некоторых местах исправленная рукой Толстого. В ней – роль Толстой барыни, списанная по рукописям, описанным под №№ 9 и 13. Исправления, сделанные здесь Толстым, в другие рукописи перенесены не были.

28. Рукопись на 93 листах в 4° (последний чистый), исписанная большей частью с обеих сторон рукой С. А. Толстой и исправленная карандашом и чернилами рукой Толстого. Текст всех четырех действий. Копия рукописей №№ 20–23, с поправками, сделанными рукой С. А. Толстой и неизвестного по рукописям №№ 24–27. С этой рукописи делался набор для сборника «В память С. А. Юрьева».

29. Корректурa на 49 гранках с многочисленными исправлениями большей частью карандашом, частично чернилами рукой Толстого. Рукой С. А. Толстой и неизвестного обведены чернилами кое-какие неясные карандашные написания Толстого, их же рукой сделаны технические исправления погрешностей набора. В двух случаях, на 27 гранке, в 14-м явлении 2-го действия, рукой С. А. Толстой сделаны словарные исправления: «из носу сопли текут» исправлено ею на «из носу течет» и «Сопли-то текут» – на «Из носу-то течет».

Кроме того, среди рукописей, относящихся к «Плодам просвещения», имеется еще несколько переписанных ролей, но все они без исправлений рукой Толстого.

Некоторое количество рукописей, относящихся к «Плодам просвещения» и исправленных рукой Толстого, до нас не дошло. Кроме упомянутых выше рукописей текста комедии, в которых должны были быть

собственноручные исправления Толстого, до нас не дошли списки ряда отдельных ролей, в которых, возможно, были авторские исправления. Так, А. В. Цингер сообщает о том, что исполнявшаяся им роль Григория, переписанная рукой В. А. Кузминской и пополненная двумя репликами рукой Толстого, была взята исполнителем роли себе на память. [103]

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ.

Основная работа над входящими в 27 том художественными произведениями протекала у Толстого в конце 1880-х годов и в 1890 году. Одно из этих произведений («Дьявол») Толстым не было окончательно отделано и впервые напечатано лишь после его смерти.

Из вышедших в свет при жизни Толстого произведений «Крейцера соната» перепечатывалась в большинстве изданий с текста, впервые опубликованного в 1890 г. в тринадцатой части сочинений Толстого и напечатанного по копии, переписанной С. А. Толстой, заключающей в себе множество отступлений от подлинного толстовского текста – бессознательных и частью сознательных. Ни этой копии ни корректур повести Толстой не читал. Отсюда большое число искажений, вкрапившихся в печатный текст «Крейцеровой сонаты» и лишь частично устраненных по неавторитетным спискам в некоторых заграничных изданиях и преимущественно в двенадцатом издании сочинений Толстого 1911 г., но вновь спорадически появлявшихся в последующих изданиях повести.

Что касается „Послесловия к «Крейцеровой сонате», также не авторизованного Толстым ни в копии, с которой оно печаталось, ни в корректурах, то текст его в России вплоть до последнего времени печатался с существенными цензурными пропусками (исключение представляет собой единственная перепечатка «Послесловия» с заграничного издания В. Г. Черткова в брошюре «О половом вопросе. Мысли графа Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым», напечатанной в журнале «Всемирный вестник» за 1906 г. и изданной затем отдельно).

Рассказ «Франсуаза» всё время печатался или по тексту, искаженному в интересах «благоприличия» А. С. Сувориным и впервые напечатанному в его газете «Новое время», или, реже, по искусственно скомбинированному тексту И. И. Бирюкова, в который лишь частично были введены купюры, сделанные Сувориным.

В настоящем издании все эти произведения – в результате изучения относящегося к ним рукописного материала – впервые появляются в печати в неискаженном виде.

Помимо вариантов литографированных редакций «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней, печатаются ранние рукописные редакции, планы и

варианты входящих в этот том художественных произведений, доселе в большинстве неопубликованные.

Из статей, входящих в состав данного тома, впервые публикуются три неоконченных отрывка. К статьям: «Для чего люди одурманиваются?» и «Предисловие к «Севастопольским воспоминаниям» Ершова» даны обширные варианты, впервые извлеченные из черновых рукописей автора; в статье «Для чего люди одурманиваются?» восстановлен пропуск, сделанный по цензурным условиям. В комментариях к статье «О соске» приводятся толстовские тексты, затерявшиеся в проредактированной им рукописи другого автора. Из других статей Предисловие к «Злой забаве» В. Г. Черткова и «Carthago delenda est» до сих пор не включались в собрания сочинений Толстого. Тексты всех статей проверены по рукописям.

Художественные произведения данного тома приготовлены к печати, редактированы и комментированы Н. К. Гудзием.

Вся работа по подготовке к печати текстов статей и составлению комментариев к ним сделана В. Д. Пестовой, под редакцией Н. Н. Гусева.

В составлении указателя к тому принимала участие А. И. Толстая-Попова.

Н. Гудзий

Н. Гусев.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТИ СЕДЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[ак]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные,

тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают:

* – что печатается впервые,

** – что напечатано после смерти Толстого,

*** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и

**** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия фотографического портрета Толстого 1889 года (размер подлинника) – между XI и 1 стр.

Автотипия с рукописи (автографа) первого плана «Плодов просвещения» (размер подлинника) – между 534 и 535 стр.

Примечания

1

[Игра слов: Не столько у мамы Гасовой, сколько у папы Гасова и даже не папы Гасова, а у сына Гасова.]

2

[игры слов?]

3

[Перестаньте, вы становитесь невыносимы!]

4

[J'ai cessé – я перестал. Далее игра созвучий. J'ai bébé – буквально – я имею малютку.]

5

[преувеличенная стыдливость]

6

[плотный завтрак.]

7

[Готово.]

8

[Скажите, ему платят?]

9

[Не смогу вам сказать.]

10

[Он из господ?]

11

[О, да.]

12

[Это сверхъестественно. Не правда ли? Как это он находит?]

13

[Не смогу вам сказать. Мой муж вам это объяснит. Простите.]

14

[Поразительный!]

15

[Восхитительно! Ему не больно?]

16

[Ничуть.]

17

[У вас счастливая рука].

18

[А он очень хорош.]

19

[деверь.]

20

[поразительное]

21

[кувырком.]

22

[я остаюсь при своем мнении.]

23

[не обмани.]

24

(Мне до смерти надоел ваш Коко.)

25

[Обычно он точен...]

26

[Перестань, прислуга.]

27

[моя красавица.]

28

[мой дорогой;]

29

[А это мне нисколько не улыбается, нисколько, нисколько!]

30

[проявления.]

31

[мое второе]

32

[мое первое]

33

[припев:]

34

[прелестно!]

35

[До свиданья.]

36

[благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте.]

37

(благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте. До вторника.)

38

Зачеркнуто: скучаетъ. Професоръ. Приѣхалъ Малчиць.

39

Зачеркнуто: Няня

40

Зач.: прося[тъ].

41

Зач.: землю просить. Гости уѣзжаютъ. «Позвать».

42

Зач.: Отказываетъ и уходитъ въ уборную, беретъ столъ. Отка[зывается.] (Няня одна). «Погоди жъ ты, добромъ не хотѣль. Я Семки велю». Беретъ столъ и азбуку. Пишетъ. Получаетъ отвѣтъ: нельзя. Няня. «Не велить».

43

Зач.: Такъ, няня, ты на меня не серчай, это противъ моихъ правилъ. Да. А этаго племянника посмотритъ можно». Лакею звонить. «Пошли Семена».

44

Зачеркнуто: Н[яня]. «Ну погоди жъ».

45

Зач.: Аф[анасьевна] приходитъ. «Отказа[ль]. Да погоди жъ, будетъ вамъ дѣло».

46

Зач.: Лакей приносить письмо Малчичу.

47

Зач.: Барыня зоветъ всѣхъ въ гостиную.

48

Зач.: «Некого благодарить: это должно было. Професоръ тутъ»

49

Зач.: чувствуешь, когда это дѣлается съ тобой? Ты самъ не двигался?»
«Да я не чувствую».

50

Поверх зачеркнутых строк другими чернилами написано: Н[яня]. «Отчего не вѣрить? Вотъ Сем[еновъ] столь прыгаль». Поверх зачеркнутых строк другими чернилами позднее написано: Н[яня] приходитъ въ кабинетъ. «Я вамъ доложить пришла. Страсть. Обѣдать съ Семеномъ нельзя».

51

[До вечера.]

52

[Я не могу решиться один на такое важное дело.]

53

[Вы спросите у духов?]

54

[Конечно. Я спрошу совета у моей матери.]

55

[А жена хорошо себя чувствует?]

56

[между нами говоря, она чувствует себя хорошо, но микробы – это наше несчастье.]

57

[Это – бедствие.]

58

[Долги на честное слово.]

59

В подлиннике: Петровъ.

60

[Что они подумают?]

61

В подлиннике очевидная описка: какъ

62

В подлиннике: того

63

[Но у него вши.]

64

[Это ничего, по крайней мере будет смешно.]

65

Далее, внизу страницы, очевидно для памяти, записан план дальнейшего: За ноги держится, отыскивает ключь, удивление всѣхъ. Всѣ уходятъ. Барыня выгоняетъ мужиковъ. Таня имъ велитъ приходить завтра. 3-й актъ. Семень поссорился съ Григоріемъ и проситъ разсчета.

66

[Будьте осторожны. Они могут быть больны.]

67

[из добрых побуждений]

68

[Это мне действует на нервы.]

69

[Это меня мало интересует, вот и всё.]

70

[Извините. Вы остаетесь?]

71

[как он чувствует себя непринужденно.]

72

[Название игры.]

73

[Люди.]

74

В подлиннике ошибочно: офицеръ.

75

[Конечно. Я искренно тронута. Осторожно.]

76

[Тысячу раз спасибо.]

Впервые это описание сделано в статье Н. В. Давыдова «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом», напечатанной в «Сборнике воспоминаний о Л. Н. Толстом». Книгоиздательство «Златоцвет», М. 1911, стр. 20–21. Здесь ошибочно сеанс приурочен к 1889 г. Во второй редакции этой статьи, напечатанной в книге Н. В. Давыдова «Из прошлого», М. 1914, стр. 287 и сл., эта ошибка исправлена, и сеанс приурочен просто к 1880–м годам. Но здесь Давыдов далее допускает новую ошибку, утверждая, что первое представление «Плодов просвещения» в Ясной поляне происходило в следующую зиму после сеанса. На самом же деле, как увидим ниже, между сеансом и постановкой комедии в Ясной поляне прошло более трех лет.

Н. В. Давыдов. «Из прошлого», стр. 287.

Ibid., стр. 288. Еще в 1884 г., в своем дневнике, под 19 апреля, Толстой записал: «Львов рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге, новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях?»

Ibid., стр. 288.

По одному свидетельству С. А. Толстой это было 20 октября («Воспоминания С. А. Толстой». «Власть тьмы». – «Толстовский ежегодник 1912 г.» М. 1912, стр. 17), по другому – 27 октября («Дневники С. А. Толстой. 1860–1891», стр. 134).

82

А. А. Стахович. «Клочки воспоминаний». – «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 27.

83

Стасов под «двумя новыми львами» понимает, несомненно, «Смерть Ивана Ильича» и «Власть тьмы», написанные в 1886 г.

84

«Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878–1906. Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 77.

85

Однако и в окончательном тексте комедии удержалась одна фамилия, принадлежавшая знакомому Толстому семейству. В 35-м явлении 1-го действия Бетси спрашивает у Петрищева: «а скажите, вы вчера были у Мергасовых?», на что Петрищев отвечает каламбуром. Мергасова – девичья фамилия матери З. М. Молоствовой – В. И. Молостровой. В З. М. Молостнову Толстой был влюблен в свои студенческие годы.

86

«Известия общества Толстовского музея», 1911, № 2, стр. 3.

87

«Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910 г.», стр. 336.

88

См. «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка. Вступительная статья и примечания С. П. Яремича. «Academia», М. – Л. 1930, стр. 126.

89

Ср. Кн. Д. Д. Оболенский «Новая комедия гр. Л. Н. Толстого». – «Новое время», 1890, № 4766, от 5 января. Гр. С. А. Толстая, «Первое представление комедии графа, Л. Н. Толстого – «Плоды просвещения»». – «Солнце России», 19, 12, № 145 (46) от 7 ноября, стр. 9–11. Н. В. Давыдов «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» – «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». К-во «Златоцвет». М. 1911, стр. 20–25. Его же. «Лев Николаевич Толстой» – статья в книге «Из прошлого», М. 1914, стр. 287–291. В. М. Лопатин. «Из театральных воспоминаний». – «Международный Толстовский альманах», составленный П. Сергеенко. Изд. «Книга». М. 1909, стр. 98–104 А. В. Цингер. «У Толстых». Там же, стр. 374–381. Его же. «В Ясной поляне четверть века назад». – «Русское слово» 1914, № 360, от 31 декабря. Гр. Л. Л. Толстой. «В Ясной поляне». Изд. «Пламя». Прага, 1923, стр. 63–65. А. М. Новиков. «Зима 1889–1890 гг. в Ясной поляне, картины яснополянской жизни в 90-х годах». – «Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Государственное издательство. М. – Л. 1928, стр. 212–214. М. Н. Орлов. «Воспоминания о Л. Н. Толстом». – «Новые пропилеи». Под редакцией М. О. Гершензона, М. 1923, стр. 92–94.

90

По воспоминаниям А. В. Цингера, Н. В. Давыдов, режиссер яснополянского спектакля, просил не разучивать новых вставок и исправлений, сделанных Толстым в процессе последних репетиций. Исключение было сделано лишь для роли 3-го мужика. «Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.

91

Н.С. Лескову и В. Г. Черткову, гостившим тогда у Толстого.

92

Записи записных книжек 1889–1890 гг., относящиеся к работе над комедией, см. в 50 и 51 томах настоящего издания.

93

Источником большей части текста этой шарady является шарada, написанная знакомым семьи Толстых гр. Ф. Л. Соллогубом, племянником автора «Тарантаса» гр. В. А. Соллогуба. Начало этой шарady (1-я сцена) таково:

АРЕАРЕНА«АРЕ»НА

Сцена 1. Необитаемый остров.

Хор Дикарок:

Ах аппетит

Вот попугай.

Меня мутит

Лови, хватай.

И очень есть желаю,

Но, ах, закуски мало!

Хожу, гляжу,

Смотри, вон плот

Не нахожу,

Вдали плывет

Кого жевать не знаю.

На нем два генерала.

Аре: Спрячьтесь, подруги, за кустами!

(Дикарка Аре влюбляется по мере приближения генералов и пишет письмо.)

Я вам пишу, чего же боле?

Плывете вы оттоль, отколе

Не приплывал еще никто.

Уже я мучаюсь! За что?

За что люблю я вас – не знаю,

И вас пока не различаю,

Но вижу – вы два генерала,

Таких досель я не видала,

А потому пишу с размаху:

Иль вас любить – или на плаху!

Жду вас у леса в пустыре,

Вся ваша – юная АРЭ!

Генералы сходят на берег и поют:

Мы два генерала

Судьба нас связала

На остров послала!

Баобдил (за кустом):

А я, Баобдил,

Свой нож наточил!!!

(Выход дикарок, приветствие генералам, дикарки наперерыв кокетничают с генералами и уводят Дон-Педро. Аре спасает Дон-Жуана.)

Аре (Дон-Жуану): Не правда ли, ты сделаешь меня цивилизованной?

Я твоя Аре?

Дон-Жуан: Да, ты моя Аре...

(к публике с дьявольской усмешкой):

...стантка!!!

Текст второй части шарады «Плодов просвещения» (слог «на») не зависит от шарады Соллогуба. В ней (сцена 2-я) в соответствие со стихами.

Как прекрасна натураи т. д. читаем:

(Дон-Жуан и Нанна на лестнице).

Дон-Жуан:

Вот на небе блестит луна яркая,

А на сердце горит любовь жаркая.

Я надеюсь на эту прелестницу.

Она пустит меня и на лестницу!

95

О свиданиях с Толстым О. И. Фельдман рассказал в заметке «Отношение Толстого к гипнотизму». – «Международный Толстовский альманах», стр. 354–358. По словам Фельдмана, Толстой был знаком с литературой гипнотизма и особенно интересовался вопросом о свободе личности у загипнотизированных.

96

В 18–м явлении 2–го действия Гросман говорит: «В Сальпетриере 3000 больных, и я прослушал полный курс»; в 19–м явлении 3–го действия он же говорит: «Так я употреблю свой способ, который я демонстрировал в Одессе». Автор указанной статьи о Фельдмане А. Кауфман сообщает, что Фельдман работал под руководством Шарко в госпитале Сальпетриер близ Парижа, а впервые выступил в роли гипнотизера в Одессе.

97

«Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.

98

«Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. Указ. статья, стр. 212–213. В 11–м явлении 3–го действия названо имя кучера – Тимофей. Таково было действительное имя яснополянского кучера.

99

«Известия общества Толстовского музея», 1911, № 2, стр. 3–4.

100

См. Н. В. Давыдов. «Из прошлого», 290–291.

101

Отчет о спектакле см. в «Новом времени» от 20 апреля 1890 г.

102

В ленинградском архиве главного управления по делам печати хранится особая папка с надписью «О снятии с репертуара пьесы «Плоды просвещения» графа Льва Толстого». Документы этой папки, приведенные выше, напечатаны в статье Ф. Раскольников «Цензурные мытарства Л. Н. Толстого–драматурга». – «Красная новь», 1928, кн. 11, стр. 139–142. Ср. еще Д. Л. «Пьесы Льва Толстого в цензуре (архивные фрагменты)». «Красная газета» (вечерний выпуск), № 5 от 6 января 1926 г.

103

«Русское слово», 1914, № 360, от 31 декабря.